ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ
ВИКТОРИЯ КАРЕЛОВА
Академия Истины

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждый год в середине лета Академия Истины приглашает юношей и девушек пройти обучение. Получает вожделенный черный конверт с золотыми буквами и Феодоссия Ролло, скромная девушка из глубинки. Для ее семьи это становится спасением — род давно обеднел, маги не рождались уже семь поколений. Чтобы достойно проводить Феодоссию в академию, девять младших сестер добровольно расстаются с приданым, отдают кружева и жемчуг, но она все равно оказывается белой вороной. После заселения в общежитие юная магиня начинает слышать голоса и видеть странные сны про таинственную башню и мужчину с глазами цвета ночи. Сможет ли она распорядиться даром богов так, чтобы выполнить их волю, но в то же время не отказаться от своих принципов?

- Виктория Карелова
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ГЛАВА 25
  - ГЛАВА 26

- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32
- ГЛАВА 33
- ГЛАВА 34
- ГЛАВА 35
- ГЛАВА 36
- ГЛАВА 37
- ГЛАВА 38
- ГЛАВА 39
- ГЛАВА 40
- ГЛАВА 41

Виктория Карелова
АКАДЕМИЯ ИСТИНЫ

ГЛАВА 1
Макушка лета

— Фея, Фея, иди сюда скорей! — Заполошный крик матери внезапно разбил хрустальную красоту сна.

— Что… что стряслось? — хрипло пробормотала я, приподнимаясь на локте и пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке комнаты.

— Ох, неужто с девочками что-то? — заворочалась рядом Дора.

А мама продолжала звать меня со двора, нимало не смущаясь, что перебудит не только весь дом, но и окрестный лес.

Мы с Дорой одновременно стряхнули с себя остатки сна и кинулись к двери, путаясь в подолах длинных ночных сорочек.

— Иду, иду, матушка! — крикнула я, повернув голову к распахнутому окну, и чуть не упала, запнувшись о половик. Спасибо Доре — поддержала.

У лестницы мы столкнулись с выскочившими из своей светелки Евой и Сией.

— Что такое, Фея? Что стряслось? — загалдели девочки наперебой, вцепившись мне в руки.

— Ш-ш-ш, а ну, успокоились! — приструнила я сестренок. — Еще не хватало с лестницы навернуться в суматохе. Не знаю пока ничего. Никифор Иваныч, посвети нам, пожалуйста, — уже поспокойней обратилась к домовому.

Послушно затеплились лучинки в светцах, позволяя с трудом разглядеть ступени. Мы потопали вниз, сопровождаемые скрипом половиц и многоголосым ревом из малышовой горницы.

— Я к девочкам, успокою, — метнулась назад, к двери в детскую Дора. Вот уж на кого всегда можно положиться! Что бы вокруг ни происходило, моя дружечка делает именно то, что необходимо больше всего.

Мы же с сестрами споро спустились на первый этаж и побежали к выходу на крыльцо, откуда доносился голос матери, что-то жарко втолковывающей отцу.

— Что? Что, матушка? — почти одновременно выдохнули мы втроем, с беспокойством озирая двор.

— Фея, душечка, смотри, что лежит. — Она указала пальцем вниз, взирая на меня с такой надеждой, будто я сама Великая Веритассия.

На ступеньке крыльца в предрассветных сумерках был четко виден темный прямоугольник. Сделав шаг вперед, я наклонилась

и разглядела начертанные на нем золотыми буквами слова: Феодоссия Ролло. Это мое имя. И значить это может только одно…

— Открывай же, открывай скорей, доченька! Я девятнадцать лет молилась об этом дне! — Мама испуганно хлопнула себя ладошками по щекам. — А вдруг это ошибка? Вдруг там что-то другое?

Меж тем я бережно подняла конверт и провела пальцем по золотистой строчке. Бумага послушно развернулась и явила нашим жадным взорам письмо. С трудом разобрав буквы, я ошарашенно произнесла:

— Меня приглашают в Академию!

А больше ничего сказать и не успела, чуть не оглохнув от визга сестер. Мама выдернула листок из моих рук и принялась вчитываться в написанное, я же ошалело плюхнулась на ступеньку и уставилась на розовеющее небо.

Вообще-то восторг моих родных понять можно: уже семь поколений в нашей семье не рождалось благословленных богиней. Наш род и в старину не отличался высоким уровнем магии: говорят, это все из-за браков с простолюдинками. Способность к магии передается исключительно с кровью дворянских фамилий, основатели которых были удостоены поцелуя Великой Веритассии. Далеко не все дети в роду рождаются с даром, но у кого именно проявятся истинные способности, заранее вычислить невозможно. Иногда случается и такое, что дар обнаруживается у простых людей. Это значит, у кого-то из их предков была связь с дворянином. А у моих пращуров, наоборот, была склонность жениться по любви, а не по долгу крови. Вот и брали они жен, не глядя на наличие герба. Моя маменька вот из семьи торговцев. А отец — дворянин, хоть и обедневший, если не сказать — обнищавший. Нет, его вины в сложившемся положении не было: все состояние рода Ролло промотали задолго до рождения отца. Никто же не мог предположить, что магов у нас не будет много-много лет, вот и тратили денежки, не задумываясь. А благосостояние дворянского рода зиждется именно на магах, ведь аристократу зазорно работать кем-то, кроме истинника. Постепенно фамилия приходила в упадок, и вот сейчас остались только мы: последние представители некогда славного рода. Отец даже попрал все устои, согласившись служить лесничим. Если бы не его жалованье да богатое приданое мамули, мы бы жили впроголодь. А так — хватало.

Гораздо хуже было, что у родителей до сих пор не получилось завести сына: титул передавался только по мужской линии, так

что без наследника наш род был обречен. О нет, мама с папой очень старались: примерно раз в два года производя на свет младенца. Но рождались только девочки. Самая младшая пришла в этот мир всего три месяца назад. Ну, а я — старшая. А всего нас — десять сестер.

Мне всегда казалось странным и непонятным, отчего Великая Веритассия, провозгласившая истинными лишь браки по обоюдной любви, так жестоко обошлась с родом Ролло, на протяжении столетий свято блюдшим этот завет? Мои родители и по сию пору нежно любят друг друга. Деды и прадеды наверняка тоже любили своих жен, раз уж отказывались от выгодных аристократических партий. Мы вообще отличаемся очень традиционным укладом жизни: носим самую простую одежду, не гоняясь за веяниями моды, питаемся издревле известными продуктами, и имена у нас старинные, родовые, хотя даже крестьяне уже так не называют детей. Однако же именно наша фамилия вот-вот угаснет в глуши и забвении.

Живем мы почти на самом краю мира, на лесной заимке, откуда даже до ближайшего хуторка идти больше часа. До самого близкого города добраться можно лишь с помощью портального амулета. Точнее, пешком или на лошади тоже можно, разумеется, вот только никто никогда не мерил, сколько времени займет такой путь. Отец там когда-то жил, мама — тоже, а мы с сестрами родились уже здесь, в тереме, выделенном отцу лесничеством.

Нет, дом у нас прекрасный, и домовой с кикиморой есть, и банник, и скотину держим, и огород. Только вот живем мы совсем как крестьяне. Родителям это непросто дается, хотя они не жалуются и все для нас стараются сделать. Читать нас выучили, манеры постарались привить, хотя последнее у них вряд ли получилось, а уж грамоты лучше бы нам и вовсе не разуметь. Книг у нас немного, но в тех, что есть, описывается совсем иная жизнь, словно бы не от мира сего. Там никому не надо работать, а у девушек всегда есть поклонники… Мы же с утра до ночи трудимся: домовой ведь не может за таким большим хозяйством без магических предметов уследить. А уж поклонникам тут и взяться неоткуда, если только медведь забредет.

— Доченька, я так рад за тебя! — Отец присел рядом со мной, нежно потрепав по плечу. — Всегда знал, что ты у нас особенная.

— А я пока даже не знаю, рада ли. Удивлена очень. Я и позабыла, что нынче липень начинается. — Сладкий медовый аромат расцветающих лип так и щекотал ноздри.

— Устала вчера? — как-то смущенно посмотрел отец.

— Немного, батюшка, кружева плела допоздна, больно

красивый узор придумался. — Я невольно зевнула.

— Фея, ясочка моя, что ж ты сидишь, — вклинилась в разговор матушка, — надо ж срочно поутренять да заняться осмотром припасов, — мой недоуменный взгляд, кажется, придал матери дополнительной экзальтации, — ах, как же ты не понимаешь, это же столица, там все совсем иначе! Люди первым делом смотрят не на дела твои, а на одежду. И цены там совершенно безумные. Надо собрать тебе самый лучший гардероб!

Я сильно сомневалась, что у нас найдутся наряды, хотя бы отдаленно напоминающие те, что носят в столице. На прошлогодней ярмарке проезжий купец показывал картинки с новомодными дамскими туалетами. Судя по написанным на картинках цифрам, новомодными эти туалеты были года три назад, но все равно народ глядел на них как на диво.

Выпотрошив содержимое всех сундуков, матушка была вынуждена признать поражение: все это было вполне пригодно для ближайших окрестностей, но совершенно не годилось для столицы.

— Маменька, а если наше приданое перебрать? — робко заметила Дора, вернувшись в дом с очередным матрасом, туго набитым свежим сеном. Обычные усадебные работы не могли ждать, пока новоявленная магиня отбудет в Академию, так что вся семья усердно трудилась, пока мы с матерью сортировали ткани.

— Ох, приданое, я даже и не знаю, милая, — как-то затравленно пробормотала мама. — Сможем ли мы собрать вам новое?

— Так ведь Фее сейчас нужней! А я все равно в ближайшие два года замуж не выйду. Откроется ли у кого-нибудь из нас дар — неизвестно. А у нас там все самое лучшее собрано. Вот и получается… — сбивчиво затараторила сестренка.

Нам и впрямь начинали собирать приданое чуть ли не с рождения. Самые красивые ткани, самое тонкое кружево, самые богатые вышивки, самые дорогие пуговицы, в общем, все самое-самое собиралось в рундуки под кроватями. Кроме того, у родителей было заведено дарить нам на новогодье по жемчужинке. Правда, поскольку нас становилось все больше и больше, а денег в семье не прибавлялось, жемчуг постепенно становился все мельче, но у нас с Дорой, как у старших, было по несколько весьма крупных перлов. А изо всех имеющихся в наличии жемчужин можно было собрать весьма богатое ожерелье.

— Матушка, не надо, — запротестовала я. — Ведь из Академии вылететь легче легкого. Как я потом девчатам в глаза

смотреть буду? Пусть приданое при них останется, а я и своим платьем обойдусь. Не важно, кто там как на меня смотреть вздумает.

— Великая Веритассия, какие же вы у меня хорошие выросли. — На глаза матери навернулись слезы. — Фея, доченька, послушай меня: Дора права, кто знает, будет ли у девочек дар, так что на тебя вся надежда — приложи все усилия, чтобы выучиться, но тебе будет тяжело, я понимаю. Мы не смогли дать тебе хорошего образования, прости, милая! Но ты же красавица у нас, может, в столице в тебя влюбится хороший человек с достатком, и ты выйдешь за него замуж. А еще, я слышала, при Академии можно работать остаться, если дар есть, а учеба не по силам пришлась. Доченька, ясочка, не упусти свой шанс, удержись в столице, мы скучать будем, но оттуда у тебя будет возможность девочкам помочь. Мы-то с отцом обойдемся, лишь бы вы в люди вышли. — Тут маменька уже откровенно заплакала, обнимая нас с сестрой.

Переворошив рундуки с приданым, мама удовлетворенно кивнула и заявила, что все гораздо лучше, чем она ожидала. И незамедлительно составила план действий, охватывающий всю работоспособную часть нашего шумного семейства. Должна заметить, что нам сильно повезло: Великая Веритассия в мудрости своей одарила нас всех рукодельными талантами. Мы, конечно же, все умели и шить, и вязать, и стряпать, без этого не прожить в такой глухомани, но каким-то одним ремеслом каждая из нас владела просто виртуозно: во всей волости не было лучшей вышивальщицы, чем Дора, ее рушники и вышиванки на уездной ярмарке разлетались шибче горячих пирожков. Ева умела из самых бросовых обрезков создать такой красоты кокошник, что все только диву давались. Сия из бисера и ниток плела опояски, достойные любой столичной аристократки. Мама лучше всех в округе шила, ну а моим коньком были кружева.

Признаться, мы редко носили всю эту красоту: попробуй полазать по кустам за убежавшей несушкой в длиннополом наряде с кружевами — и следа от красоты не останется. Так что плоды трудов наших почти все время пылились в сундуках либо же обменивались на что-то более насущное. А ходили мы по-простому: нижняя рубаха из небеленого полотна, а поверх нее — запона, окрашенная в отваре луковой шелухи. Такое-то платьишко и десятилетняя Маняша могла сшить: берешь отрез ткани по росту, перегибаешь пополам, да прорезаешь на сгибе отверстие для головы. Потом, конечно, подрубить надобно, но это дело нехитрое. А подпоясывались, как правило, обычной

веревкой.

Конечно, Великая Веритассия не зря заповедовала дочерям своим носить до вступления в брак девичью опояску — очень длинный кушак, свободно перехлестнутый на животе, концами достающий до подола одежды, — но в лесу, да и в поле это было жутко неудобно: за все цепляешься. Вот потому-то дивные творения Сии мы надевали только на ярмарку да иногда по праздникам. В столице же мне явно придется облачаться более строго.

Матушка постановила, что до ветрогона мы успеем сделать пять нарядов: от самого простого на каждый день до праздничного, в котором не стыдно будет показаться в столичном Храме Великой Веритассии. Конечно, еще нужна теплая одежда на зиму, но тут я была спокойна: что бы там ни носили городские модницы, а шубка с муфтой у меня превосходные, не зря же отец — один из лучших охотников во всем лесничестве.

Батюшку, кстати, отправили на пасечный хутор, к нашим ближайшим соседям. Там жили три семьи, с которыми мы поддерживали дружеские отношения.

Сложно прожить без подмоги, когда людей нету на много верст окрест. Вот мы и помогали друг дружке: обменивались товарами, вместе заготовляли дрова, вместе ездили на ярмарку. Они с радостью брали у нас дичь и пушнину, набитые отцом, дикоросы, которыми нас щедро снабжал леший, целебные травы, выращиваемые маменькой в парничке, и кружева с вышивками. На хуторе же было вдоволь коровьего молока (мы-то корову держать не могли, на нее сена не напасешься, обходились козами), гусей и уток (их мы тоже не заводили, наш родник для плаванья не годился), меда и яблок. А кроме того баушка Феня была мастерица вязать тончайшие шали из мягкой шерсти: на вид ажурные, словно кружево, но теплые, будто печной бок. Вот и сейчас отца снарядили заказать мне к отбытию пару новых шалочек поизящнее, а если удастся, еще и сторговать хорошего полотна на рубашки. Я же снабдила посланца плотным мешочком сушеного зверобоя для баушки: у нее часто стала болеть голова, а зверобоевый чай от этого недуга хорошо помогает.

К концу дня все так устали от суеты и переживаний, что просто с ног валились. Младшие уснули, даже не дождавшись возвращения отца, мы же с матерью и тремя сестрами не могли упустить возможности послушать новости. Папенька вернулся уже на закате, вечерять отказался, поскольку уже поел с хуторскими, а вот перед чабрецовым чаем не устоял.

Пригласив к столу Никифора Иваныча с Авдотьей Михалной,

мы собрались у самовара. Домовой и кикимора считались кем-то вроде прислуги, но мы просто не могли так относиться к нашим главным помощникам. За те годы, что мы прожили в казенной избушке, эти «низшие существа» не раз показывали себя мудрыми и сердечными советчиками, научившими непутевых дворян жить в диком лесу. Без них бы мы ни за что не управились.

Вот и сейчас, выслушав обстоятельный рассказ отца о здоровье соседей и окрестные сплетни, Никифор Иваныч шумно прихлебнул чай из блюдечка и задумчиво произнес:

— А ить я одного никак в толк не возьму: ежли у девы-то нашей волшба в крови есть, так за осьмнадцать год ков она уж не раз должна была о себе весть дать… Оно ж завсегда волховка к какому-нито делу особую силу кажет. А ты уж, Федосьюшка, прости меня, старика, токмо кружева плести горазда.

Тут мы все встревоженно запереглядывались, не зная, что сказать. Ведь домовой был прав: кружевниц из Академии не выпускали. Из стен этого учебного заведения выходили жрецы, лекари, ученые и прочие важные и незаменимые специалисты, но мне среди них места как-то не находилось. Мама, больше всех радовавшаяся моему вызову в столицу, испуганно залопотала:

— Но мы же не знаем толком, чему там учат! Уже давно ни один Ролло не переступал порога Академии. Может, у Феи талант, который просто не нужен в сельской жизни? Может, он такой, особый, для города!

— Можеть, можеть, — покивал седой головой Никифор Иваныч. — Но ты, Федосья, держи там ухо востро. Штой-то не ндравицца мне эта Кадемия, ишь, чего удумали, девку от дома отымать.

— Да уймись ты, Никифорушко, людям спать иттить, а ты им страсти яки-то на сон грядущий! — всплеснула руками кикимора. — Не слушай его, деточка, он тут в лесу совсем одичал, того и гляди в берлогу завалится, быдто леший какой!

Матушка тут же закрутилась, зазвенела ложечками, заворчала, что мы с сестрами еще не в постелях, но отец после слов домового как-то посмурнел и глаза прятал.

ГЛАВА 2
Банный день

Долго ли, коротко ли, а подошел к концу липень. Вчера вечером я трясущимися руками вложила в бордовый конверт Академии ответное письмо, в котором выражала согласие пройти обучение и просила снабдить меня портальным амулетом. Предложение выдать нуждающимся одноразовый амулет, рассчитанный на перенос в Академию самого неофита и той клади, которую он сможет удержать в руках, содержалось в приглашении. Матушка, явно стыдясь нашей бедности, робко попросила меня воспользоваться академическим порталом. Откровенно говоря, я даже не могла понять ее смущения: переноситься надо было через всю страну, а это огромная по нашим меркам сумма. Я попыталась втолковать матери, что ничего зазорного здесь нет, но она все равно отводила глаза и, кажется, готова была расплакаться из-за того, что не в состоянии обеспечить дочери нормальный портал. Нет, у отца, конечно, имелись казенные амулеты, но они были строго подотчетны и рассчитаны лишь на определенное расстояние: один позволял отцу посещать остальные заимки для проверки деятельности лесников, а второй служил для экстренных случаев. Последний раз с его помощью вызывали лекаря из уездного села, когда матушка рожала Анюту. Роды-то мы и сами могли принять, но надо ж было удостовериться, что дитя здорово, наложить все необходимые заклятия, заговорить роженицу, чтоб быстрее оправлялась. А перенос неофита в Академию явно не мог считаться экстренным случаем. Теперь оставалось только ждать нового письма из столицы.

Нынче в деревнях закончили жать рожь, а в лесу началась самая что ни на есть грибная пора: мы почти всем семейством с утра ходили к лешему на поклон, только матушка с троими младшенькими оставались дома. Хозяин поворчал для виду, что мы таким выводком весь лес обездолим, но умилостивился ковригой с солью и показал роскошную полянку с крепенькими груздями. Мы корзинки еле до дома доволокли, а уж сколько времени ушло на чистку и замачивание — до самого вечера провозились!

Зато ввечеру баньку истопили, напарились, отмылись. Сразу легко так стало. Сейчас там маменька с папенькой тешились, а мы с девочками должны были дальше мне наряды готовить да за младшими приглядывать. Но Дора, добрая душа, отпустила меня

посидеть в любимом местечке у родника. Очень я люблю сюда после бани прийти: тело легкое, мысли ясные, душа отдыхает под журчание воды и пение птиц. Благодать! Тут березка одна стволом изогнулась над низинкой, прям как приступочка, удобно присесть и волосы распустить по склону. Они у нас у всех длинные, моя коса почти до пяток достает, а если расплести, так и вовсе волосы по полу волочатся — расчесывать неудобно. А здесь как-то ловко получается.

Так я по волосам гребешком и водила, пока прямо над ухом кто-то не произнес:

— Доброго здоровьица тебе, Фея!

Я чуть в родник с перепугу не скатилась.

Спасибо, этот кто-то за руку удержал. Смотрю: Семен, сын пасечника с хутора. И улыбается, змей ползучий, так нахально!

— Ох, и напугал, сил нет! Разве ж можно так подкрадываться?

— А ты чего посреди леса мечтаешь? А если б не я, а, к примеру, волк подкрался, чего бы сталось?

— Караул бы кричала! — Со зла показала парню язык, а потом задумалась. — А ты откуда тут? Случилось что?

— Не, я привез, чего заказывали. Бабы тебе еще каких-то гостинцев насовали, но я не вникал.

— Так Доры разве дома нет? — встрепенулась я, порываясь бежать к девчонкам, выяснять, куда делась сестра, пока я у родника рассиживалась.

— Дома она, дома, егоза! Как бы я тебя здесь нашел, кабы она не подсказала? — снова удержал меня за руку парень.

— Ты чего, подрядился из меня заику сделать? То подкрадываешься, то баламутишь! Зачем искал-то? — вырывая локоть, возмутилась я.

— Подарок тебе привез, — отчего-то враз посерьезнев, заявил хлопец.

Только сейчас я заметила, что мой собеседник держит узелок.

— Помню я твои дары, вечно пытался мне гусеницу за шиворот сунуть. — На всякий случай отодвинулась чуть подальше.

Семен поглядел так странно, тоскливо, будто я его ударила, и тихо произнес:

— Тут вот я тебе… это… — На этом, похоже, красноречие хуторянина иссякло.

— Мне уже страшно, неужели ты на дохлую лягушку расщедрился? — попыталась я пошутить, напоминая еще об одной излюбленной проказе нашего детства.

Парень молча мотнул головой и наконец развязал узелок. В

сгущающихся лесных сумерках в его руках горела красно-золотым оперением птица-заряница.

— Семен, ты рехнулся! — только и смогла ахнуть я. — Ее ж невесте после сговора дарят!

Заряниц делали мужчины для своих возлюбленных, чтобы чудесная птица охраняла избранницу от всех бед и тревог: вырезали из дерева, украшали крылья затейливой резьбой, а потом раскрашивали красной и золотой красками. Каждый старался позатейливей украсить подарок. Считалось, что сама Великая Веритассия направляла руку истинно любящего, чтобы дар любви выглядел будто живая пичуга. Заряницу полагалось подвесить под потолком при входе в дом, чтобы она сверху глядела на вошедшего: с добром ли явился али камень за пазухой прячет. У того, кто сердцем выбирал подругу, получалась заряница красоты неописуемой, а у того, кто по расчету жениться хотел, страшилище какое-то выходило, и никакие навыки резьбы по дереву тут не помогали. Потому ни в одной лавке нельзя купить заряницу, только получить из рук жениха.

Птица, которую протягивал мне сосед, была прекрасна: кажется, подкинь, и полетит, освещая лес сполохами крыльев. Но ее не полагалось дарить вот так, с бухты-барахты, только сговоренной дролечке, а родители не стали бы уговариваться о свадьбе за моей спиной.

— Я… я не могу ее взять, правда, — прошептала, недоверчиво глядя на юношу.

— Не возьмешь — выкину! — упрямо набычился парень.

— Да как же можно такую красоту выкинуть! С ума сошел? Не гневи богиню! — замахала я руками на бестолкового. — Слушай, а ты медовушки-то не перебрал, часом? Больно странно себя ведешь, — осенила меня внезапная догадка.

— Да трезвый я, трезвый! — взвыл Семен. — Хочешь, дыхну? Х-ха! Успокоилась? А птицу для тебя делал. И больше никому дарить ее не буду. Потребуется, другую сделаю, — буркнул уже обиженно.

От такого напора я прямо растерялась. Как быть-то? Не взять — нехорошо, человек старался, сразу видно, что с душой делал, от чистого сердца. А взять — это, считай, обещание дала, что замуж выйду. Семен, конечно, парень хороший: трудолюбивый, сильный, ладный и на лицо пригож — ни оспин, ни конопушек. Вот только не люб он мне. И до сего дня я была уверена, что и он ко мне интереса не испытывает.

Мы с сестренками зимой частенько на хутор бегали, там народу побольше, повеселее. Да и летом то мы к ним, то они к нам наведывались. Но я ни разу не замечала, чтобы он выделял

меня среди остальных девчат. Шутил, бывало, плясать вместе случалось, но не чаще, чем с другими. И вдруг — на тебе! Хотела, Фейка, кавалера, так кушай, не обляпайся!

Попыталась с другого бока зайти:

— Сеня, ты же понимаешь, что я в Академию уезжаю и когда вернусь — неизвестно! Может, сразу вытурят, а может, не один год там провести придется! Как ты себе это представляешь?

— Зубы не заговаривай, — оборвал мою речь хлопец. — Не вернешься ты, и мы оба это знаем. Ты себе в столице получше мужа сыщешь. Красивая ты, Фея! — С этими словами он протянул руку, отделил от моей распущенной гривы тонкую прядку и задумчиво пропустил ее между пальцами. — А оберег возьми. Просто так дарю. Без обязательств.

Чувствовала себя полной дурой: вроде и не виновата ни в чем, а на душе кошки скребут.

— А если богиня не одобрит? — робко попыталась возразить.

— Ой, можно подумать, не случается такого, чтоб девка согласилась замуж пойти, а потом передумала? Подарок-то обратно не отбирают, — пожал Семен плечами.

Я не была уверена, что положено в таком случае делать с заряницей, потому промолчала.

— Короче, бери. — И он сунул птицу мне в руки силком. — Я все сказал. Ты мне ничего не обещала. Просто на память подарил. Пошли, до двора провожу, нечего по темному лесу одной шляться.

Кое-как скрутив волосы, я послушно двинулась вслед за нежданным гостем. Так и дошли до самого терема.

Уже у крыльца Семен резко развернулся, неловко обнял меня за плечи, жарко выдохнув в ухо:

— Береги себя, красавица, — и напоследок крепко чмокнул в щеку. Рта не успела раскрыть, как он уже отцепил вожжи от гвоздочка да был таков, а я осталась стоять столбом, с трудом пытаясь осознать все странности этого вечера.

— Фея-я-я, а чего это сейчас такое было? — раздался сверху ехидный голосок Доры.

Вот попала-то, словно кур в ощип! Подняла глаза и наткнулась на насмешливый прищур стоящей на балконе сестрицы. Она явно наблюдала за нами с Семеном с того момента, как мы вышли из леса.

— Хоть ты не начинай, а? — устало взмолилась, соображая, мог ли кто-нибудь из младших нас увидеть.

— Ой, да ладно, уж и поиздеваться над родной сестрой не моги! — фыркнула Дора. Хорошо, что она девчонка не вредная,

маленько поязвит и успокоится. — Что-то личико у тебя невеселое.

— Пошли в светелку, пошепчемся.

— А он что?.. А ты что?.. Да ты что! — ахала Дора, слушая мой сбивчивый рассказ и пожирая глазами заряницу, которую я теребила в руках. Нам удалось спокойно проскользнуть наверх, пока маменька возилась в клетушке, а девчонки приставали к отцу, чтоб он им соорудил колыбельку для котенка.

— Вот никогда бы не подумала, что Семен по тебе сохнет! Он вообще на влюбленного не похож.

— А ты много влюбленных видела… — почему-то оскорбилась я.

— Не очень, — признала сестрица, — но в книжках пишут, что люди, мучимые неразделенной любовью, весьма печальны и оттого часто вздыхают. А Семен твой грустным сроду не выглядел, он всегда на проказы и озорства первый.

— Твоя правда, — согласилась я. — Птицу-то куда девать?

— Спрятать! — решительно заявила Дора.

— Где? У нас не спрячешь, малые враз отыщут! Да и жалко — красивая! — Я бережно погладила яркое оперенье.

— Что есть, то есть, — авторитетно кивнула моя наперсница. — Кто бы мог подумать, что у простого человека без толики магии такая вещь выйдет! Но тогда родителям сказать придется, а они всыпать могут.

Тут оставалось только вздохнуть: маменька и впрямь под горячую руку могла отходить веревкой или крапивой по заднице. Если честно, было не столько больно, сколько обидно.

— Я вот что подумала, — продолжала меж тем Дора, — а ведь уже готовые наряды убрали в саквояж… Что, если аккуратно их вынуть и завернуть твое чудо в шубку? Вряд ли матушка захочет заново перебирать уже уложенное.

Предложение дельное. Саквояж был одним из последних магических предметов в нашей семье. Почти двадцать лет назад родители прибыли с ним на заимку. Прелесть этого раритета состояла в том, что он позволял одному человеку переносить практически неограниченное количество груза, надо было просто сложить все нужное в стопку, открыть застежку и постучать по донышку. Невозможно было перевозить только самые крупные предметы — стол или сундук, например. А вот одежды или кухонной утвари — сколько угодно. Сейчас волшебный баул передали мне, чтобы я взяла в столицу все необходимое.

Сказано — сделано. Дора попросила домочадцев нас какое-то время не беспокоить, чтобы она могла аккуратно заплести мне

косу. Это и впрямь был долгий и трудоемкий процесс, требующий внимания и ловкости, так что никто не удивился, ведь снующие вокруг сестрицы могли растянуть это занятие практически до бесконечности.

Видимо, в этот день Великая Веритассия была на нашей стороне: в горницу никто не заходил, с тайной миссией мы управились почти мгновенно, так что и косу заплести успели, и секрет сохранить. Оставалось надеяться, что Семену не приспичит рассказать кому-нибудь о своем подарке.

ГЛАВА 3
Ветрогон

За домашними делами и шитьем оставшихся уборов незаметно промелькнула большая часть серпня. На калинник пришло новое послание из Академии, в которое был вложен простенький амулет из кожи. В любое время с вечера ветрогона до окончания лошадиного праздника неофитов ждут в Академии. Тем, кто желает познакомиться с городом и распорядком жизни в учебном заведении, следует прибыть как можно раньше. Питание и проживание нам обеспечат.

Учитывая, что я абсолютно ничего не знала ни о самой Академии, ни о городской жизни, мне явно надо было отправляться в путь в первый же день.

За ночь землю и деревья покрыл легкий иней, что сулило богатый урожай на будущий год. По холодку мы с девчатами сбегали в ежевичник. Я попрощалась с лешим, поблагодарила его за доброту и щедрость, он напутствовал не забывать родных и вообще не чахнуть в городе. Кроме того, подарил небольшой туесок, в котором провизия не портится.

У матушки с самого утра все из рук валилось, она и так в последнюю седмицу места себе не находила: все ей казалось, будто она передо мной виновата. Еле успокоила ее.

По-хорошему, надо было бы съездить проститься с хуторскими, но я боялась встречи с Семеном, который с того памятного вечера не давал о себе знать. Конечно, я наказала отцу и Доре передать при случае мои поклоны и пожелания счастья, но это было не совсем правильно.

День прошел в какой-то бессмысленной суете и толчее, все чувствовали себя не в своей тарелке, мешали друг другу и постоянно переругивались. Но все когда-нибудь заканчивается. Когда солнце начало клониться к земле, пришла пора прощаться.

Девочки, визжа, дружно повисли на мне, Дора обещала вспоминать меня ежедневно и писать письма, матушка плакала и призывала на меня благословение Великой Веритассии. Отец подошел последним, скупо чмокнул в макушку и воровато сунул в руку позвякивающий мешочек. Я попыталась вернуть, но он шикнул, чтобы не смела еще сильнее волновать остальных, и отошел. В последний раз окинув взглядом сгрудившихся в паре шагов от меня самых любимых на свете людей, я закрыла глаза и сжала портальный амулет.

В путь я отправилась в самом скромном из новых нарядов: на тонкую рубашку-безрукавку надевалось черное платье до пят с длинными рукавами, воронкой расширяющимися книзу, причем передняя часть рукава заканчивалась на запястье, а задняя спадала до самых колен. Работать в такой одежде было решительно невозможно, но так уж было принято одеваться среди горожанок дворянского происхождения. Единственным украшением служила опояска, по которой Сия пустила мудреный черно-белый узор. Все мои туалеты были рассчитаны на сочетание с бордовым цветом — отличительной деталью одежды магов. Никто, кроме выпускников, служащих и учащихся Академии не имел права носить бордовое. У нас в округе не продавались ни ткани, ни бисер такого оттенка, так что мне предстояло обзавестись подходящим плащом или накидкой уже в столице.

А столица встретила меня на удивление ласково: птичьими трелями и запахом влажной земли. Распахнув от удивления глаза, я сперва испугалась, что попала куда-то не туда: вокруг раскинулась кленовая рощица, под ногами ковром стелилась густая и ровная невысокая травка, а ноздри щекотал дивный дух яблоневого цвета.

«Что? Яблони в цвету в конце серпня?» — Я уже всерьез задумалась, не вызвал ли столь дальний перенос помутнения рассудка, когда из-за спины донеслось радостное восклицание:

— А вот и проспорил!

— Ничего, в следующем году отыграюсь, — буркнули в ответ.

Я развернулась на голоса и увидела двоих мужчин в полосатых черно-бордовых плащах. Один из магов шагнул ко мне и бодро произнес:

— Добро пожаловать в Академию, верита! Будьте любезны, амулет.

Только сейчас я поняла, что все еще судорожно сжимаю на груди мешочек и кожаную подвеску.

— П-простите, — выдавила, запинаясь, быстро сунула прощальный подарок отца в саквояж и стянула с шеи академическую собственность.

— Благодарю. — Продолжая довольно улыбаться, мужчина щелкнул пальцами, и амулет просто исчез. — Верите нужна помощь с багажом?

— Нет, спасибо за заботу, верит, я справлюсь.

— В таком случае пройдите в администрацию, и да пребудет Великая Веритассия к вам благосклонна! — С этими словами мужчина указал рукой налево. Я послушно повернула голову и увидела за деревьями какую-то постройку бордового цвета.

Пока шла к зданию, заметила вокруг рощицы еще дома. Значит, это что-то вроде двора. Хотя к чему такой большой двор нужен, уразуметь я не смогла: размерами это место вполне могло сравниться с уездной ярмарочной площадью. Здание, к которому меня направили, было сплошь увито каким-то ползучим растением вроде нашего хмеля, только с яркими бордовыми листочками. Из травянистой завесы выглядывали лишь окошки и дверь: массивная, двустворчатая. Я даже засомневалась, сумею ли отворить, но стоило мне потянуть за кольцо, и створка легко распахнулась.

За дверью скрывался просторный зал с огромными окнами и таким высоким потолком, какой я до сих пор видела только в уездном Храме. Зал перегораживал длиннющий стол, заваленный бумагами и книгами. За столом возились несколько женщин в полосатых накидках, покроем напоминающих запону, но покороче и полегче.

При моем появлении все они, как по команде, подняли головы и принялись изучать меня с таким видом, будто я — медведь ярмарочный. Самая старшая, носившая на носу небольшие стеклышки, поджала губы и строго подозвала меня к себе:

— Подойдите, верита! Ваше имя?

— Феодоссия Ролло, верита.

Женщина недоверчиво воззрилась на меня поверх своих стеклышек, после чего ожесточенно зашуршала бумагами на столе:

— Изумительно! В списках действительно есть Феодоссия Ролло! А я была уверена, что этот род давно прервался! — Она говорила таким тоном, будто обвиняла меня в недостаточном стремлении к смерти.

— Нет, верита, мы еще живы.

— Что ж, превосходно! Распишитесь здесь, здесь и здесь. — Женщина протянула мне перо и ткнула пальцем в бумаги. После того как я покорно выполнила указание, мне вручили довольно увесистую книгу. — Добро пожаловать в ряды неофитов! В данном руководстве содержится вся необходимая информация о распорядке жизни и правилах поведения в Академии Веритас! Для проживания вам выделено место в комнате номер шестнадцать Яблоневого общежития. В конце руководства найдете план Академии: достаточно открыть страницу с планом, сказать, куда хотите попасть, и карта сама укажет путь. Комплект неофита получите у кастелянши. Да будет Великая Веритассия к вам благосклонна! — Оттарабанив эту речь, суровая верита потеряла ко мне всякий интерес.

Выйдя за дверь, заметила, что во дворе стало гораздо многолюднее, видимо, прибыли новые учащиеся. В толчее я боялась растеряться, так что поспешила в общежитие. Посмотреть на других неофитов было интересно, но лучше это сделать чуть позже, когда суеты будет поменьше.

Яблоневое общежитие располагалось на другом конце странного двора. И мне даже не пришлось гадать, почему его так назвали: вокруг четырехэтажного дома с двумя входами цвели яблони. Значит, запах мне не примерещился, хвала Великой Веритассии! Это строение тоже сплошь было увито краснолистным растением, как и административное здание. Ближайшая дверь распахнулась, и на пороге показалась еще одна женщина в черно-бордовой накидке, на этот раз приземистая и крутобокая.

— Неофит? — зычно гаркнула она.

— Да, — робко приблизилась я.

— Из которой комнаты?

— Из шестнадцатой.

— Руку к двери приложи и назови имя.

— Феодоссия Ролло.

— Да, дева, веселые у тебя родственнички, гляжу. Более траченное молью имечко и придумать нельзя. Ну, а меня зовут мамаша Гурдан. Да ты не косороться, не косороться, я женщина простая, не то что эта интеллигенция, понимаешь! И сдается мне, красавица, что мы с тобой если и не из одного медвежьего угла вылезли, так уж точно из соседних. — Ворчливая тетка внезапно подмигнула. — Дома-то как звали?

— Феей.

— А вот это хорошее имя, мне нравится, как раз для тебя! Заходи, чего стоишь как оглоушенная.

Оторопев от такого напора, я бочком втиснулась в дверь.

Сени были довольно узкие, зато светлые и чистые. Стены окрашены разбеленной охрой. Мне показалось, что свет падает не из окон, а откуда-то сверху, но ни лучин, ни свечей, ни факелов не заметила. По левую руку была открытая дверь, ведущая в небольшую горницу, в глубине сеней — лестница на второй этаж, по правую руку — две двери, на ближайшей из которых красовалась С цифра «четыре». Пока я оглядывалась, хозяйка вынесла Ж из горницы стопку тканей.

— Вот, гляди, белье постельное, полотенчики, мантии: на холодную погоду и на теплую. Пользоваться аккуратно, не рвать, а то платить придется. Белье с полотенцами меняется раз в неделю, мантии — на год.

— А, вы — кастелянша! — наконец-то догадалась я.

— Вестимо, кастелянша, а ты чего думала: верит ректор, чтоб ему ни дна, ни покрышки, козьей морде? Бери, давай! Комната твоя будет на самом верху, рядом с мыльней. Так же вот руку к двери приложишь и имя назовешь, она тебя и запомнит. Я на эту верхотуру не полезу, сама справишься, не маленькая! Живу я тут, — женщина махнула на открытую горницу, — если что — обращайся.

— Спасибо, верита Гурдан, — поблагодарила я, половчее перехватывая комплект неофита.

— Ишь, вежливая какая, — хохотнула кастелянша. Когда же я пошла наверх, за спиной раздалось: — Косища-то хороша, ух!

Кажется, мамаша Гурдан не такая строгая, как женщина из администрации.

Все этажи выглядели одинаково: по четыре двери с номерами и еще одна, видимо, в мыльню. Наверное, на первом этаже я просто не заметила одну дверь за лестницей. И везде светло, хотя огня не видать.

Добравшись до двери с номером «шестнадцать», сделала все, как учили, и створка послушно открылась.

Горница мне понравилась: просторная, в два оконца по левой стороне. Стены такого же цвета, как и в сенях, но немного светлее. У каждого окна по столу с тумбой и по табуретке со спинкой. Я такие видела в уездном селе, но забыла название. В стене напротив входа две дверки, а справа — стоят углом две кровати, застеленные бордовыми покрывалами. Значит, у меня будет соседка… Это хорошо, вдвоем веселее: есть с кем лясы поточить, да и вообще не так страшно. За дверцами скрывались маленькие клетушки, назначения которых я толком не поняла: ну, сверху-то полка — это ясно, а вот на уровне лица через всю клеть тянулась жердина со свисающими рогульками. Я даже аккуратно сняла одну рогульку и покрутила в руках, но так и не смогла уразуметь, к чему бы ее можно приспособить.

Соседки пока не было, и я заняла ближайшую кровать. Мне все равно, на какой спать, так что если ей эта приглянется — поменяемся. Постельное белье пока отложила, вдруг перестилать придется. Осмотрела полотенца — это оказались рушники, только без вышивки, а так хорошие, мягкие. Один большой, наверное, специально для мыльни, вместо простынки. Мантиями назывались плащ и накидка, которые я уже видела на местных обитателях, только немного другой расцветки: полностью черные, но у плаща бордовый капюшон, а у накидки на спинке бордовый клин в виде заостренного вытянутого треугольника. На груди мантий был вышит герб Академии: белая книга на бордовом поле.

Прикинула одежки на себя: в сочетании с платьем получилось мрачновато, зато по росту.

Решила взглянуть на мыльню, но там было очень темно, а светцов я так и не нашла. Пришлось идти к кастелянше. Пока спускалась по лестнице, отметила странность: в доме тишина стояла, как будто никто и не жил.

— Чего не так? — Кастелянша выглянула из своей горницы, как только я спустилась.

— Верита Гурдан, я не нашла нигде лучины или свечек…

— Ох ты, горе луковое, ничего-то не знаешь! Ты еще спроси, почему яблони не в пору цветут!

— А почему?

— Потому что магия! — назидательно подняла палец собеседница. — Они тут вообще все время цветут, даже под снегом. Считается, что оно вроде как красиво и способствует размышлениям. А я тебе так скажу: просто тут многим заняться нечем, вот и выдумывают незнамо что! Хотя вот со светом хорошо придумали. Гляди!

Кастелянша звонко хлопнула в ладоши, и стало гораздо темнее. Теперь сени освещались только падающими из двух окон лучами солнца. Хлопнула второй раз, и вновь зажегся невидимый светильник.

— Ты ж небось и мыльней такой никогда не пользовалась? Иди-ка, покажу!

Мыльня и впрямь оказалась самым странным помещением, которое мне только доводилось видеть: сплошь покрытая розовыми изразцами, она состояла из трех закутков. В первом были рукомойники, во втором нужник, а в третьем что-то вроде купальни. Воду сюда таскать было не нужно, она сама лилась, стоило только повернуть ручку. Мамаша Гурдан мне все показала, заставила несколько раз покрутить разные ручки и подергать за шнур в нужнике. Попытка выяснить, где находится портомойня, заставила кастеляншу басовито загоготать. Оказалось, что непонятные клетушки в комнатах называются шкафами, в них положено хранить одежду. На рогульку надевается платье, словно бы на чучело, а потом вешается на жердину. На ночь повесишь — утром все свежее и чистое.

— Домовые стирают? — обрадовалась я.

— Какие домовые, — помрачнела собеседница, — кто ж их сюда пустит? «Низшие существа», понимаешь! Магией все делается, а гонору сколько, тьфу! И ты, красава, лучше про домовых с кикиморами не заикайся — тут этого не поймут. И вообще, шла б ты ужинать, покуда столовка не закрылась! Выбор

там пока не ахти, но кормят вкусно. Вот когда учебный год начнется, кухня на полную мощность работать станет.

— Верита Гурдан, а почему в доме так тихо? — Я вспомнила, что до сих пор не видела и не слышала других обитательниц.

— Это не дом, а общежитие, — поправила женщина. — Гляжу, руководство еще не прочитала. А шуметь тут некому: покамест ты одна заселилась. Не удивлюсь, если и прибыла ты одной из первых: за полторы недели до начала учебы только из самой глухомани народ тащится, остальные ближе ко Дню Приветствия подтянутся. Оболтусы, которым положено неофитов встречать, даже об заклад бьются, кто первым прибудет в нынешнем году: парень иль девка!

— Насчет оболтусов не знаю, меня встречали двое солидно выглядящих мужчин, но они и впрямь вели речь о том, что один из них проспорил.

— Эвона как! Ты самой первой к нам пожаловала! Радуйся, красавица, лучше приметы и не бывает! А насчет оболтусов даже не сомневайся: они и есть — до седых волос дожили, а все на побегушках, потому как лентяи безмозглые! — припечатала кастелянша.

Столовая располагалась в боковой пристройке административного здания: вытянутый просторный зал был уставлен столами и скамейками, за которыми можно было разместить, наверное, всех жителей волостной деревни от мала до велика. Сейчас, впрочем, по лавкам расселись не более двух десятков человек.

На длинном столе, стоящем вдоль дальней стены помещения, были расставлены блюда с разнообразной снедью. Очередная женщина в полосатой мантии помогала накладывать пищу в миски. Выбранную еду полагалось отнести на подносах с ручками к незанятому столу, покушать, а потом вернуть поднос с опустевшими тарелками. Откровенно говоря, без помощи я бы не справилась, потому что ни одного знакомого блюда с первого взгляда не увидела. Даже хлеб здесь подавался нарезанным на маленькие прямоугольнички и затейливо разложенным в плетеночке на манер цветка. В итоге мне достались большой стакан клюквенного сока, жареная рыбица, тушеная фасоль и пара забавных пышечек, именуемых «маффинами». Несмотря на непривычный вид, еда была и впрямь очень вкусной.

Вернув поднос и поблагодарив служащую, я спросила, могу ли захватить несколько маффинов для вериты Турдан — она отказалась идти в столовую, сославшись на необходимость «сидеть, словно собака в будке, вдруг еще кого нелегкая

принесет». Раздатчица тепло улыбнулась и заметила, что мамаша Гурдан предпочитает пончики с ванильным кремом. Несколько маслянистых пышек с коричневой глазурью немедленно упаковали в кулек и вручили мне.

Получившая лакомство кастелянша шмыгнула носом и глубокомысленно изрекла:

— Хорошая ты, детка, сожрут тебя здесь! Зубы скорей отращивай!

На все мои вопросы женщина лишь ласково потрепала меня по щеке и отправила спать. Но спать пока совершенно не хотелось, так рано у нас только дети малые ложатся, так что я пошла в свою горницу разбирать вещи.

Рогульки для одежды оказались на удивление удобными, надо будет подсказать отцу, он наверняка придумает, как такие соорудить. Развесив наряды, я долго сидела на кровати, поглаживая заряницу и вспоминая родной дом. Сперва была мысль повесить птицу на законное место, но потом постеснялась: заряница хоть и честно получена в подарок, но я все равно не могла отделаться от ощущения, будто присвоила чужое. Так и засунула красоту обратно в саквояж.

Соседки моей все еще не было, и, судя по рассказу вериты Гурдан, девушка вполне могла появиться лишь через седмицу. Так что я уже без всякого сомнения заправила облюбованную с самого начала кровать и улеглась изучать выданное в администрации руководство.

Оказывается, Академия Веритас была основана сразу же после войны богов. Я что-то слышала о той войне, но помнила лишь, что случилась она в далекой древности. О причинах битвы в книге не говорилось, зато упоминалось, что после нее мир был разделен на пятнадцать государств. Самая большая страна отошла под покровительство Великой Веритассии — богини истины. В честь небесной защитницы нашу державу назвали Веритеррой. Позднее так же поименовали и столицу. Великая покровительница нарекла жителей страны своими детьми и заповедовала нам не отступать от света истины. С тех пор из уважения к богине мы именуемся веритами. Самое уважительное обращение к мужчине в нашем обиходе — верит, а к женщине — верита.

Слово «веритас» на древнем языке богов означает «истина». Так что «Академия Веритас» — это Академия Истины. Всего здесь восемь факультетов: истинного Искусства, истинного Врачевания, истинного Служения, истинного Знания, истинного Слова, истинной Защиты, истинного Мастерства и истинного Чувства. На

факультете Искусства обучаются будущие великие певцы, поэты, музыканты и художники, на факультете Врачевания — лекари всех мастей. Выпускники факультета Служения становятся жрецами, а факультета Знания — преподавателями и библиотекарями. Факультет Слова готовит будущих правителей и послов, а факультет Защиты — законников. На факультет Мастерства идут те, кто хочет стать артефактором или бытовым магом. А вот про факультет Чувства написать забыли.

Обучение в Академии делилось на четыре ступени.

Первая — неофиты Истины. Это юноши и девушки, рожденные с даром богини и достигшие восемнадцатилетия. В первый день липня все они получали приглашение в Академию. Если кто-то из приглашенных не хотел становиться истинником, достаточно было просто отказаться от обучения, но такое случалось редко. Согласившиеся учиться должны были в течение года изучать как минимум четыре предмета по своему выбору (список прилагался и был воистину огромен, причем я не поняла в нем доброй половины слов). Отличникам выплачивалась небольшая стипендия. Учебный год для первых трех ступеней делился на два семестра. В конце каждого семестра полагалось сдавать экзамены. В руководстве говорилось, что только двадцать процентов неофитов по результатам первого года обучения переходили на вторую ступень. Остальные отсеивались. Отчисленные имели возможность остаться служить в Академии. Жили неофиты отдельно ото всех остальных учащихся — в общежитиях. Нам также предписывалось всегда и везде за пределами общежития носить мантии установленного образца, исключения делались лишь для праздничных дней.

Вторая ступень — адепты Истины. В начале учебного года они проходили посвящение в Храме Великой Веритассии, во время которого определялось, на какой факультет будет зачислен тот или иной второкурсник. Адепты переселялись из общежитий в специальные дома на территории Академии и посещали лекции уже не по собственному выбору, а по программе конкретных факультетов. Они носили мантии, правая половина которых была бордового цвета, а левая — черной. После трех лет обучения адепты получали дипломы и имели право работать магами.

Третья — эпопты Истины. Лучшие из окончивших обучение адептов имели право продолжить учебу и расширить свои знания. Эпопты жили в тех же домах, что и адепты, но носили бордовые мантии с черными капюшонами. Обучение эпоптов длилось еще два года.

И последняя, четвертая ступень — мастера Истины. Лучшие из дипломированных эпоптов могли подняться еще на одну

ступень этой сложной системы. Обучение мастеров строилось по иной схеме, но длилось также два года. Мастера должны были помогать преподавателям Академии и имели право читать некоторые лекции. Мантии мастеров — бордовые с черным кантом.

Успешно поднявшийся на все четыре ступени истинник становился магистром и имел право остаться преподавать в Академии Веритас. Мантии преподавателей были полностью бордовыми. Деканы факультетов носили мантии с серебряной отделкой, а ректор Академии — с золотой. Ректор и восемь деканов считались самыми сильными магами Веритерры.

Служебный персонал Академии носил уже известные мне полосатые мантии.

Распорядок жизни здесь был прост и понятен: в восемь утра — завтрак, с девяти часов — лекции по расписанию, в час пополудни — обед, с двух часов либо лекции, либо самостоятельные занятия, в шесть часов вечера — ужин, в одиннадцать — двери общежитий закрываются.

Оставалось только понять, как тут принято сверять время. Мы привыкли ориентироваться по солнцу, но при таком вычислении всегда оставалось место для небольшой погрешности. Не забыть бы завтра спросить у мамаши Гурдан.

В оставшиеся до начала учебного года дни неофитов обещали познакомить с Академией и прилегающей к ней частью столицы, дабы мы не плутали и не опаздывали на занятия. На завтра было намечено три мероприятия: утренняя экскурсия на рыночную площадь, обед в каком-то заведении с либерьянской кухней и вечерний праздник мороженого. За обед и участие в празднике требовалось заплатить, а вот на рынок нас обещали сводить бесплатно. Я знать не знала, что такое либерьянская кухня, да и про мороженое только слышала, так что тратить деньги на всякую ерунду не собиралась — жила без этих ухищрений восемнадцать лет, как-нибудь и дальше проживу. Отец, конечно, сунул мне немного денег, но я не стану разбрасываться ими направо и налево, слишком хорошо знаю, каким трудом эти монетки достаются. Так что схожу только на рынок: и дорогу запомню, и приценюсь к товарам на будущее.

С этой мыслью я сладко зевнула, сунула книгу под кровать, хлопнула в ладоши, потушив свет, и уснула как убитая.

ГЛАВА 4
Змеев день

Закат полыхал за окном густым багрянцем, окрашивая все вокруг призрачными кровавыми сполохами. Ветер врывался в зал через балконную дверь и неистово завывал, бросая золотые кленовые листья к ногам мужчин, яростно орудующих шпагами. Взблески стали сопровождали смертельный танец, который вели две фигуры в черном. Противники кружили по залу в красноватой дымке, топча роскошь осеннего золота, и это зрелище было прекрасно и ужасно одновременно. Но вот один из них качнулся и повалился на пол, разбрызгивая по смятой листве уже не призрачную, а вполне реальную темно-вишневую краску.

Безудержный заливистый смех раскатился под сводами зала, эхом замирая где-то в вышине. Победитель резко развернулся и легким шагом направился прямо ко мне, сияя белозубой улыбкой и стряхивая со смертоносного оружия алые капли. Сердце мое сжалось от ужаса, в горле застрял беззвучный крик. Я хотела бежать, но ноги словно приросли к мозаичному паркету.

А мужчина неумолимо приближался, продолжая веселиться. Я же не могла отвести взгляда от его бездонных темных глаз, в которых вспыхивали искры силы. Глаз цвета ночного неба.

Резким рывком я села на кровати, пытаясь рукой удержать так и рвущееся из груди сердце. Липкий пот покрывал лоб и спину, а странные глаза убийцы, кажется, продолжали наблюдать за мной. Раскатистый смех навязчиво звучал в ушах. Чтобы окончательно очухаться от ночного наваждения, пришлось хорошенько потрясти головой.

Откинув одеяло, я медленно встала и подошла к окну: над крышами Академии поднималось солнышко, заливая все вокруг прозрачным чистым светом, какой бывает лишь ранним утром на излете лета. От стекла отчетливо веяло холодком, и я с наслаждением прижалась лбом к окошку. При свете нового дня ночные страхи отступили. Приснится же такое! И ведь не видела раньше никогда шпажных поединков, откуда только сон такой взялся! Нет, у отца, конечно, шпага была: он все же дворянин, хоть и беспоместный, но надевал папенька ее, только отправляясь на ярмарку, а так она на стене висела — не на охоту ж ходить с такой тыкалкой.

Окончательно прогнав остатки сна, я решила ополоснуться. В мыльне все было непривычным и неудобным, кое-как сумела

помыться, стараясь не замочить косу.

Платье и вчерашняя рубаха и впрямь оказались свежими, будто только что из-под утюга, а еще еле уловимо пахли лавандой. Я зарылась носом в складки материи, вспоминая, как матушка раскладывает по сундукам хрупкие веточки высушенной травки. Неистово захотелось обратно домой, аж глаза защипало. Вот выучусь и обязательно куплю хороший портальный амулет, чтобы как можно чаще навещать родных.

Заняться пока было нечем, мамашу Гурдан тревожить в такую рань не хотелось (кто знает, когда тут принято просыпаться, вон, на дворе еще никого не видать), так что я вытащила из саквояжа коклюшки и валик да примостилась с ними у изголовья кровати. Было не особо удобно, так как подставка в саквояж не влезла. Ничего, авось разживусь новой со временем. А сейчас мне очень уж хотелось переплести в одном узоре кленовые листья с яблоневым цветом — как первое впечатление от Академии Веритас.

Вниз спустилась, когда с улицы стали доноситься голоса. Оказалось, что поздно вечером в Яблоневое общежитие заселилась еще одна девушка, но ее комната была на втором этаже. Поинтересовалась у вериты Гурдан, как тут определяют время, получила в ответ сочувственный взгляд и странную круглую штучку. Как я поняла, это что-то вроде ходиков, которые были у многих деревенских жителей, только совсем маленькие да без кукушки. Нам на заимке о наступлении утра сообщали птицы за окном, с ними не проспишь, так что ходиков мы не держали. А здесь вместо птичьих трелей должен был звенеть звонок. Главное, не забывать с вечера выставлять время побудки. Поблагодарив кастеляншу за нежданный подарок, я сходила поутренять. Народу в столовой заметно прибавилось, но все равно большинство столов еще пустовали.

После завтрака желающие посетить рыночную площадь собрались во дворе. Было нас не так уж и много, в основном — юноши, но и несколько девушек тоже пришли. Я заметила по торчащим из-под мантий частям нарядов, что фасон платьев был примерно такой же, как у меня, разве что расцветка поярче. Все мы держались несколько настороженно, лишь трое ребят без мантий вовсю болтали между собой. Наверное, были знакомы еще до поступления в Академию.

Пока я разглядывала присутствующих, к нам подошел молодой человек в бордовом плаще с черным капюшоном. Быстро вспомнив, что это учащийся третьей ступени, я перевела взгляд на его лицо и поразилась: такого красивого парня мне еще видеть не доводилось. Он выглядел совсем юным, даже моложе нас, хотя

ему никак не могло быть меньше двадцати двух лет. Густые каштановые волосы блестели на солнце и легкими волнами спадали на плечи юноши. Огромные карие глаза с длиннющими черными ресницами скорее пристали бы девице. Лицо было на удивление гладко выбрито, хотя обычно дворяне предпочитали носить если не ухоженную бородку, то усы. Полные губы изгибались в приятнейшей улыбке, да и весь вид молодого человека просто светился радушием и добротой. Истинник был высок, худощав и подвижен, на боку у него висела шпага, при взгляде на которую я едва заметно вздрогнула, припомнив ночной кошмар. Единственное, что меня смутило в облике юноши, — странные штаны в обтяжку, но я еще ничего не знала о столичной мужской моде.

Глубоким бархатным голосом маг обратился к собравшимся:

— Внимание, неофиты! Сейчас вам предстоит прогулка к одному из самых интересных и нужных мест всей Веритерры: к рыночной площади! Я, эпопт Шарль, стану на сегодня вашим гидом по царству торговли и продемонстрирую чудеса, о которых многим из вас даже слышать не доводилось! — С этими словами юноша сделал изящный жест руками и грациозно склонился в легком поклоне.

Тут одна из девушек шагнула вперед и взволнованно уточнила:

— А вы… вы ведь Шарль Демар, правда?

— Безмерно счастлив, что столь прелестная верита изволила слышать о моей скромной персоне, — галантный поклон в сторону девушки.

Все девочки, как по команде, завизжали и захлопали в ладоши, одна я стояла и ничего не понимала. Молодой человек меж тем, заметив, что трое учащихся не надели мантии, отправил их в общежитие спешно исправить недочет, объяснив нам попутно, что мантия за пределами учебного заведения служит надежной защитой неофитам — ни один наглец не посмеет причинить вред человеку из Академии.

— Впрочем, уже со второй ступени мантия станет не щитом, но знаменем, — небрежно бросил маг, — заранее предупреждая об опасности любого, кто замыслит причинить зло адепту Истины.

— Но ведь Великая Веритассия повелела своим детям не злоумышлять друг против друга, — изумилась я. Судя по тому, как все разом на меня посмотрели, я мало того, что произнесла это вслух, так еще и сморозила несусветную глупость.

— Увы, Веритерра — центр нашего государства, здесь много пришлых, и далеко не все они считают нужным свято блюсти как

заветы великой богини, так и законы, принятые людьми, — с печалью в голосе ответил наш сопровождающий.

— Да и среди местных далеко не все такие святоши, — хмыкнул кто-то из парней.

— Друзья, к чему говорить о грустном в такой чудесный день? — тут же вмешался эпопт. — Давайте будем счастливы, пока мы молоды! И вперед, навстречу приключениям!

Юноша решительно двинулся к воротам Академии, а мы потопали за ним, словно утята за утицей.

Со слов Шарля получалось, что Академия расположена на окраине столицы, чтобы маги могли спокойно ставить различные эксперименты, не мешая почтенным горожанам. Ближайший к учебному заведению район — как раз торговый. Состоит он из рыночной площади, где продают разнообразные продукты питания, торговых рядов, специализирующихся на непродовольственных товарах, и жилых домов, принадлежащих городским лавочникам.

По дороге к рынку юноша успевал рассказывать о столичных обычаях, обращать наше внимание на самые диковинные здания и улыбаться девушкам, дружно сбившимся в стайку прямо у него за спиной. С того момента, как новоявленные ученицы узнали имя эпопта, они, не переставая, перешептывались, хихикали и бросали на него донельзя заинтересованные взгляды. Я, не выказавшая должного почтения их кумиру, удостаивалась лишь презрительных мин. Уж не знаю, кто такой этот красавчик, но, судя по ажитации девиц, он как минимум сын верховного правителя Веритерры. Хотя должна признать, что смотреть на юношу и впрямь приятно.

Впрочем, на столичных улочках тоже было на что поглазеть: дома все разные, то беленые, то просто каменные, а то напополам из камня и дерева, стоящие впритык друг к дружке. Каждый дом украшен то дракончиками, то птицами, а то какими-то до того страхолюдными харями, что поневоле шарахнешься. Шарль объяснил, что это — горгульи, защищающие дом от зла. Мне такие защитники были в диковинку, у нас дома украшались деревянной вязью, ажурной, словно кружево. В остальном столичные жилища особого впечатления не производили: не сказать, чтоб высокие, не выше нашего лесного терема, с покатыми крышами и ровными фасадами. Ни тебе башенок, ни петушков, ни столбиков. Улицы мощены камнем, но грязноваты. И ни одного деревца вокруг.

А вот базар был богатый: тут тебе и всякие морские гады, и мясо любое, даже какой-то неведомой мне птицы струсь, и

молочная снедь, и сласти. В лабазах у края рынка торговали зерном и мукой. Воняло, правда, жутко: рыбьей требухой, тухлыми яйцами, подгнившей картошкой, но и приятные запахи наличествовали: патока, свежевыпеченный хлеб, мед, тонкие ароматы чужеземных специй. От этой мешанины даже виски ломить начало.

Вдосталь поводив нас по рынку, Шарль направился к неприметной лавочке рядом с хлебными лабазами.

— Запомните, неофиты, это самое важное для учащихся торговое учреждение на всей рыночной площади. Здесь продаются ингредиенты для декоктов и суспензий, которые вас научат готовить на старших курсах. Разбейтесь на небольшие группы и заходите посмотреть.

Первая группа, состоящая из парней, пробыла в лавке с пару минут, вторая — не дольше. В третьей группе оказались девочки, ни на шаг не отходящие от нашего предводителя, ну и я с ними.

Лавка была забита травами и кристаллами, порошками и какими-то окаменелостями.

— Рад приветствовать вас, верит Ковель, — обратился эпопт к дородному мужчине с лоснящимся лицом.

— И вам не хворать, верит Демар! Смотрю, желторотиков привели, — благостно прогудел торговец. — Пусть поглядят, им полезно будет.

Девушки явно не разделяли этой точки зрения и продолжали коситься на нашего проводника. Я же потянулась к знакомым растениям да так и обалдела.

— А почем такой пучочек чабреца? — подала я голос.

— Только для вас, верита, всего серебрушку, — маслено поглядел на меня лавочник.

— Серебрушку? — Я чуть не взвыла. — Да за что же? Тут сорной травы больше, чем полезной.

— Ай-ай-ай, верита, как вам не совестно так отзываться о первосортном товаре! — Моментально взгляд торговца стал колючим.

— Пер-во-сорт-ном? — протянула я в ответ, приметив в углу большую вязанку высушенных веточек с листочками и ягодками. — А какую хворь, позвольте спросить, вы пользуете этим вот веником?

— Это от расстройства кишечника, приводящего к накоплению отходов внутри организма, — солидно сообщил Ковель, — именуемого нутряным запором.

— И как, помогает?

— Всенепременно!

— Да быть не может!

— Это еще почему? — сузил глаза травник.

— А потому что там крушина вперемешку с черемухой! И если первая, верно, от запора, то вторая, напротив, от поноса. И вместе они использоваться не могут! — разгорячилась я. — А другой лавки с травами тут нет? — спросила у изумленного донельзя эпопта.

— Да что ж я, по-твоему, черемуху от крушины не отличу, сопля? Да я тебе… — озверел лавочник, рванув из-за прилавка ко мне.

Но дорогу ему немедленно перегородил Шарль.

— Верит Ковель, я надеюсь, вы помните, что разговариваете с учащимся Академии? — Нежный юноша преобразился на глазах. Сейчас с торговцем говорил настоящий истинник, в голосе его звучала сталь, а из глаз, кажется, вот-вот вылетят молнии.

Травник даже с лица спал и немедленно вернул свою объемистую тушу обратно за прилавок.

— Имейте в виду, верит Ковель, я сегодня же доведу до сведения администрации Академии информацию о произошедшем инциденте. А сейчас мы вынуждены откланяться. Вериты, после вас. Всего вам доброго, верит Ковель!

Молодой маг подождал, пока мы все покинем лавку, и вышел последним, на прощание бросив хмурый взгляд на хозяина.

— Преклоняюсь перед вашим умением заводить врагов, прекрасная верита, — вновь сияя шутливой улыбкой, сообщил мне эпопт.

— У меня нет врагов, — все еще не отойдя от перепалки, ответила я несколько резко.

— Ах, позвольте мне вам не поверить, — многозначительно прошептал Шарль, склонившись к самому моему уху.

Возвращались мы другим, более длинным путем. Наш сопровождающий продолжал заливаться соловьем, но я его уже почти не слушала, просто стараясь запомнить дорогу и недоумевая, зачем эпопту потребовалось пугать меня какими-то несуществующими врагами. Если он имел в виду лавочника, то ничего предосудительного я не совершила и обижаться на меня торговцу было не за что: травы и впрямь хранились не в должном порядке, а цены были просто грабительскими. Я говорила истину, а это всегда угодно Великой Веритассии. Хотя, если вспомнить высказывание кого-то из неофитов насчет святош, можно предположить, что в столице заветы богини не в почете. Но это не повод сходить с пути Истины, даже если все вокруг погрязли во лжи. И тут я некстати вспомнила о зарянице, спрятанной от матери в саквояже… Конечно, впрямую я не обманывала, лишь умолчала о подарке Семена, но ведь можно рассудить и так, что я

в тот момент погрешила против Истины?

За такими размышлениями незаметно промелькнул обед. В общежитии все так же стояла тишина, хотя мамаша Гурдан рассказала, что утром на втором этаже разместилась еще одна жиличка. Но сейчас обе мои соседки ушли в город, видимо, в то самое заведение с какой-то хитрой кухней. Я же решила, пока есть время, изучить место, в котором предстояло провести ближайшие полгода. Вооружившись руководством, чтобы не заплутать, я отправилась гулять по Академии.

И Академия оказалась просто огромна! Она была намного больше уездного села. Здесь даже текла весьма широкая речка. Страшно представить, какова вся столица! Домов на территории учебного заведения было много, но они не жались друг к другу, как в городе, а были окружены полянками с клумбами и деревьями. Большую часть зданий заткал все тот же бордовый вьюн, а те, где все же виднелась кладка, были сложены из небольших красных камней. Издали и не поймешь сразу, какое строение покрывает листва, а какое стоит в первозданном виде.

Людей на улицах было немного, в основном мне встречались служащие в полосатых мантиях, но кое-где попадались и учащиеся. Преподавателей так и не встретила. Наверное, они еще не прибыли сюда, потому что учебный год не начался. Хотя позднее я поняла, что ошиблась.

Сдав посуду после ужина, я уже направлялась к дверям столовой, когда с одной из лавок мне навстречу поднялся Шарль Демар.

— Прекрасная верита, я благодарен судьбе за нашу новую встречу, — тонко улыбнулся молодой человек, склоняя голову.

— Э… добрый вечер, верит Демар! — Витиеватый слог юноши сбивал с толку, и я не придумала ничего лучше.

— Верита, вы не находите несколько прискорбной ситуацию, при которой вам известно мое имя, а вот ваше остается для меня полной загадкой?

— Меня зовут Феодоссия Ролло. Можно просто Фея, так короче.

— Восхитительное имя, польщен знакомством! Скажите, верита Фея, а каковы ваши планы на этот вечер?

— Мм… я в общежитие иду, — промямлила безо всякой уверенности, что верно поняла вопрос.

— Восхитительно! И вас там, конечно же, с нетерпением ждут? — Глаза молодого человека лучились лукавством. А может, мне это показалось.

— Нет, меня никто не ждет, я тут почти ни с кем не знакома.

— О, верита Фея, мне отрадно принести вам благую весть, что вы пребываете в глубочайшем заблуждении на свой счет. Вас ждут! Но только не в общежитии: верит Дорэ будет счастлив лицезреть вас в своем кабинете! — Широкая улыбка осветила прекрасное лицо, сделав его еще более юным.

— А… а кто это? — Я хлопала глазами, словно корова, не успевая за поворотами нашей странной беседы.

— Простите мне этот промах, верита! Разумеется, мне следовало с самого начала сообщить, что верит Дорэ — декан факультета истинного Врачевания. — Молодой человек покаянно приложил руку к груди, демонстрируя глубочайшее раскаяние.

— А вы уверены, что он ждет именно меня? — Я искренне не понимала, что могло потребоваться от меня такому важному человеку.

— Вы меня обижаете! — пожурил шатен. — Разумеется, я абсолютно убежден в этом. Вашу ручку, верита Фея! — грациозным движением красавец протянул мне свою ладонь.

— За… зачем? — совсем уж растерялась я.

— Вы ведь не сможете перенестись в кабинет верита Дорэ без моей помощи! Смелее, чего же вы испугались? Утром в лавке верита Ковеля вы демонстрировали весьма боевой дух, — заговорщицки подмигнул мой собеседник.

Щеки вспыхнули, я разозлилась, толком не поняв, на Шарля Демара или на себя, и решительно взяла его за руку. В тот же миг мы оказались в другом помещении.

Плотные шторы скрывали окна, отсекая лучи заходящего солнца. Единственным источником освещения служил зеленоватый шарик, зависший над столом, так что углы комнаты терялись в полумраке. За столом сидел мужчина средних лет, просматривая какие-то бумаги. Мантия на нем была с серебряной отделкой. Подняв глаза на нас с Шарлем, декан устало потер переносицу и ворчливо изрек:

— Наконец-то! Все упражнялись в изящной словесности, эпопт Демар?

— Как вы могли такое подумать, верит Дорэ! — пылко возразил юноша, выпуская мою руку. — Я сбился с ног, разыскивая вериту Ролло…

— Благодарю вас, эпопт Демар! Вы свободны! — прервал его излияния декан. — А вы присаживайтесь, неофит Ролло, присаживайтесь! — Мужчина указал на табурет со спинкой, стоящий напротив него.

Я послушно села, все еще не понимая, чего от меня ждут.

— До меня дошли сведения, что сегодня вы раскритиковали товары в лавке торговца Ковеля. Это так? — произнес истинник,

быстро черкнув пером по документу.

— Нет, верит декан, я абсолютно уверена, что не раскритиковала, хотя этот торговец — настоящий разбойник: дерет втридорога за товар, который еще перебирать надобно! — Я моментально успокоилась, как только поняла, для чего меня позвали.

— То есть вы считаете, что эти травы нельзя использовать? — Декан врачевателей кинул на меня цепкий взгляд, на миг оторвавшись от очередной бумаги.

— Отчего же, вполне можно, если перебрать, хотя большой пользы от них не будет.

— Что заставляет вас делать столь далеко идущие выводы? — осведомился мужчина, откладывая бумаги и сосредотачиваясь на разговоре.

— Многие из них собраны не вовремя: цветки надо на самом пике цветения срывать, а в лавке они еще в бутонах. Ягодам тоже не дали полностью налиться соком, а это уменьшает целебные свойства, — слегка пожала плечами я, недоумевая, неужели они здесь таких простых вещей не знают.

— У вас дар врачевателя? — Сцепив пальцы, маг пристально вглядывался в мое лицо.

— Не знаю, верит декан. Мы с родителями не смогли понять, каким даром меня благословила богиня. Мне бы очень хотелось быть лекарем, но в травах я разбираюсь не больше, чем прочие.

— Откуда вы родом?

— Из Пеньковского уезда.

— И что, у вас там многие умеют заготавливать лекарственные растения? — Мужчина встал из-за стола и заходил по комнате, заложив руки за спину.

— Без этого не проживешь. — Я никак не могла понять, к чему он клонит.

— Кто учил лично вас разбираться в травах? — Маг резко остановился рядом со мной, всматриваясь в глаза.

Я замялась, вспомнив предостережение мамаши Гурдан.

— Ну же, я жду! — жестко произнес истинник, наклоняясь ко мне.

— Леший, кикимора, полевики…

— Так! — Мужчина быстро распрямился и продолжил ходить. — Будем считать, что этого я не слышал. А не захватили ли вы с собой из дома каких-нибудь травок?

— Конечно, захватила, верит декан.

— Долго вам их искать?

— Да зачем искать, они в столе лежат!

— Превосходно! Куда вас поселили?

— В Яблоневое общежитие.

— Комната?

— Шестнадцать.

По мановению руки моего собеседника посреди помещения возник высокий овал, переливающийся всеми цветами радуги.

— Будьте так любезны, принесите ваши запасы, неофит Ролло! Только быстро: одна нога там, другая — здесь! Да не бойтесь вы — это портал в вашу комнату, — уточнил мужчина, заметив мое недоверчивое отношение к странной штуке. Но делать нечего, пришлось шагнуть прямо сквозь радугу. С другой стороны овала и впрямь находилась моя горница. Быстро вытащив из ящика стола объемистый кошель, я поспешила обратно. Стоило выйти в кабинете декана, как разноцветное сияние исчезло.

Верит Дорэ распустил тесемки и начал уверенно копаться в плотно набитых льняных мешочках, подписанных рукою матушки.

Длинные тонкие пальцы ловко перебирали травы: какие-то тут же откладывались, некоторые удостаивались более пристального внимания. Пяток мешочков декан развязал и принюхался к аромату, а в два даже соизволил сунуть указательный палец, после чего задумчиво лизнул подушечку. Закончив осмотр, мужчина взял в руки пару мешочков, изначально отодвинутых им на край стола, и осведомился:

— Неофит Ролло, я могу одолжить у вас вот это на несколько минут? Обязуюсь вернуть все в целости и сохранности.

Я не видела, что написано на заинтересовавших мага мешочках, но, конечно же, кивнула:

— Берите, разумеется.

— Благодарю! Посидите здесь до моего возвращения, пожалуйста, только ничего не трогайте — это в ваших же интересах! — С этими словами он исчез.

Мне оставалось лишь сидеть и осматриваться. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела, что кроме массивного стола в центре кабинета декана были только высокие, до самого потолка, книжные шкафы, расположенные вдоль всех четырех стен. Заинтересовавшись, я поднялась с табуретки и медленно пошла вдоль книжных рядов, изучая корешки. Я же ничего не трогаю, значит, и не нарушаю запрета!

Неожиданно в комнате раздались голоса:

— Нет, если бы я знал, что нужен скандал, я бы уже давно лично сходил к этому мошеннику и отхлестал его по щекам его же мусором! — кипятился невысокий мужчина в бордовой накидке, размахивая руками и совершенно по-петушиному

наскакивая на стоящего у стола высокого худого старика. Даже если бы плечи старца не украшала мантия с золотой отделкой, я бы поняла, что передо мной ректор Академии, по одному лишь меткому замечанию мамаши Гурдан: вытянутое бледное лицо с широко расставленными печальными глазами и жиденькой бороденкой до жути напоминало козью морду.

— Грэг прав, Дайлер, этот плут зарвался, — спокойно произнес стоящий рядом декан.

— А я о чем? Цены с каждым годом растут, а времени на приведение сырья в должный вид тратится все больше, — продолжал невысокий.

— Успокойся, Грэгори, успокойся! — поморщился ректор. — Пока мы не можем отказаться от услуг верита Ковеля, но в свете сложившейся ситуации, несомненно, пересмотрим условия. И мы, кажется, напугали бедную девочку. — Старик улыбнулся, заметив меня в углу, и по-хозяйски расположился за столом. — Подойди, дитя!

Я приблизилась, пытаясь сообразить, нужно ли кланяться столь высокопоставленной особе или в Академии такое не принято.

— Садись, не стесняйся, здесь все свои, — проворковал ректор. — Наш многоуважаемый наставник врачевателей довел до моего сведения кое-какие прелюбопытнейшие соображения. Не будем тянуть время: раз в твоих краях многие умеют качественно заготавливать лекарственные травы, может быть, ты сможешь порекомендовать кого-либо, кто согласится добывать необходимые Академии растения? Разумеется, за все собранное мы будем платить ту же цену, которую давали известному тебе вериту Ковелю.

Я сразу вспомнила о приданом сестер, которое они охотно позволили разорить ради моей поездки в Академию. Если здесь платят по серебрушке за ничтожный пучок травы, девочки быстро смогли бы скопить на новое. Конечно, унизительно дворянам подряжаться на наемную работу, но мы же и так привыкли трудиться с утра до ночи, так не все ли равно? Порозовев от смущения, я решилась:

— Думаю, что моя семья не откажется оказать услугу Академии Веритас. Мои матушка и сестры прекрасно разбираются в травах и смогут собрать все, что можно найти в нашей местности. Только большая часть трав в этом году уже отошла.

— О, не беспокойся, милая, нам требуются самые разные растения. Например, сейчас самое время заготавливать золотой корень и семя борца. В ваших краях они растут?

— Да, конечно, — обрадовалась было я, но тут же вспомнила

о том, что мне еще сначала нужно договориться с семьей, а письма к нам идут долго, золотой корень за это время уже отплодоносит.

— Отправишь послание в конверте Академии, — махнул рукой старичок. — Если сегодня напишешь, завтра письмо будет уже у твоих родных.

— Благодарю, верит ректор. А сколько вам нужно корней и семян?

— А сколько сможете собрать, столько и возьмем, — ободряюще улыбнулся маг.

Я даже усомнилась:

— А если, к примеру, воз наберется?

— О, это было бы неслыханной удачей! — воскликнул невысокий истинник. До сих пор они с деканом не вмешивались в беседу.

— Вот видишь, дитя, мы с радостью приобретем воз указанных ингредиентов! Этим мы просто осчастливим нашего драгоценнейшего заведующего лечебницей. От счастья он даже спать будет прямо на возу. Вместо собаки, — противно захихикал ректор, меленько тряся куцей бороденкой.

Я не знала, что сказать, потому лишь потупилась. Какой-то он неприятный, этот сильнейший маг Веритерры.

По окончании разговора мне вернули мои мешочки с травами, хотя заведующий, кажется, с радостью их забрал бы, так жадно он глядел на кошель, словно в нем скрывались сокровища. Я бы с удовольствием поделилась, но он не попросил, а самой предлагать было как-то неловко.

ГЛАВА 5
Страстодень

Письмо домой я написала сразу же после беседы с ректором. На коловрат в том же конверте вернулся ответ: родители были счастливы, что у меня все хорошо и что я нашла возможность дополнительного заработка для всей семьи. Матушка благословляла меня и просила помнить: нужно во что бы то ни стало прижиться в столице. Дора посылала кучу поцелуев и шутливо намекала, что без меня ей лучше, потому как у нее теперь своя светелка, только вот пошушукаться на ночь не с кем. Младшие сестренки передавали приветы и забрасывали вопросами о столичном житье-бытье. Я ужасно скучала по своим любимым, особенно вечерами. Днем я ходила на все бесплатные экскурсии по городу и Академии, а после того, как нам продемонстрировали библиотеку, почти все время пропадала среди книг, стараясь наверстать упущенное и прочесть как можно больше полезной литературы.

В Яблоневом общежитии с каждым днем становилось все больше жительниц, но я по-прежнему обитала в одиночестве. С соседками отношения как-то не заладились: нет, все девушки были вежливы и улыбчивы, но меня не отпускало чувство, будто они чураются моего общества. Может, потому что я носила мрачноватую одежду, остальные же одевались куда ярче и богаче, а может, из-за того, что я смущалась и терялась, когда другие веселились и озорничали, — не знаю. Навязываться или мешать им не хотелось, вот я и пряталась за библиотечными стенами.

Зато смогла разобраться со списком предлагаемых для изучения предметов и даже уже выбрала те курсы, которые точно буду посещать. Раз уж маменька настаивает, чтобы я оставалась в Веритерре, нужно получить такие знания, которые точно смогут облегчить эту задачу: этикет — я почти на каждом шагу сталкивалась с различиями столичного и провинциального образа жизни и постоянно терялась, не зная, как себя положено вести в той или иной ситуации; танцы — самый простой способ поближе познакомиться с молодыми людьми; литература — она развивает ум, помогает лучше формулировать мысли и позволяет подбирать интересные темы для беседы. Четвертый предмет пока выбрать не сумела.

Вечером после ужина меня ждал сюрприз: поднявшись в свою комнату, я обнаружила, что все свободное пространство завалено

странными по виду сундуками, неизвестными музыкальными инструментами и яркими платьями из тонкой материи. Выбирая, куда бы поставить ногу, чтобы не наступить на чужое имущество, я получила внушительный удар дверью по спине.

— Ох, прости, дорогая, я не знала, что ты тут стоишь! — вскрикнула влетевшая в комнату девушка, всплескивая руками. — Пожалуйста, извини, мне сказали, что обычно ты приходишь несколько позже, вот я и не подумала, что за дверью кто-то может стоять. Сейчас я все уберу! — Девушка подхватила несколько ближайших платьев и грудой кинула их на пока еще пустовавший стол. — Я тебя не сильно ушибла?

— Нет, все в порядке, не беспокойся. — Я бочком протиснулась к своей кровати и опасливо уселась, наблюдая за резкими размашистыми движениями новоявленной соседки, ураганом носившейся по комнате. Девушка была яркой, красивой и очень необычной. Черные длинные волосы заплетены в тугие косы и плотными кольцами уложены вокруг головы. Выразительное нежное личико разрумянилось, а темные, почти черные, глаза сияли, притягивая внимание, околдовывая спрятанной в их глубине силой. Я невольно залюбовалась, слегка даже завидуя такой броской внешности. Мы с сестрами все как на подбор были светловолосы и светлоглазы. Кожа у нас молочно-белая и легко обгорает на первом весеннем солнышке, заставляя мучиться и обмазываться простоквашей. Да и вообще в наших краях преобладали русые волосы и серые глаза. Мне еще повезло: достались пшенично-золотой оттенок косы и голубые глазки, а вот Сия обещала вырасти совсем бледненькой. Так что черноокие брюнетки просто завораживали меня. Наверное, именно так должны выглядеть прекрасные принцессы, ради которых бесстрашные кавалеры отправляются на подвиги.

— Мамочки, что ж это я! — Красавица выпустила из рук очередную кипу платьев и метнулась ко мне. — Где мои манеры, болтаю, вместо того чтобы представиться. Я — Франческа, но друзья зовут меня Чеккина. — Девушка протянула мне руку. — Мы же с тобой станем добрыми друзьями, правда?

— Я буду очень рада с тобой подружиться, — смущенно улыбнулась я, пожимая протянутую кисть. — А меня зовут Феодоссия, можно просто Фея.

— Какое красивое и необычное имя! — восхитилась девушка. — Я с самого начала сказала, что у меня будет просто замечательная соседка. — Франческа порывисто обняла меня и звонко чмокнула в обе щеки. Снова стало неловко, потому что у нас так бурно знакомиться было не принято, и я тут же почувствовала себя колодой, не знающей, куда деть руки и в

какую сторону повернуться. Нет, положительно, мне срочно нужно пройти курс обучения этикету!

Чеккина же моего смущения будто и не замечала: девушка ловко развешивала платья и весело щебетала о том, как рада поступлению в Академию, о солнечном городе на берегу теплого моря, в котором живет семья потомственных поэтов и музыкантов, о трех старших братьях-сорванцах и о чудесных праздниках, на которых ей довелось побывать. Дар Франчески открылся очень рано, года в четыре, с тех пор она прилежно занималась под руководством родителей, и уже с четырнадцати лет ее приглашали участвовать в торжественных церемониях и крупных празднествах. Не знаю, чему могут научить мою соседку в Академии, на мой взгляд, она и сейчас заворожит кого угодно одними словами, безо всякой музыки.

— А ты? Ты откуда? — Вопрос застал меня врасплох. Я и не заметила, когда Чеккина закончила разбирать багаж и опустилась на свою кровать, поджав ногу и опираясь округлыми локтями на изголовье. Сейчас стало видно, что глаза у нее все же не черные, а сине-фиолетовые, словно сердцевинка василька.

Я не умела говорить так чарующе и образно, чтобы перед глазами слушателя вставали картины далеких мест, но постаралась, как смогла, рассказать о вековых деревьях, стоящих вокруг терема, о серебристом звоне родника, о лосятах, доверчиво берущих хлеб с ладошки. И, конечно же, о светленьких головках, мелькающих тут и там среди зарослей малины.

— Девять сестер, с ума сойти! У тебя девять сестер! А я всегда так хотела сестричку, но вынуждена была довольствоваться гадкими братцами! — делано вскрикнула Франческа. — Эта жизнь ужасно несправедлива! — Она комично надула губки и сморщила носик. Смеялись мы уже вместе. Так хорошо до сих пор мне было только с Дорой!

ГЛАВА 6
Тиховей

Пронзительно-желтые листья разлетались из-под ног. Стекла тоненько звенели, отзываясь на резкие звуки пугающей музыки. Сердце колотилось где-то в горле, а уши разрывались от набатного стука крови. Я задыхалась. Задыхалась, но все равно продолжала кружение, удерживаемая жесткой рукой.

Страх леденил пальцы, ужас толкал в спину, я хотела бежать, но не могла вырваться из сильных рук партнера по смертельному танцу. А он смеялся: весело, заливисто, перекрывая шум в ушах, заглушая окружающие звуки.

Он не был красив, но от его лица невозможно было оторвать взор. Резкие черты, смуглая кожа, хищный ястребиный нос с подрагивающими нервными ноздрями. И глаза! Глаза цвета ночного неба…

— Нет… Нет. Нет!

— Фея! Фея, проснись! Тебе плохо? — Кто-то тормошил меня, настойчиво тряс за плечи.

— Нет… нет… не знаю! Что случилось? — с трудом выдираясь из цепких объятий сна, лопотала я, то открывая, то вновь закрывая глаза.

— Кажется, тебе приснился кошмар! — над кроватью склонялась Франческа, с испугом вглядываясь в мое лицо. — Ты так кричала…

— Извини. — С усилием сглатывая вязкую слюну, я кое-как села на кровати. — Прости, что разбудила. Обычно я не кричу по ночам.

— Ну, что ты. — Ободряюще поглаживая меня по плечу, Чеккина примостилась рядом. — Все прошло, милая, все уже прошло. Это просто сон. Может, ты что-то не то съела за ужином? Меня иногда мучают кошмары, если на ночь переела.

— Да, вполне возможно, я никак не привыкну к местной пище. Спасибо тебе. Пойду умоюсь.

Я все еще двигалась медленно и неуверенно, будто на плечи давило что-то тяжелое. Франческа распахнула мне двери и помогла дойти до мыльни. Слабой улыбкой я поблагодарила девушку и тяжело оперлась на умывальник.

Возможно, я и впрямь еще плохо умею выбирать блюда. В наших краях каждому известно, что соленые огурцы не следует запивать молоком, а красное мясо — заедать сладкой булкой,

иначе будут весьма неприятные последствия. Здесь же пища совсем иная и готовится не так, как я привыкла. Вполне может статься, что моему нутру тяжко управляться с выбранной снедью, вот меня и мучают кошмары. Надо бы за вечерней трапезой кушать поменьше, пока не обвыкнусь.

Ополоснув лицо, я почувствовала себя лучше и уже нормально добралась до спальни. Соседка успела заправить свою постель и прихорашивалась перед небольшим зеркальцем.

— Чайку хочешь? — заботливо спросила она.

— Хорошо бы, но столовая еще не открылась. — Я лишь пожала плечами.

Девушка загадочно улыбнулась и выудила из недр своего шкафа небольшой чайничек вроде заварника, только сделанный из металла.

— Сейчас все будет! — подмигнула Чеккина.

Оказывается, эта штучка служила одновременно и заварником, и самоваром. Вода кипятилась сама, стоило лишь постучать по крышечке. Весьма удобная и полезная вещь!

У Франчески нашлись и чашки с ложечками.

— Какая ты запасливая! А я вот посуду взять не догадалась, — сокрушенно повинилась я.

— Так гастроли же, поездок много, вот и поднабралась опыта, — весело рассмеялась девушка.

Я предложила внести свою лепту травами. Франческа с восторгом согласилась: она в растениях совершенно не разбиралась и положилась на мой выбор. Заварили ромашку с мятой, и под горячий, ароматный напиток потекла неспешная беседа об Академии. Я делилась с соседкой тем, что успела узнать за минувшую седмицу, она радовалась предстоящему празднику и мечтала, как пройдет прослушивание в хор.

А я умудрилась совершенно позабыть, что сегодня должен был состояться общеакадемический праздник — День Приветствия.

Почаевничав, соседка начала выбирать подходящий наряд. Я с интересом наблюдала и даже принимала участие в обсуждении достоинств желтого шелка перед гиацинтовым барежем. Наверное, если бы можно было надеть сразу оба платья, девушка бы так и сделала. После долгих раздумий шелк был признан негодным: праздновать собирались на улице, а там уже было немного зябко.

Франческа носила туалеты незнакомого мне фасона: с глубоким вырезом, шнуровкой на лифе и обилием нижних юбок. Мне бы такой наряд показался излишне громоздким, да и неприличным к тому же, но девушке убор был к лицу, — она

напоминала яркую птичку, охорашивающую перышки.

У меня столь обширного гардероба не имелось, так что долго выбирать не пришлось: платье из сурового льна почти не отличалось от моей повседневной одежки, лишь от ворота до подола сбегали по груди пуговички, ярко поблескивающие на солнышке. Опояску менять не стала, а вот шею украсила витой гривной. В косу вплела ленточку, тем мои хлопоты и ограничились.

Франческа попыталась уговорить меня сделать модную прическу, но я только отмахивалась — это у нее косы, словно черные змейки, сбегали по светлой шее, а если мой желтоватый волос вокруг головы обмотать, чучелко соломенное выйдет.

После завтрака учащиеся потянулись во двор между общежитиями, часть которого затянули шатрами, а на оставшейся соорудили деревянный настил.

— Чеккина, свет очей моих, тебя ли я вижу в наших райских кущах? — пропел мужской голос.

— Шарло, и ты здесь, негодник! — Моя соседка пылко бросилась на шею нагнавшему нас эпопту Демару. Юноша был изумительно хорош в голубом костюме с серебром. Они с Франческой составляли такую красивую и живописную пару, что заглядеться можно, но я все же вежливо отвела глаза, чтобы не смущать влюбленных. Хотя, судя по тому, как смачно и безо всякого стеснения молодые люди расцеловались, они уже и обручиться наверняка успели.

Нынче как раз был последний день перед порой сговоренных свадеб. Мало кто решался делать предложение до первого дня липня: ждали писем из Академии. Вдруг у одного из возлюбленных дар откроется, какая уж тут свадьба, если не знаешь, когда домой воротишься. Но про дар Франчески было известно сызмальства, а Шарль уже несколько лет учился, их сомнения не мучили. Такому подарку судьбы никто бы противиться не стал.

— Фея, милая, познакомься с Шарлем. — Пока я размышляла, девушка успела оторваться от дролечки.

— Я уже имел счастье познакомиться с прелестной веритой Феей. — Юноша галантно поклонился. — Должен заметить, что вы выглядите просто неотразимо. Боюсь, сегодня разобьется не одно трепетное сердце. Позвольте же выразить вам глубочайшее восхищение и запечатлеть на вашей дивной ручке свидетельство моего искреннего преклонения перед столь несравненной красотой.

До этого момента я была уверена, что эпопт Демар

обращается к Франческе, но тут он взял мою руку и прижал к губам. Судя по жару в щеках, сейчас мое лицо приобрело самый что ни на есть магический оттенок — бордовый.

— Простите, прелестные вериты, но меня зовут безотлагательные дела. Надеюсь увидеть вас в более располагающей к длительным беседам обстановке. — Чмокнув Чеккину в щеку, юноша скрылся среди собирающейся толпы.

Я совершенно беззвучно открыла и закрыла рот, силясь побороть желание обтереть руку о платье. Все же так открыто, на глазах невесты, оказывать внимание другой — это ни в какие ворота не лезет! А нам же в одной комнате жить, он что, не понимает?

— Я… он… я не хотела, — с трудом пискнула я, с ужасом взирая на Франческу, которая, кажется, впала в ступор не хуже меня. По крайней мере, она до сих пор улыбалась, а не пыталась выдергать мне волосья.

— Что случилось, милая? — Голос девушки звучал совершенно искренне.

— Ну, как же… жених… руку… вот… — полузадушенно блеяла я, готовая от стыда провалиться сквозь землю.

— Жених? Да что ты говоришь! Шарль — твой жених?

— Поч-чему мой? — Я уже совершенно перестала понимать происходящее. — Твой же!

— Кто тебе такое сказал? — Глаза красавицы расширились от удивления. — Мы с этим проказником сто лет знакомы: он дружит с моим старшим братом, да и на одних подмостках нам выступать приходилось! — Франческа обняла меня за плечи. — Милая, ты, видимо, жила в очень строгой семье, но здесь столица, здесь все проще! А у артистов и вовсе свои представления о приличиях! Приди в себя: тебе что, никогда руку не целовали?

Я лишь помотала головой. Какие-никакие, а мы — дворяне: простолюдины бы три раза подумали, прежде чем дотронуться до аристократки, во время ярмарок мы только с торговцами и общались, откуда же взяться воздыхателям?

— Так ты не злишься? — на всякий случай уточнила я.

— Мне не на что злиться! — увещевала Чеккина. — Так что перестань дрожать и привыкай. Что-то мне подсказывает, что без мужского внимания ты надолго не останешься!

Я все еще чувствовала себя не в своей тарелке и попыталась перевести разговор на иную тему:

— А верит Демар тоже музыкант, как и ты?

— Дорогая, ты точно из Веритерры? Создается впечатление, будто ты выросла в другой стране! Шарль — актер, причем очень известный. Кроме того, он пишет неплохие пьесы, но его

актерская известность не идет ни в какое сравнение с драматургической. У него прорва поклонниц! Поверь мне, очень многие девушки из собравшихся здесь неделю не мыли бы руку, если бы ее поцеловал Шарль. — Чеккина задорно подмигнула мне.

Я догадывалась, что сейчас опять спрошу о чем-то общеизвестном, но перед Франческой я уже выставила себя неотесанной деревенщиной, так что терять было нечего:

— А актер — это вроде скомороха?

— Ой, ты только Шарлю такого не скажи, — хихикнула девушка. — Скоморохи — это самая низшая ступень актерской профессии. Среди них совсем нет магов, и они очень грубы, в приличных местах такие не выступают. А Шарль принимает участие в самых роскошных столичных постановках. Думаю, он не откажется как-нибудь пригласить тебя на спектакль. Но тсс, кажется, верит ректор готов разродиться приветственной речью!

На настиле и впрямь сгрудились преподаватели, даже ради праздника не снявшие мантий. Ректор гордо стоял впереди всех, выпятив щупленькую грудь. Собравшиеся примолкли, и глава Академии начал довольно занудную речь, почти полностью повторявшую написанное в руководстве. Слушать его было совершенно неинтересно, так что я во все глаза разглядывала наших будущих учителей, пытаясь угадать, кто какой предмет ведет. Впрочем, если вспомнить список лекций из руководства, здесь присутствовали далеко не все педагоги. Тогда я попыталась разобраться хотя бы в деканах факультетов, но насчитала лишь семь мантий с серебряной отделкой. Видимо, кто-то из руководителей не посчитал нужным прийти на праздник.

Но оказалось, что я зря ломала голову: ректор сам представил деканов и даже немножко рассказал о каждом факультете. Не упомянутым остался лишь факультет истинного Чувства. До чего странно: в руководстве тоже забыли рассказать именно о нем!

Дождавшись окончания речи, я вяло похлопала и накинулась на соседку с расспросами:

— Чеккина, а ты не знаешь, почему факультетов восемь, а нам только про семь рассказали?

— Ой, это очень длинная история, давай сперва промочим горлышко, а потом я тебе все расскажу! — Франческа потянула меня к шатрам. Под огромными полотнищами стояли накрытые столы со всяческой снедью. Есть пока совершенно не хотелось, но соседка окинула меня оценивающим взглядом и убежденно кивнула:

— Я знаю, чем тебя удивить! Стой здесь, я сейчас!

Девушка юркнула вглубь шатра, а я подставила лицо ласковому нежаркому солнышку. Все же осень на пороге, скоро дожди зарядят, надо насладиться последним теплом.

— Бесконечно жаль, что я не живописец, верита Фея! Вас необходимо рисовать! Вы могли бы позировать для образов величайших женщин древности, легендарных цариц и даже богинь. Увы мне, увы, я выбрал не ту стезю. — Бархатный голос сочился скорбью. Рядом со мной стоял Шарль Демар. Я моментально вспомнила, как он целовал мне руку, и застеснялась.

— Шарло, ты можешь хотя бы иногда говорить по-человечески, а? — вклинилась в журчание его речи вернувшаяся Франческа. — Вот, держи! — Девушка сунула мне в руку стакан на длинной ножке, наполненный темно-вишневым соком. — Извини, дорогой, на тебя не рассчитывала, так что тебе придется позаботиться о себе самому.

— О, жестокосердная, как ты могла! — Юноша возвел очи горе и трагично прикрыл лоб тыльной стороной ладони. — Хотя я все равно сегодня должен сохранять трезвость рассудка, — вдруг совершенно буднично произнес красавец. — И, да, как видишь, я могу говорить языком простых смертных, но это не вяжется с моим образом.

— Помяни мое слово, небожитель: такими темпами ты скоро забудешь, где образ, а где ты настоящий, — фыркнула в ответ Чеккина.

Пока собеседники препирались, я принюхивалась к странному едкому аромату, исходящему из стакана в руке.

— Да ты попробуй! Это вкусно! — Франческа демонстративно сделала глоток.

Я тоже отпила и скривилась:

— Чеккина, по-моему, сок прокис.

— А это не сок, это вино. У вас, как я понимаю, виноград не растет?

— Нет, я никогда не слышала о таком растении.

— Слышать, может, и не слышала, зато видела уж точно: им здесь все стены увиты. Но в Академии он для красоты, а вот у меня на родине его выращивают именно ради ягод и вина. Вино веселит душу и помогает прогнать печаль! У нас дешевые сорта каждый день пьют, а дорогие — по праздникам. — Заметив, что я ее не понимаю, девушка попыталась объяснить иначе: — Ну, есть у вас какие-нибудь напитки, которые опьяняют?

— А, так это вроде бражки что-то! — догадалась я наконец-то. — А мы ее почти не пьем, сбитень иногда только да пиво на ярмарке.

— Ну-у-у, пусть будет пиво, хотя это оскорбление благородного напитка. Вот считай, что это такое очень хорошее пиво! Пей!

— Да я, в общем-то, и пиво не люблю, — пробормотала и тут же осеклась под сочувствующими взглядами Шарля и Франчески. Лучше бы молчала, теперь ведь совсем как на дурочку смотреть будут. Пришлось сделать еще глоток.

— Так, с вопросами винокурения разобрались, — подытожила моя соседка. — Переходим к следующему пункту программы просвещения! Шарль, ты только представь: Фея ни разу не была в театре! Почему бы тебе не пригласить девушку на один из спектаклей?

— Почту за честь! — Юноша открыто улыбнулся. — Если, разумеется, верита Фея сама желает посетить представление!

— Ой, это было бы здорово, — обрадовалась я. — Чеккина сказала, что вы намного интересней скоморохов развлекаете публику! — Тут же прикусила язык, но, судя по тени, набежавшей на лицо эпопта Демара, сравнение со скоморохами его и впрямь не порадовало.

— Смею надеяться, что ваше мнение останется столь же лестным и после спектакля. — Молодой человек быстро взял себя в руки и вновь улыбался легко и беспечно.

— Должна заметить, что тебе очень подошел бы костюм медведя, — ехидно проворковала Франческа, запуская пальчики в кудри Шарля, — дивно оттенил бы твою внешность.

— Согласен, радость моя, но только при условии, что ты будешь изображать козу! — не остался в долгу эпопт Демар, по-хозяйски обхватывая девушку за талию.

— Я не смогу: это слишком сложный образ, к тому же у меня голос ниже, чем требуется. — Чеккина принахмурилась, словно всерьез раздумывала над предложением.

— Оу… девушки, простите, но вы меня не видели, — внезапно выналил Шарль и вильнул за ближайший клен.

Мы обернулись, но ничего ужасного не заметили. Единственное — в нашу сторону двигалась странная девица.

Когда я ходила на экскурсию в торговые ряды, видела лавку с дорогущими расфуфыренными куклами. Так вот идущая к нам девушка выглядела точь-в-точь такой же куклой, только в человеческий рост.

Огненно-рыжие волосы взбиты в высокую пышную прическу, усыпанную самоцветами и клочками кружева. Белоснежная, словно фарфоровая, кожа, огромные пронзительно-зеленые глазищи вполлица, алые губки бантиком. Талия такая тонюсенькая, что того гляди переломится. А уж платье! Такого

наряда на картинках заезжего купца точно не было: юбка широченная, в двери не пройдешь, разве что боком, плечи голые, а лиф начинается так низко, что грудь почти полностью наружу вываливается. Ткань я определить не смогла, но окрашена она была очень красиво: в бледно-голубой цвет с сиреневым отливом. Кажется, этот оттенок назывался «перванш». С шеи и запястий незнакомки свисали грозди драгоценностей, даже опояска у нее была из жемчуга с какими-то голубенькими камушками.

Я, конечно, понимала, что откровенно пялиться на человека неприлично, но ничего не могла с собой поделать: глаза просто не желали отрываться от такого невероятного зрелища.

Девушка меж тем открыла здоровущий веер и начала им судорожно обмахиваться:

— Ах, какая духота! Даже не верится, что сейчас конец лета, — тоненько проговорила она, поравнявшись с нами.

Резкий взмах ее опахала, и стакан с вином вырвался из моих расслабленных пальцев, щедро заливая светло-серое платье кровавой метиной.

— Пра-а-асти, пожалуйста, я от зноя сама не своя, — наигранно протянула рыжая, двигаясь дальше.

— Вот с-с-терва, — прошипела сквозь зубы Франческа.

— Знаешь, Чеккина, а мне почему-то показалось, что она нарочно меня облила, — пробормотала я, оглядывая испорченный наряд.

— Тебе не показалось, — процедила соседка, буравя взглядом удаляющуюся богачку.

— Но зачем? Я ее первый раз вижу! Что я ей могла сделать?

— Судя по всему, именно от нее позорно сбежал Шарло. Но из ревности доченька Олбанса попыталась бы отыграться на мне, это я стояла в обнимку с ее вожделенной добычей. Значит, просто позавидовала, — пожала плечами Чеккина.

— Ты с ней знакома?

— Не то чтобы знакома, просто Элинор Олбанс знают все. Ее папаше принадлежит добрая половина Веритерры.

— И что же завидного она могла обнаружить во мне? — В такой вариант совершенно не верилось.

— Ты очень красивая, Фея, думаю, тебе многие девушки завидуют. Переодеться, случайно, не хочешь? Или предпочтешь порадовать завистниц изгаженным платьем?

— Но… но она тоже красивая! И намного ярче меня! И богатая к тому же! — Я все пыталась осознать сказанное Чеккиной, но поверить в то, что такая девушка может завидовать мне, никак не получалось. — А талию, талию ты видела? Ее же двумя пальцами обхватить можно! А кожа какая, ни одного

изъяна!

— Ты поражаешь меня все больше и больше, — рассмеялась соседка, увлекая меня в сторону Яблоневого общежития. — Впервые встречаю человека, который всех вокруг абсолютно искренне считает красивыми!

— Но здесь и правда уйма красивых девушек! И парней тоже, — стояла я на своем, не обращая внимания на насмешливый взгляд Франчески.

— Фея, да с Элинор Олбанс штукатурку мастерком обдирать можно, а она этого даже не почувствует! И талия у нее в корсет затянута. А уж если бы она только могла предположить, что у тебя коса своя, она бы ее подожгла прям тут же.

— Подожди, что значит «своя»? — Я остановилась как вкопанная. — А у этой Элинор, можно подумать, чужая!

— Ты безнадежна, Фея, — уже просто в голос хохотала Чеккина, дергая меня за руку. — У Элинор на голове шиньон!

Пока мы шли в свою комнату, Франческа рассказывала, к каким ухищрениям прибегают девушки, чтобы выглядеть привлекательнее: специальные краски для лица, накладные косы, особый покрой платьев. Мне такое даже в голову не приходило! Я-то всех искренне считала красивыми от природы.

— Но, Чеккина, ты же при мне одевалась, и я ничего не заметила! Ни корсета, ни красок…

— Ох, милая, я — не показатель! Не забывай, что я артистка! Мы пользуемся таким ярким и густым гримом на сцене, что в обычной жизни хочется дать коже отдохнуть. А корсет певице попросту вреден: он сжимает ребра и мешает правильно дышать. Но бывают случаи, когда я и вне сцены пользуюсь косметикой. Сейчас покажу!

Девушка поставила на стол большой ларец, полностью забитый разноцветными баночками, флакончиками, коробочками, кисточками и какими-то совершенно непонятными штучками.

— А вот это для чего? — указала я на странные полоски не то шерсти, не то ниточек.

— Накладные ресницы. Наклеиваются на веки, чтобы глаза казались ярче и выразительней.

— Великая Веритассия! — только и смогла выдохнуть я, опускаясь на стул. Это что же получается: все, буквально все можно изменить, если уметь пользоваться такими вещами. Зато сразу стало понятно, какой предмет я выберу четвертым: искусство грима. Точно не помешает, если хочешь найти мужа.

— Фея, у тебя такой вид, словно откровение снизошло, — улыбнулась Чеккина. — Ты лучше скажи: обратно на праздник пойдешь?

— Да ну его! — отмахнулась я, но тут же спохватилась. — А ты иди, конечно, я не настолько кулема, чтоб в общежитии заблудиться!

— Не сомневаюсь, — усмехнулась соседка, — но я все равно скоро иду на прослушивание. Сегодня набор в ансамбль Академии. Кстати, если хочешь, пошли со мной: поддержишь, выступления послушаешь!

— С радостью! Я никогда не была на прослушивании! Наверное, там интересно.

— Нервно, скорее, но простому зрителю должно быть любопытно. Вот и договорились! — Франческа убрала ларец и занялась подкручиванием струн на своей лютне.

— Чеккина, а ты обещала рассказать про восьмой факультет…

— Да, точно! Эта история началась давным-давно…

Оказывается, не все боги воевали между собой. Богиня любви — Прекрасная Аморита — не только отказалась принимать участие в противостоянии, но и пыталась примирить враждующие стороны. К сожалению, она не смогла отговорить остальных богов от напрасного кровопролития. Когда сражение окончилось, боги решили, что мудрость миролюбивой Амориты пригодится в любом государстве. С тех пор богиня любви почитается во всех странах. Она свободно ходит по земле, принося мир и любовь человеческим сердцам.

Некогда Прекрасная Аморита, так же как и Великая Веритассия, передала часть своей силы людям. Факультет истинного Чувства создан специально для тех, кто сумел унаследовать благословение обеих богинь. Это всегда были женщины, и их всегда оказывалось гораздо меньше, чем учащихся любого другого факультета. Выпускниц факультета Чувства именовали ведуньями. Их очень любили в народе, но одновременно и боялись. Говорят, что дар ведуний заставлял окружающих проявлять свою природу и обнажать подлинные чувства. Но около ста лет назад девушки-ведуньи перестали появляться в Академии. Годы шли, женщины с даром истинного Чувства старели и умирали, а новые так и не появились. Никто не мог объяснить произошедшее, но уже не одно десятилетие факультет Чувства был заброшен. Судачили, будто Прекрасная Аморита поссорилась с Великой Веритассией, потому и перестало действовать благословение богини любви, но даже от Верховного жреца было сокрыто истинное положение вещей.

— Чеккина, а чем вообще занимались ведуньи?

— Я точно не знаю. Вроде бы они умели чувствовать природу… А еще они благословляли браки по взаимной любви,

награждая истинные союзы… Ну, или что-то вроде того. Я не особо интересовалась. Ладно, хватит болтать, нас ждет прослушивание!

Прослушивание происходило на факультете Искусства. В огромном зале со ступенчатым полом, уставленном креслами, собрались певцы и музыканты. Они по очереди поднимались на помост, вставали перед бордовым полотнищем невероятного размера и исполняли различные песни или просто играли музыку. Франческа объяснила, что это помещение именуется зрительным залом, а помост — сценой, большая часть которой сейчас скрыта за занавесом.

Чеккина была бесподобна! Она пела, подыгрывая себе на лютне, а у меня на глаза слезы наворачивались, так отзывалась в душе печальная мелодия. Впрочем, другие неофиты тоже красиво пели: кто задорно, кто грустно. А уж инструментов разных сколько звучало — один интересней другого! Будь моя воля, я бы всех взяла в ансамбль. Франческа не разделяла моего восторга, но весело подтрунивала, будто я дикарка, дорвавшаяся до настоящего искусства, которое должно смирить и укротить мой норов. Обижаться я не стала, но в шутку пригрозила оборвать все струны на лютне, а то соседушка слишком много о себе мнит. Девушка изобразила покорность перед лицом грубой силы, но не преминула поразмышлять, сколько ей отвалят куаферы за мою отрезанную косу.

В итоге с ужином мы припозднились и столовую покидали чуть ли не последними. Солнышко уже спряталось за крышами домов, в сгущающихся сумерках на фоне розовеющего неба резко выделялись листья деревьев, одуряюще пахли яблони — хорошо!

Около общежития наткнулись на Шарля Демара, понуро сидящего в тени сиреневого куста.

— Шарло, ты чего такой пришибленный? — заволновалась Чеккина.

— Я раздавлен глубочайшим чувством вины, — сообщил юноша, поднявшись. — Верита Фея, я слышал о том, что произошло на празднике. Я не должен был бросать вас на растерзание этой помешанной. Стыду моему нет предела.

— Перестаньте, верит Демар, вы ни в чем не виноваты. Вы не можете отвечать за действия других людей.

— Ну, вообще-то, конечно, тебе не помешало бы вовремя со своими… кхм… дамами разбираться, — осуждающе заявила Чеккина.

— Вот язва ты все-таки, Франча! — немедленно переходя на нормальную речь, возмутился молодой человек. — Нет бы

посочувствовать! Я правда похож на круглого идиота, да? Эта психованная никогда не входила в число моих, как ты изволила выразиться, дам!

— Да ну? А чего ж она за тобой по пятам ходит?

— Игрушку новую ищет! Помнишь, что было с Николя? Вот мне такого совершенно не хочется!

— Не повезло тебе, однако! Элинор Олбанс может изрядно крови попортить! Так и быть, сочувствую. — Девушка похлопала Шарля по плечу.

— Ладно, не нагнетай, что-нибудь придумаю. Простите, верита Фея, ваша подруга выведет из себя кого угодно! А я ведь еще не успел вручить вам этот скромный букет. — В руке эпопта из ниоткуда сами собой возникли сочные стебли шпажника, усеянные крупными лиловыми цветами. — Я надеюсь, что он хоть немного скрасит испорченный праздник. Пожалуйста, возьмите. — Шарль улыбнулся так трогательно, так открыто. Я же порозовела от смущения, но цветы все же приняла.

— Большое спасибо, они прекрасны! — Я вдохнула тонкий сладковатый аромат.

— Так, я не поняла, а мне цветочки? — капризно прогундосила Чеккина.

— А ты, дорогая, не заслужила! Вот когда дочка Олбанса на тебя вино выльет, я, так и быть, подарю тебе незабудочку! — ехидно ответствовал Демар.

— Ладно-ладно, я тебе это еще припомню, — угрожающе протянула Франческа. Впрочем, девушка тут же прекратила кривляться и спокойно спросила: — Мы так и будем стоять столбами посреди двора, пока кто-нибудь не увидит и не донесет Элинор, кому ты цветы даришь?

— Да, конечно, извините, красавицы, приятного вечера! — Шарль торопливо поклонился и ушел.

Мы же поднялись к себе. Только в комнате я сообразила, что вазы у меня нет, а без воды шпажник быстро завянет.

— Ты забыла, что у тебя самая лучшая соседка на свете! — рассмеялась Чеккина, извлекая из своих запасов массивную стеклянную вазу. — Артисткам часто дарят цветы, — пожала она плечами в ответ на мой потрясенный взгляд.

ГЛАВА 7
Свекольник

Звездное небо раскинулось над головой. Ветер взметнул подол платья, растрепал волосы, а как только я с трудом оправила юбку и откинула тяжелые пряди за спину, словно бы в насмешку швырнул в лицо горсть мокрых кленовых листьев. Стоило мне отлепить противные холодные ладошки осени ото лба и щек, как на плечо легла тяжелая рука. Я вздрогнула и развернулась.

Прямо на меня смотрели глаза цвета ночного неба. Мужчина улыбался в усы и не отрывал взгляда от моего перемазанного лица. Опять хотелось бежать, но ноги не отрывались от земли. Снова сердце затрепыхалось где-то в горле, хотя в этот раз мы не танцевали. Во рту пересохло, в ушах противно зазвенело. Я хотела бы потерять сознание, но странные глаза словно вцепились в мою душу, не позволяя провалиться в забытье.

Кончик его пальца скользнул по моему виску, переместился на щеку, затем ладонь опустилась на затылок. Мужчина усмехнулся чуть шире, а потом наклонился и накрыл мои губы своим ртом. И стало жарко! И душно! И в голове словно вспыхнула радуга, а руки повисли как плети, даже не пытаясь оттолкнуть незнакомца. И жгло в груди, и подламывались колени, и все вокруг завертелось в водовороте рухнувшего на землю неба.

Я распахнула глаза. Светало. Посапывала во сне Чеккина. Моя нижняя губа совершенно онемела. Дотронулась пальцами и поняла, что во сне я ее прокусила. Стараясь не шуметь, поднялась и выскользнула из комнаты. В мыльне глянула на себя в зеркало и чуть не заорала: на подбородке подсыхала полосочка крови, губа распухла, щеки приобрели сероватый оттенок, под глазами появились фиолетовые круги. Краше в гроб кладут!

Долго умывалась холодной водой, размышляя, что за напасть на меня обрушилась. Если вдуматься, то ничего ужасного мне не приснилось: ну, ветер, ну, мужчина, ну, поцеловал. Я, правда, ни разу не целовалась ни с кем, но видела же, как другие целуются — вроде всем нравилось. Сам по себе мужчина был не отталкивающей наружности, хотя красивым я бы его тоже не назвала. Так с чего такой испуг? Раньше хоть музыка была гнетущая или вовсе смертоубийство, а сейчас? И вообще, чего он повадился в мои сны? Нет бы красавец Шарль снился, а тут какой-то незнакомый дядька. Ой, это я сейчас чего такое

подумала?

Зеркало услужливо подсказало, что румянец на щеки таки вернулся. Вот тебе, бабушка, и Холодный день. Этак я скоро за парнем бегать начну. Нет, нет, надо душицу на ночь заваривать, и пропади они все пропадом, гости незваные.

С сегодняшнего дня начиналось обучение. Столовая уже битком набивалась неофитами, приехавшими получать образование в Академии. Как я поняла, остальные учащиеся, равно как и преподаватели, ели где-то в другом месте.

После завтрака нам раздали расписания. У меня почти все занятия проходили на факультете Искусства, лишь лекции по этикету читали на факультете Слова. У Чеккины абсолютно все предметы были с факультета Искусства, но пересекались мы с ней только на литературе.

На первом уроке по этикету мы вначале заполняли обширный опросник, охватывающий самые разные сферы жизни. От простейшего: «В какой руке следует держать ложку?» до заведомо сложного для меня вопроса: «Как положено себя вести при возникновении непредвиденных ситуаций во время церемониальных шествий?». Преподавательница объяснила, что это поможет ей понять уровень подготовки группы и выявить наши слабые стороны. У меня слабых сторон явно насчитывалось больше, нежели сильных. А потом до самого обеда мы слушали вводную лекцию о непривычных для веритов обычаях иных стран. Например, в Либерьяне лучшим подарком на Новогодье считается черепок от разбитой чашки. По их поверьям, такой осколок приносит счастье.

А после обеда меня ждал танцкласс: просторное помещение с зеркальными стенами, вдоль которых тянулись деревянные жердины. Вертлявый магистр Ришель согнал всех неофитов в угол зала, а потом вызывал по одному на середину. Вызванному требовалось представиться и продемонстрировать какой-либо танец. Я наблюдала, как двигаются другие, и ломала голову, что показать самой. Почти все наши пляски строятся вокруг какой-то истории и рассчитаны на участие партнера, в одиночку их, конечно, изобразить можно, но будет непонятна суть танца. Единственное, что пришло мне в голову, показать скользящую хороводную проходочку. Конечно, когда танцоров много, можно и змейку завить, и в две линии покружиться, но и сольно очень красиво смотрится девушка, будто бы плывущая над землей. Сказано — сделано. Когда подошла моя очередь, я сложила руки перед грудью и посеменила меленькими шажочками по кругу.

Уж не знаю, что я сделала неверно, но магистр отреагировал

на обыкновенную «Березку» слегка раздражительно. Очень странно, ведь многие девочки так вихляли бедрами и изгибались, что срамно смотреть было, у меня же все целомудреннее некуда.

Чуть скривив губы, наигранно-елейным голосом преподаватель обратился ко мне:

— Неофит Ролло, надеюсь, ваша нравственность не будет оскорблена просьбой — совсем немного приподнять подол платья? Только не останавливайтесь.

Ничего оскорбительного я в словах верита Ришеля не углядела. В деревнях все, от мала до велика, женщины носили гораздо более короткие одежды, нежели было принято в городе — никому ведь неохота подолом коровьи лепешки размазывать! Однако, судя по глумливым улыбочкам на лицах некоторых неофитов, вопрос был с подвохом. Но не предложит же преподаватель первокурснице что-то откровенно неприличное, тем более прилюдно? Я, не прерывая танца, пожала плечами, «расплела» сложенные перед грудью руки и приподняла край юбки.

Магистр некоторое время неотрывно смотрел на мои семенящие ноги, а потом изумленно произнес:

— А теперь отпустите подол и продолжайте движение.

Тут же за моей спиной пробежал шепоток, среди которого раздался басовитый возглас:

— Обалдеть!

— Я склонен с вами согласиться… — задумчиво отозвался верит Ришель. — В смысле: потрясающе! А откуда вы прибыли, неофит Ролло?

— Из Пеньковского уезда, — ответила я, не поворачивая головы и по-прежнему «плывя» по кругу.

— И как у вас там принято танцевать вот этот вот… Да остановитесь уже, я из-за вас мысль теряю! Так как этот танец обычно исполняют?

— Ну, девушки водят хоровод, двигаясь друг за дружкой, иногда держась за руки, иногда кружась. Чем больше участников, тем интереснее фигуры.

— Вы хотите сказать, что у вас многие девушки так умеют?

— Да почти все.

— Невероятно! Знаете, неофит Ролло, а ведь до сих пор я считал подобное бабушкиными сказками. Благодарю вас! Но мы отвлеклись. Следующий!

Я так и не поняла, что уж такого невероятного произошло, но прерывать занятие и задавать вопросы не решилась.

После того как все учащиеся продемонстрировали свои умения, магистр разбил нас на пары. Молодых людей

присутствовало несколько меньше, чем девушек, так что некоторым девочкам пришлось танцевать друг с другом. Мне в партнеры достался парень богатырского сложения: высокий, косая сажень в плечах, на руках мышцы литые, словно всю жизнь гири на ярмарке кидал. Впрочем, двигался он на удивление легко, а в лихой пляске, которую демонстрировал преподавателю, вращался вокруг своей оси, словно волчок.

До самого ужина мы отрабатывали совсем легкий на первый взгляд церемониальный танец — ходзонный. Оказалось, что несколько часов ходить рваными шагами, будто тебе все время стараются подрубить колени, приседать, держа спину и голову абсолютно прямо, и контролировать положение рук на уровне плеча — жутко сложно! Я умаялась так, словно весь день сено копнила.

После занятия забежала в общежитие. Чеккины в комнате не было. Взяв рушник, я направилась в умывальню. Освежила разгоряченное лицо, пригладила волосы и отправилась ужинать.

На перилах крыльца сидел мой давешний товарищ по несчастью. До чего же необычная внешность у парня: длинные прямые волосы, спадающие ниже плеч, настолько белые, что кажутся седыми. На висках заплетены косицы. Холодные, пронзительно-синие глаза. Лицо словно из камня вырублено. В сочетании с нехилым телосложением картинка получалась весьма суровая.

Завидев меня, он плавно спустился и окликнул:

— В столовую идешь?

— Да.

— Можно тебя проводить?

— Конечно, пойдем, вдвоем веселее. Только, прости, мне стыдно, но я не запомнила твоего имени…

— Питер. Питер Брант.

— Теперь точно запомню, — улыбнулась, чтобы загладить неловкость. — А я — Феодоссия Ролло, лучше просто Фея.

Здоровяк молча кивнул и двинулся рядом со мной, явно стараясь сдерживать шаг. Мне не хотелось задавать неловкие вопросы, но уж очень терзало любопытство, так что я решилась обратиться к спутнику за разъяснениями:

— Питер, а ты понял, почему верита Ришеля так удивил мой танец?

— Да. Он решил, что ты левитируешь.

— Что делаю?

— Левитируешь. Паришь в воздухе.

— А зачем кому-то ле-ви… парить, когда просят станцевать? — Я замерла на месте и воззрилась на своего

провожатого, заподозрив того в розыгрыше.

— Некоторые любят выпендриваться, — спокойно ответил Питер, тоже остановившись.

— Великая Веритассия… — простонала я. — Это какой-то другой мир, я здесь ничего не понимаю!

— Ты привыкнешь, — уверенно заявил он спокойным тоном.

— Извини, просто иногда головой о стену биться хочется. — Я продолжила путь, и парень тут же последовал за мной. Странный он какой-то. Хотя тут, в Академии, вообще все странное.

До места дошли почти в полном молчании. Питер был неразговорчив, а у меня пока не хватало навыков для поддержания светской беседы. Я пыталась задавать вопросы, но молодой человек отвечал весьма сухо. Зачем он вообще искал себе спутника? Может быть, просто не знал, как пройти к столовой?

Здоровяк вежливо отворил дверь и пропустил меня вперед. Перешагнув порожек, я краем глаза заметила, как ко мне что-то летит. Увернуться уже не успевала, только руку вскинула, защищая лицо. Непроизвольно зажмурилась. Перед самым носом вроде что-то мелькнуло, раздался звон и грохот, но ни толчка, ни боли я не ощутила.

— Ты цела? Лицо, руки, ноги не порезало? — послышался встревоженный голос Питера. Он был на голову выше меня, и его широкая спина в данный момент полностью закрывала обзор.

— Д-да, кажется, — проблеяла я.

— Бывает, — спокойно ответил богатырь и сделал шаг в сторону. — Тебя точно не задело?

На полу валялись осколки грязной посуды, столовые приборы, остатки еды да треснувший поднос. Посреди этого разгрома раскорячился щупленький парнишка, с ужасом взирающий на моего спутника.

— Нет, со мной все в порядке. А что это вообще было? — выдавила я, соображая как-то заторможенно.

— Оступился, видимо, — пожал плечами Питер и слегка отодвинул меня в сторонку. — Осторожно, тут осколки, не поранься.

— Да, спасибо. А как это тебе удалось так быстро меня загородить? Ты же сзади шел, и вдруг — оп! — спросила я, аккуратно обходя место падения неловкого неофита.

— Тренировка, — невозмутимо обронил блондин.

Из-за столика в дальнем углу поднялась Франческа и активно махала мне рукой. Я кивнула ей в ответ, мол, заметила.

— Меня подруга ждет, — обратилась к Питеру. — Хочешь с

нами поужинать или у тебя есть компания?

— Если твоя подруга не будет возражать, я приму твое приглашение.

Набрав еды, мы подошли к столику, занятому расторопной Чеккиной.

— Знакомьтесь: это Питер, мы с ним вместе ходим на танцы, а это — Франческа, моя соседка по комнате.

— Очень приятно! — отозвалась Чеккина, смерив здоровяка оценивающим взглядом. — Пожалуйста, присаживайтесь, молодой человек. Фея, а что там было — у двери, когда вы вошли? Загрохотало жуть как, я аж подпрыгнула.

— Да ерунда, просто паренек какой-то споткнулся и уронил поднос с тарелками.

Во время ужина подружка без умолку трещала об учителях и новостях, я с удовольствием слушала и поддакивала, а Питер сидел с отсутствующим видом. Единственная информация, которую удалось из него вытянуть Чеккине: наш сотрапезник тоже обитал в Яблоневом общежитии. Оказывается, жилища неофитов делились на два подъезда: в левом располагались комнаты девушек, а в правом — юношей.

— Странно, что за две седмицы ты ни разу не попался мне на глаза ни во дворе, ни в столовой, — подивилась я.

— Я лишь вчера прибыл в Академию.

После трапезы Питер проводил нас с Чеккиной до подъезда и дождался, пока мы зайдем внутрь.

— Симпатичный. — Франческа вцепилась в меня, как только за нами закрылась дверь. — Кто такой, откуда? Что у вас было?

— Ничего не было, только танцевали на занятии в паре. Он очень неразговорчивый, так что я знаю почти столько же, сколько и ты. Только фамилию могу назвать — Брант.

— Брант, Брант… Питер Брант… Нет, не слышала. А жаль. Что-то в нем скрывается… Что-то этакое — ух! — Чеккина изобразила целый ряд гримасок, сопровождаемых прищелкиваниями пальцев.

— Тебе видней, — рассмеялась я в ответ на эту пантомиму.

ГЛАВА 8
Листопадник

Всю седмицу я старательно училась, не поддаваясь на уговоры Франчески пойти развеяться в городе. Не то чтобы мне совсем не хотелось погулять, но очень уж надеялась заслужить стипендию. Знаний у меня было катастрофически мало, поэтому приходилось уповать лишь на собственное усердие. Самой-то мне много не нужно: одежда и жилье есть, в столовой кормят, на бумагу и чернила, скрепя сердце, беру монетки из отцовского кошеля… Но ведь будут каникулы, и так хочется привезти сестренкам столичных гостинчиков! Вот и сидела я над книгами, не разгибаясь.

А нынче был объявлен праздник — Осенний бал. По такому случаю Чеккина заставила меня сделать красивую прическу и макияж. Конечно, без ее помощи мне бы ни за что не управиться: я только начала изучать искусство грима и ничего еще толком не умела. Подруга заранее затребовала мой наряд, похмыкала, но пообещала сотворить из меня куколку. Я уж было испугалась, что она хочет превратить меня в копию Элинор Олбанс, но соседка лишь закатила глаза и беззлобно нарекла меня «дяревней».

Наряд для танцев у меня был пошит из бархата глубокого синего цвета: широкая юбка и лиф с золотистой шнуровкой, которые следовало надевать поверх короткой батистовой сорочки и плотного, накрахмаленного подъюбника. Из украшений я выбрала лазуритовые бусы и золотистую опояску. Франческа убедила меня повязать на голову очелье из тесьмы в тон бусам со старинными височными кольцами, унизанными желто-медовыми прозрачными камушками.

Оказалось, что макияж и прическа двух девушек занимают огромное количество времени: начали мы сразу после завтрака и провозились до самого вечера, с двумя перерывами на чай. После утреннего посещения мыльни Чеккина туго сплела и уложила две мои еще влажные косы на манер короны, а себе накрутила что-то невообразимое из множества тонких косичек, искусно уложенных на макушке и ниспадающих по плечам, и локонов, красиво обрамляющих ее лицо. Что уж там подружка вытворяла с моим лицом — не знаю, но получилось невероятное: глаза смотрелись огромными и яркими, брови потемнели, нос стал будто поменьше, а губы пухлее.

После всех приготовлений мы с Франческой представляли забавную парочку: я светленькая в темно-синем наряде, а она —

брюнетка в вердепешевом платье. Хихикая, мы спустились на улицу и сразу же наткнулись на Питера в роскошном черном костюме с серебряным позументом. Теперь, после происшествия в столовой, парень постоянно попадался нам на глаза. Чеккина даже задразнила меня «просватанной» и не верила в то, что мое общение с этим молодым человеком ограничивалось лишь обсуждением танцевальных приемов. Но сейчас подружка вполне благосклонно отнеслась к привлекательному кавалеру и с ходу ловко уцепилась за его локоть. Питер же маневра Франчески, казалось, не заметил, беззастенчиво пожирая меня глазами.

— Ты такая красивая, как статуя в Храме! — произнес он наконец, когда я окончательно смутилась и покраснела под его настойчивым взглядом.

— Сомнительный комплимент, ты не находишь? — немедленно вмешалась Чеккина. — Ладно, орел, я прощу тебе, что меня ты полностью проигнорировал, но за это ты нас обеих проводишь на бал. Идет? А потом я от вас, так и быть, отстану и пойду танцевать, пока вы будете мимикрировать под колонны.

— Ты сама поняла, что сказала? — Питер соизволил обратить внимание на мою подругу.

— Я — да, чего и вам желаю! Ну, пойдемте уже, я хочу танцевать! — заканючила красавица, притопывая ножкой.

Питер протянул мне вторую руку, я, по примеру соседки, взяла юношу под локоток, и мы пошли к зданию администрации.

Листопадник вполне оправдывал свое название: желтые и красные листья, красиво кружась, опускались нам под ноги. Пахло одуряюще: яблоневым цветом и жухлой листвой. Мне всегда нравился запах осени, а здесь он смешивался с нежным ароматом цветов и становился еще насыщеннее.

Бал устроили в том самом зале, где летом регистрировали прибывших неофитов. Столы убрали, стены и окна украсили переливающимися золотыми листьями, откуда-то лилась бравурная музыка.

Чеккина, едва войдя в дверь, послала мне воздушный поцелуй и убежала. Питер улыбнулся и спросил:

— Идем танцевать?

Улыбка очень красила юношу, он сразу становился словно теплее, душевнее, а то вечно как истукан.

— Будем оттачивать навыки? — попыталась пошутить в ответ. — Пойдем, конечно!

Танцевать на балу оказалось гораздо веселее, чем на занятии. Почти как на деревенских праздниках. Вокруг все улыбались, развевались разноцветные юбки, пахло цветами и пряностями. С

Питером я отплясала только первый танец, потом меня пригласил Шарль, потом моими партнерами становились незнакомые парни. Я радовалась, голова слегка кружилась, на душе было легко, и казалось, что этот вечер никогда не кончится.

Я уже давно потеряла счет времени, когда магистр Ришель объявил вальс со сменой партнеров, легко подцепил меня под руку и скользнул на паркет. Мы прокрутились один тур, а потом меня подхватил новый кавалер. Внезапно пол ушел из-под ног, я забыла, как надо двигаться и даже как дышать. Прямо на меня смотрел мужчина с глазами цвета ночного неба.

Кажется, он что-то говорил, по крайней мере губы у него шевелились, но я не слышала ни звука: уши словно ватой забились. Наверное, он осведомлялся о моем самочувствии, потому что выражение лица незнакомца из ночного кошмара стало обеспокоенным. А потом он ловко подхватил меня на руки и понес так легко и быстро, будто я ничего не весила. Наверное, следовало возмутиться: порядочные девушки не позволяют кому попало себя хватать, но я даже не сумела сообразить, что уместно было бы сказать в такой ситуации. Зато мне вдруг безумно захотелось, чтобы он меня еще раз поцеловал, как тогда… даже губы зудеть начали. Тут моего лица коснулся прохладный вечерний ветерок, и я с ужасом осознала, что еще миг, и я бы сама потянулась его поцеловать! Какой кошма-а-ар! Я слабо застонала и спрятала лицо в ладонях, осознавая всю бездну своего падения: сначала бесстыже пялилась на совершенно постороннего мужчину, потом позволила нести себя на руках, а в довершение всего еще и чуть не накинулась на него с поцелуями при всем честном народе. В наших краях даже самые распущенные девки так себя не вели. Мама, мамочка! Великая Веритассия, забери меня отсюда! Куда угодно, хоть в берлогу к медведю, хоть на дно морское, только бы не видеть свидетелей моего позора! Ведь теперь вся Академия знает, что я распутница!

— Верита, что с вами, что случилось? — какой-то смутно знакомый голос пробился в мое сознание, а чьи-то крепкие пальцы попытались отнять ладони от лица. До меня дошло, что я уже какое-то время сижу на твердой поверхности и слегка раскачиваюсь всем телом взад-вперед. — Верита, пожалуйста, дайте мне посмотреть. У вас что-то болит? — настойчиво продолжал невидимый мужчина. — Верит Филипп, что случилось?

— Не знаю: мы вальсировали, вдруг девушка замерла прямо посреди танца. Я подумал, что она сейчас упадет в обморок, и вынес ее на воздух.

Быстрые шаги.

— Фея! Что с ней? — это уже голос Питера.

— Вы знакомы? Кто это?

— Феодоссия Ролло. Неофит.

— У нее раньше было что-то подобное?

— Мы знакомы всего неделю. Я такого не видел.

Я вдохнула поглубже и опустила руки. Что толку прятаться, от совести-то не скроешься.

— П… простите. Я не знаю, что со мной. Раньше со мной такого не случалось. Мне просто стало очень душно и страшно. Не знаю почему.

Передо мной на корточках сидел заведующий лечебницей, чуть в стороне стоял, скрестив руки на груди, мужчина в кроваво-красном костюме. Я боялась поднять взгляд, чтобы снова не утонуть в его темных, как сама ночь, глазах. Лекарь с явным облегчением во взоре принялся легонько поворачивать мое лицо туда-сюда:

— Паническая атака? Похоже! Магического воздействия не чувствую. Верит Филипп, да вы страшный человек! До полусмерти напугали бедную девочку! Тебе легче?

— Да, благодарю. Мы… мы просто дома в помещении не танцуем, вот и…

— Первый бал, нервы, да-да, я понимаю. — Верит Грэгори поднялся и ласково потрепал меня по плечу. — Тебе нужно немного посидеть спокойно, а потом в общежитие идти. На ночь хорошо бы попить настоя липового цвета или ромашки. У тебя есть?

— Да, спасибо вам. Простите меня.

— Ничего-ничего, милая, главное, что с тобой все хорошо. — Мужчина отвел Питера в сторонку и что-то ему жарко зашептал.

— С вами точно все в порядке? — подал голос мой ночной кошмар.

— Да, простите, я не хотела испортить вам вечер. — Только бы снова не отключиться, только бы не отключиться. Мама, мамочка, помоги мне, пожалуйста!

— Не беспокойтесь, верита Феодоссия, главное, поправляйтесь.

Ушел.

Рядом со мной на скамью опустился Питер.

— Что тебе лекарь говорил?

— Просил присмотреть за тобой. Гляди, какое небо ясное: все звезды как на ладони!

Я невольно подняла глаза и чуть опять не потеряла самообладание: небо, ночное небо, совсем как то, что плещется в глазах загадочного верита Филиппа. Мамочка, я умру! Не думать,

не думать, не думать. Зажмурила глаза покрепче.

— Извини, мне еще не совсем хорошо, я пока с закрытыми глазами посижу.

— Тебя кто-то напугал? — осторожно спросил парень.

— Нет, с чего ты взял? Мне просто стало дурно.

— Врачеватель говорил что-то… неважно.

— А как ты за нами так быстро выскочил? — спросила, чтоб только отвлечься от неудобной темы.

— Наблюдал за тобой, — невозмутимо бросил юноша, как будто это все объясняло.

— Зачем?

— Ты мне нравишься.

— Мы же едва знакомы.

— Познакомимся со временем.

Я не знала, что ответить, и мы просто молча сидели на лавочке, а к нашим ногам падали кленовые листья.

Когда я начала зябко ежиться, Питер накинул мне на плечи свой кафтан и, как маленькую, за ручку повел в общежитие. Я послушно переставляла ноги, но мыслями все время возвращалась к пожатию другой руки. Наваждение какое-то: до сих пор чувствую, как таинственный верит Филипп придерживает меня за талию! Не думать, не думать, не думать…

Меня доставили к самой двери, причем у спутника вид был такой, будто он предпочел бы меня на четвертый этаж затащить самолично. Но я нашла в себе силы улыбнуться и поблагодарить за заботу. Кажется, парня это немножко успокоило.

Добравшись до своей комнаты, я, не раздеваясь, плюхнулась на кровать и взмолилась Великой Веритассии с просьбой вразумить меня и направить! Первым побуждением было бросить все и бежать из Академии, пока меня не объявили гулящей девкой, но остановили мысли о сестрах и их порушенных приданых. Они все мне отдали, а если я вернусь вот так, это будет бессмысленная жертва. Не могу их подвести. Не могу. Нужно во что бы то ни стало остаться в столице.

Воспоминания о девочках отрезвили разгоряченную голову, и мысли побежали несколько пошустрее. Что произошло на самом деле: я почти отключилась во время танца. Меня вынесли во двор. Осмотрел лекарь. Проводил Питер. Никто не указывал мне на дурное поведение, все только переживали о моем самочувствии. Так, может, никто и не углядел ничего дурного? Скорее всего то, что мужчина поднял меня на руки, здесь в порядке вещей. Да и бессознательным состоянием можно отговориться. В круговерти танца точно никто ничего не разобрал. Верит Грэгори подошел позднее, я не слышала его голоса в первые мгновения. Питер…

Питер наблюдал за мной, но, опять же, в суете вряд ли упомнит все мои движения. Получалось, что единственный, кто мог заметить мой порыв, сам верит Филипп. Стыдно до одури, конечно, но вряд ли он побежит всем рассказывать, что какая-то припадочная его поцеловать пыталась. Сомнительная слава. Теперь, после размышлений, все выглядело не так ужасающе, как в первый момент. Просто появление незнакомца из сна во плоти меня совершенно подкосило. Кстати, а кто он? Для учащегося слишком взрослый, ему явно больше тридцати. Служащие не танцевали вроде, или я не заметила, да и одет он слишком шикарно для служителя. Получается, что магистр. Какую должность занимает — не знаю, но целых три седмицы в Академии я с ним ни разу не сталкивалась. Так, может, и дальше удастся избегать встреч? Но почему же он мне снился, когда мы еще даже и знакомы-то не были?

Почувствовав, что сейчас вновь ударюсь в панику, хорошенечко потрясла головой и пошла заваривать липовый цвет.

Не думать, не думать, не думать…

ГЛАВА 9
Рябинник

Прошло два дня. Никто не тыкал в меня пальцем, не слышалось шепотков за спиной, дверь дегтем не измазали. Я перевела дух.

Правда, о предмете моих переживаний я не решилась заговорить даже с Франческой. Боялась себя выдать. Соседка, конечно, знала, что мне стало дурно на балу, но кто меня вынес из зала, я не сказала. Отговорилась тем, что видела его лишь несколько мгновений, а потом потеряла сознание.

На вечер было назначено первое заседание литературного клуба, в котором могли принять участие все желающие. Мы с Чеккиной решили сходить: подруга писала стихи (великолепные, на мой взгляд), которые позднее превращала в песни, а я просто хотела как можно лучше изучить предмет за то время, что отведено мне провести в стенах Академии.

После обеда у меня лекций не было, и я направилась в торговые ряды: от усердия уже истратила все чернила. Весело пригревало солнышко, в ветвях чивикали пичужки, впервые за два дня я не испытывала тревоги. Пока пробиралась по торговому району, решила побаловать подружку на ночь рябиновым чаем. Дома небось девочки вовсю нагружают корзинки сочной ягодой, а матушка варит потрясающее горьковатое варенье. Как же я соскучилась по родне! Нет, мне безумно повезло с Франческой, но она ведь не знала меня так же, как Дора. Сестричке я бы могла рассказать все-все, и она бы поняла меня. Наверное, Доре я бы даже про желание поцеловать незнакомца смогла рассказать. Так, стоп, не думать!

Отогнав непрошеные мысли, грозившие испортить настроение, я зашла в лавку. Милый юноша за прилавком споро завернул в кулек несколько баночек чернил, отвесив мне попутно пару комплиментов. Пустячок, а приятно. Я еще не научилась так царственно принимать мелкие знаки внимания, как Франческа, но уже и яркой краской не заливалась от любой безделицы. Даже улыбнулась сидельцу.

За дверь выпорхнула, все еще сияя улыбкой. И тут меня скрутил такой резкий приступ боли в животе, что покупка выскользнула из рук, а сама я брякнулась на колени прямо посреди улицы. Едва дыша, услышала возглас:

— Верита Феодоссия! — Но голову поднять не смогла, неудержимо заваливаясь на бок.

Сильные руки обхватили мои плечи, мешая окончательно растянуться на земле. Я мазнула взглядом по лицу мужчины с глазами цвета ночного неба и провалилась в благословенное забытье. Последнее, что успела отметить гаснущим сознанием: женская фигура в черно-золотом платье, стоящая рядом с веритом Филиппом.

Темно. Боли уже не чувствую. Только слабость. Ужасную слабость, даже глаза открыть толком не получается. Веки лишь чуть-чуть подрагивают и смыкаются вновь. Капает вода. Противный звук. Раздражает. Голоса. Вроде мужские. Приглушенно, словно из-за стены. Капель отвлекает, но смутно разбираю слова.

— Практически уверен, что использовали мощный артефакт направленного действия. Скорее всего даже не маг использовал, иначе хоть малейший след бы остался. Ты точно ничего странного не заметил до активации?

— Я не врачеватель, Ансельм, и не артефактор. В первый момент мне даже не пришла мысль о нападении. Я думал, что девочке опять дурно. Грэг рассказал о случившемся на балу?

— Да, и клянется, что в прошлый раз магического вмешательства не было. Хотя ты и тогда был в эпицентре событий.

— На что-то намекаешь?

— Даже открытым текстом говорю: на мой взгляд, мишенью был ты.

— Это глупо, Анс: я был с Бриандой. Даже если бы меня сумели ранить, она успела бы перенести нас в Академию.

— Ранить? Очнись, Фил! Если эта пакость была настроена персонально на тебя, Брианда перенесла бы сюда твой тепленький труп!

— Не горячись — девочка выжила.

— И это самое непонятное во всей истории! У нее все контуры, кроме физического, не просто нарушены — взорваны! На ме-е-еленькие такие лоскутики. По идее, она должна была упасть уже мертвой. Я вижу только одно разумное объяснение: тонкая настройка на другого человека, а девочка просто умудрилась попасть под удар вместо намеченной жертвы. Нет, есть еще, конечно, крошечная вероятность, что потенциально этот ребенок сильнее всей верхушки Академии вместе взятой, но давай смотреть на вещи трезво.

— Есть и третий вариант: она — женщина, и она разбирается в травах.

— Это первое, о чем я подумал, узнав об инциденте в лавке

Ковеля. Мерзкий таракан подозрительно быстро потерял голову. Знаешь, что она мне ответила на вопрос, кто учил ее травничеству? Держись крепко, а то упадешь: леший!

Свист.

— Однако!

— Вот и я о том же! Там, похоже, вся семейка живет на попечении местных низших. Но архивистов я уже озадачил. Ладно, вернемся к нашим баранам: много магов было вокруг в момент нападения?

— Вокруг нас вообще никого не было: люди виднелись только в середине ряда. Да и девочка появилась в последний момент, она вышла из лавки, в которую мы хотели зайти.

— Тогда у нас три возможных жертвы: девчонка-неофит, Брианда и ты. Девочка миленькая, но использовать против нее оружие, которое сумело бы пробить даже защиту Дайлера, это все равно что стрелять из пушки по воробьям. К тому же ты сам сказал, что она неожиданно вышла из лавки. Брианда всего лишь художник. Да, очень талантливый, пожалуй, лучший в Веритерре, но, прости, Фил, в ее случае поводом для устранения могли стать только бытовые причины: ревность или зависть. Для такого банального варианта слишком тяжелая артиллерия. А вот с тобой, друг мой, все сложнее… Почему ты отказался принять мантию декана?

— А оно мне надо?

— Фил, Дайлер стар, и ты мог бы…

— Такое счастье мне тем более не нужно! Анс, я отлично себя чувствую на своем месте: красиво, климат хороший, кормят вкусно, Брианда рядом… Что еще надо уставшему человеку?

— Устал он…

Скрип. Такой громкий, словно над самым ухом. Капель и голоса тут же пропали. Зато раздался возглас:

— Она пришла в себя!

Глаза сами собой распахнулись. И вовсе даже не темно: белый потолок, зеленые стены, встревоженное лицо заведующего лечебницей.

— Как ты, детка?

— Не знаю, — просипела и закашлялась.

— Попей-ка скорей! — Меня подпихнули под плечи, помогая опереться на подушку, и сунули под нос кружку.

Скрипнула дверь. На этот раз негромко. В комнатушку вошли верит Дорэ и мой кошмар. Теперь уже, видимо, не только ночной.

— Верита Ролло, как вы себя чувствуете?

— Уже не больно.

— Рад слышать! Вы можете кратко пояснить, что произошло в

лавке, и мы оставим вас набираться сил?

— Я чернила купила. Вышла. Стало больно. В животе. Упала. Все.

— В лавке, кроме вас, был кто-нибудь?

— Торговец. Молоденький юноша.

— Больше никого?

— Нет.

— Благодарю вас, верита Ролло! Поправляйтесь скорей!

И они ушли. Зачем верит Филипп заходил, я так и не поняла, он все время молчал.

Верит Грэгори осторожно помог мне улечься обратно и тоже вышел, погасив свет. Сразу захотелось спать.

Когда смеживала веки, в комнате что-то засветилось, но открыть глаза уже не было сил. До того, как заснуть, успела услышать скрипучий голос, прокаркавший мне в ухо:

— Все слышала, девочка? Не покидай Академию и будешь цела. Запомни: ни под каким предлогом не покидай Академию!

ГЛАВА 10
Сытник

Из лечебницы меня выпустили спустя три дня, но только потому, что я слезно умоляла верита Грэгори. Он, конечно, цокал языком и призывал меня полежать под присмотром хотя бы недельку, но чувствовала я себя уже вполне сносно. Слабость прошла, хотя какое-то непонятное ощущение неправильности все же присутствовало. Я даже себе эту странность объяснить не могла: нигде ничего не болит, никаких конкретных жалоб, но все время кажется, что на мне одежды нет. То есть я ее вижу, чувствую, но при этом будто голая. Может, с ума схожу? И голос этот непонятный в первый день: то ли он мне приснился, то ли правда был кто-то, поди теперь разбери!

Я бы созналась в своих странных ощущениях, презрев стыд, но тогда непонятно, на сколько бы меня еще заперли в лечебнице. А я и так пропустила столько занятий, что неделю нагонять придется! Вот и попросила заведующего разрешить мне вернуться к учебе, ссылаясь на отличное самочувствие.

Напоследок верит Грэгори отвел меня в уже знакомый кабинет декана факультета Врачевания.

Верит Дорэ сперва тоже поуговаривал меня повременить с выпиской, но потом махнул рукой.

— Неофит Ролло, у вас был приступ острого аппендицита. Вам его купировали, но вы еще не полностью восстановились. Потому прошу себя беречь, какое-то время за пределы Академии не выходить, вдруг ваше состояние резко ухудшится, и носить вот этот амулет — он поможет регенерации клеток организма. Вам все ясно?

— Д-да, верит декан.

— Тогда надевайте!

Я послушно нацепила на шею небольшую подвеску с красным камушком.

— Носить под одеждой, неофит Ролло, он работает при соприкосновении с кожей.

Покладисто сунула амулет за пазуху.

— При малейшем ухудшении самочувствия немедленно в лечебницу, договорились?

— Да, верит декан.

— Ступайте!

Молча скользнула за дверь.

Аппендицит. И как это следует понимать? Либо верит Дорэ

соврал, либо тот разговор мне примерещился. Если соврал, то зачем? А если примерещился, значит ли это, что и скрипучий голос примерещился тоже? Как все сложно!

Пока брела в сторону общежития, старалась как можно подробнее вспомнить все детали подслушанной беседы, найти хоть что-нибудь, позволяющее отделить ложь от истины.

— Оклемалась, девонька? — приветствовала меня кастелянша.

— Да, верита Гурдан, благодарю вас!

— Вот и ладно! А чего с тобой было-то? Ты ж здоровая бегала?

— Аппендицит, верита Гурдан.

— Пендицит? Это чего такое-то?

— Это когда живот сильно болит.

— Понапридумают же! Пендицит, скажи пожалуйста! — покачала головой кастелянша.

А в комнате на меня налетел небольшой ураган:

— Фея, Феечка, а мне сказали, что ты неделю лежать будешь! Как ты?

— Хорошо уже, только велели себя беречь и из Академии пока не отлучаться. На всякий случай.

— Садись. — Франческа немедленно усадила меня на стул. — А мы к тебе каждый день ходили, но нас не пускали: я — перед ужином, а Питер твой по утрам. Говорили, что ты спишь почти все время. Тебе опять плохо стало, да? Как на балу?

— У меня аппендицит был — это когда живот сильно болит.

— Ой, бедная! Но уже точно все прошло? Ты немножко пришибленная какая-то…

— Прошло, Чеккина, прошло, просто я еще не совсем восстановилась. — Глаза подруги светились таким участием, что я поднялась и обняла ее. — Все хорошо, правда, не волнуйся.

— Ой, чудесно! Слушай, тогда открывай скорей коробку! Я вокруг нее уже два дня хожу! Почему ты не говорила, что знакома с Бриандой Азеведо?

— С кем? — Наверное, если бы Франческа в меня плюнула, я удивилась бы меньше.

— С художницей Бриандой Азеведо! Ее картины пользуются бешеной популярностью!

— Но я с ней не знакома!

— Да? А почему же тогда она дарит тебе подарки? — Подруга указала на мой стол. Там действительно лежала довольно объемная коробка.

— А ты уверена, что это именно мне?

— Конечно, она мне сама его вручила, чтобы я передала тебе.

— Чеккина, это какая-то ошибка, — медленно проговорила я, стараясь разогнать путающиеся мысли. — Я не знаю эту художницу, так с чего бы ей делать мне подарок? Она тебе это дала и сказала передать кому? Феодоссии Ролло?

— Да! То есть нет… Она поймала меня на факультете и спросила, как меня зовут, а потом дала коробку и велела передать… соседке. Да, точно, соседке!

— Все равно это ошибка.

— Фея, ну какая тут может быть ошибка? У меня только одна соседка, — всплеснула руками подруга.

— Не знаю, может, она видела тебя с кем-нибудь на занятиях или вообще перепутала имя и ей была нужна другая Франческа…

— Ты хоть в коробку загляни! Может, там записка есть?

Этот довод показался мне разумным, хотя до коробки все равно было боязно дотрагиваться. Но разобраться-то надо, пришлось открывать.

Внутри оказался письменный набор: бювар, чернильница, перья, бутылочки чернил и еще какие-то мелочи, я не стала копаться. Никакой записки не было.

— Нет, слушай, это все же ошибка! Надо вернуть. Ты не знаешь, где можно найти эту Брианду?

— В мастерской, наверное, — неуверенно протянула подруга.

— Поможешь?

Мастерская художников располагалась в мансарде факультета Искусства. Огромные окна, проделанные прямо в крыше, в дневное время наверняка заливали помещение потоками солнечного света. Но сейчас сквозь них проглядывало лишь ночное небо. Я отвела глаза, боясь вспоминать обстоятельства, при которых в последний раз любовалась звездами.

Часть комнаты была освещена при помощи небольших светильников. Здесь стояли какие-то здоровенные штуки, прикрытые тряпками. Около одной из таких конструкций сидела на стульчике девушка в заляпанной разноцветными пятнами мантии мастера Истины и задумчиво покусывала кончик кисти. Кажется, она даже не заметила нашего появления.

— Брианда! — негромко окликнула ее Чеккина.

— Да-да, — отозвалась истинница и отложила кисточку. Потом она обернулась к нам, и задумчивость схлынула с ее лица, сменившись каким-то диким восторгом. — Ты! — вскрикнула художница, указав на меня пальцем. — Ты выздоровела! Чудесно!

В два шага странная девушка преодолела разделявшее нас расстояние, схватила меня за руку и решительно потащила куда-то вглубь мансарды.

— Свет! — скомандовала она, и я тут же зажмурилась из-за резанувших по глазам ослепительных лучей.

— Положи это! Положи, положи! — Кажется, Брианде яркое освещение было нипочем. Она настойчиво указывала на коробку, в которую я судорожно вцепилась. — Да положи уже куда-нибудь! — гневно воскликнула девушка.

Я осторожно водрузила ношу на ближайший стульчик.

— Встань тут! Хо-ро-шо! — удовлетворенно провозгласила странная особа, оглядывая меня с головы до пят.

Я тоже наконец-то смогла рассмотреть ее хорошенько. Худощавая, с порывистыми нервными движениями, длинноватым носом и черными бровями, резко контрастирующими с медовым цветом волос. Она была не столь красива, как Франческа, зато так ровно держала спину, так гордо несла голову, украшенную высокой прической из мелких завитушек, что казалась величественней и внушительней моей подруги.

Меж тем художница накинула мне на плечо кусок изумрудно-зеленого бархата и неожиданно заурчала, будто кошка.

— Отлично даже! Будешь мне позировать!

— Что? — Вынуждена признать, вопрос прозвучал грубовато. Нет, я не хотела грубить, просто не привыкла, когда меня так бесцеремонно тормошат и дергают.

— О, с характером! Да просто вообще чудесно! Стой так, не шевелись! — Девушка цапнула в одну руку дощечку, в другую — палочку и начала что-то черкать, поглядывая на меня.

— Верита Брианда, — попыталась я перейти к сути дела.

— Нет. Брианда, — остановила меня истинница.

— Ч-что? — Я сбилась, запуталась и моментально растеряла весь запал.

— Просто Брианда, без всяких «верит». А тебя как звать?

— Фе-феодоссия Ролло.

— Что, прям вот так и обращаться? — Девушка скептически изогнула бровь.

— Можно просто Фея.

— Отлично! Красивое имя. И ты тоже красивая — вы подходите друг другу.

— С кем?

— С именем!

«Кто-то из нас точно сошел с ума», — подумала я и снова попыталась заговорить о деле:

— Вер… Брианда, вы передали моей подруге письменный набор для меня?

— Набор? Какой набор? А, да, был набор. Тебе не понравился?

— Нет. То есть… нет… то есть дело не в этом… Набор красивый!

— Так отлично, бери и пользуйся!

— Но, вер… Брианда, у меня нет таких денег!

— А разве я просила у тебя денег? Это подарок, их дарят бесплатно!

— Но я не могу его принять!

— Почему? — Девушка даже черкать по дощечке перестала. У меня появилось ощущение, что я опять сморозила какую-то глупость.

— Вериты, добрый вечер! — Прозвучавший у меня за спиной голос заставил похолодеть и съежиться.

— Нет, стой ровно! — повелительно выкрикнула художница.

— Милая, ты припозднилась сама и заставляешь мучиться девушек, а верита Феодоссия только что из лечебницы. — Мой персональный кошмар подошел к Брианде, обнял ее за плечи и ласково поцеловал в подставленную щечку.

— Ну да, нехорошо вышло, — признала блондиночка, вздохнув. — Я увлеклась. Но ты представляешь, Фее не понравился набор для письма! — посетовала она, откладывая дощечку.

— Нет, что вы, набор замечательный! — попыталась возразить я.

— Тогда почему ты принесла его обратно? — Оказывается, девушка узнала коробку.

— Но я же не могу его принять, — простонала я, совершенно вымотанная этим малопонятным диалогом.

— Это я уже слышала! Но почему?

— Ну, как же… вот просто взять и принять от совершенно незнакомого человека? Безо всякого повода?

— Мы с тобой уже познакомились! А повод… разве для подарка нужен какой-то конкретный повод? Просто ты уронила чернила, когда потеряла сознание, а я подумала, что после лечебницы тебе они опять понадобятся, вот и все. Заодно захватила другие принадлежности для письма. А ты пришла сюда с таким лицом, как будто я тебе что-то дурное сделала.

— Нет, что вы, ничего дурного!

— Правда? — Брианда подхватила досочку и сунула мне. На ней оказался закреплен лист бумаги с рисунком. У девушки с рисунка, очень похожей на меня, был такой насупленный вид, как будто ее оскорбили в лучших чувствах.

Я залилась краской стыда. И почему я вечно чувствую себя такой непроходимой дурой?!

— Извините, это не то, что вы подумали, я просто…

— Да ладно, все ерунда, но я так и не поняла, ты позировать-то мне будешь?

До утра я не могла уснуть, раздумывая обо всех странностях этого дня. С одной стороны, верит Дорэ меня обманул. С другой стороны, Брианда наглядно продемонстрировала, что наши поступки не всегда выглядят тем, чем являются на самом деле. С третьей стороны, мне было дико больно видеть, как мужчина с глазами цвета ночного неба обнимает художницу. С четвертой стороны, она мне понравилась. Да, Брианда странная, но она прекрасна. И что мне со всем этим делать, совершенно непонятно…

ГЛАВА 11
Журавлиное вече

Короткий сон не принес отдохновения ни душе, ни телу. Я все еще чувствовала себя обнаженной и незащищенной, но хотя бы начала догадываться, что это состояние как-то связано со «взорванными контурами», чем бы они там ни были. Спасибо, Великая Веритассия, что хоть с ума не схожу! Тем не менее раздрай в голове царил полнейший: кому верить? Что происходит? Как себя вести? И, главное, как на учебе сосредоточиться, когда мысли всякие одолевают, одна другой поганей?

Вот, взять, к примеру, амулет: носить его или лучше снять? Солгавший единожды в любой момент решиться на ложь способен, это мне с детства матушка твердила. Может, амулет-то не для выздоровления нужен? А для чего? Убить? Так вериту Дорэ меня проще было прям в лечебнице и опоить мухоморами какими-нибудь, кто бы там разобрал, от чего я окочурилась. Опять же, пойди пойми, для чего декан лгал, я вот тоже всем твержу про аппендицит, хотя с самого начала сомневалась. Это что же получается, я тоже погрязла во лжи?

Мамочка, как же дома просто было: то — белое, а это — черное, там — ложь, а тут — истина. А здесь все вперемешку, все какое-то серое…

Тут в окошко кто-то настойчиво постучал. Я спервоначала даже не поняла, что за звук, а потом гляжу: синичка прыгает по карнизу и клювиком по раме долбит. Голодная, видать. Мы с Чеккиной завели привычку брать с ужина немного печева в комнату, чтобы чаи гонять было повеселее. Правда, вчерашнее уже съели, но блюдца помыть еще не успели. Я все крошечки в горсть и сгребла. Оконце открывать не стала, чтоб не спугнуть, в форточку вытряхнула поаккуратней. А пичуга и рада — клюет. Вот же, такая невеличка, а даже самой малости в жизни радуется! А я, дуреха здоровая, все нюни распускаю!

Чтобы отвлечься, завела детскую припевочку. Мы с младшими ее всегда пели, когда синичек видели:

Птичка-синичка,
Заря-заряничка,
Как по воду…

И тут меня как водой из ушата окатило: вот балда-то! У меня же есть обережная птица! Пусть она мне досталась не совсем по праву, но ведь Великая Веритассия признала работу Семена… Хуже-то уж точно быть не должно. Подхватилась, да к саквояжу. Достала птицу и в очередной раз залюбовалась красотой подарка. Крылышки будто трепещут, а уж как переливаются огненные сполохи по грудке, век бы глядеть и не отрываться!

Пришедшая из мыльни Франческа застала меня за трепетным поглаживанием перышек заряницы:

— Ничего себе! Это то, о чем я подумала? И ты не рассказала? — напустилась соседка, пожирая глазами мое чудо.

— Ой, Чеккина, это не совсем то… даже совсем не то, а рассказывать долго. Давай вечером поговорим, хорошо, иначе к завтраку опоздаем? И ты не будешь против, если я ее у входа подвешу?

— Я, конечно, буду только за — красотища же невозможная! Но вечером ты мне расскажешь все подробно, с самыми маленькими, даже малюсенькими деталями! Иначе я тебя всю ночь щекотать буду, вот!

— Хорошо, — улыбнулась я. Чеккина, наверное, и мертвого развеселит.

— А скажи-ка мне, красавица, — многозначительно глядя на меня, временно водружающую птицу на стол, осведомилась подруга, — а Питер твой об этом знает?

— Нет, не знает. И вообще, какое ему дело?

— Ой, не ска-а-ажи! — пропела Франческа, забавно морща носик. — Сдается мне, ему о-го-го какое дело!

А Питер тут как тут, легок на помине! Стоило выйти из подъезда, как эта громадина ринулась прямо на нас. Сперва показалось, что он хотел меня схватить в охапку, но то ли ошиблась, то ли богатырь передумал. Вместо этого парень аккуратно взял мою руку и поцеловал. Я все равно смутилась, хотя и не так сильно, как на празднике Приветствия.

— А мне? — немедленно заявила Франческа, картинно протягивая Питеру руку. Блондин не растерялся, облапил кисть девушки обеими ладонями и энергично встряхнул.

— Медведь! — фыркнула Чеккина, выдирая длань. — А ты что, уже в лечебницу сбегать успел?

— Сама догадалась, или кто подсказал? — наконец-то открыл рот парень.

— Ой-ой-ой, какие мы дерзкие! Веришь, нет, это он заставлял меня каждый вечер перед ужином ходить узнавать новости. А будь моя воля, я бы тебя там навсегда бросила! И жила бы как либерьянская принцесса — с двумя шкафами! И оба — в моем

полном распоряжении! — гордо заявила соседка.

— Не слушай ее, она шутит, — пояснила я Питеру.

— Я догадался, — спокойно заметил юноша, а потом взял меня за руку и повел к столовой. Я сперва хотела отнять ладошку, но не хотелось обижать человека. А у Питера пальцы были крепкие и сильные. И мне вдруг даже приятно стало вот так идти с ним за руку. От него как будто веяло мощью и уверенностью. И теплом. И в этом тепле мне становилось спокойнее. И даже уже не так больно было вспоминать, как мужчина с глазами цвета ночного неба обнимает девушку с волосами цвета меда. И вообще лучше о нем не вспоминать. Ни к чему. Сон это, просто сон.

ГЛАВА 12
Первая братчина

Могла и не ломать себе голову, как сосредоточиться на учебе, гораздо актуальнее оказалась другая проблема: как от этой учебы хоть на минуту отвлечься? Неделю я, не отрываясь, писала, читала, отрабатывала шаги паваны, заучивала названия столовых приборов, и даже во сне мне начали являться танцующие вилки.

А накануне братчины Франческа таинственным голосом сообщила, что завтра меня ждет сюрприз: в город прибудут ее братья, и она непременно должна нас познакомить. Заодно и день рождения отпразднуем. Я даже не сразу поняла, о чьем рождении идет речь. Оказалось, что подруге исполняется девятнадцать. Я очень хотела пойти с ней, но вспомнила наказ верита Дорэ, а пуще того — скрипучий голос, нашептывавший мне в лечебнице… Как же быть? И именинницу обижать не хочется, и ослушаться боязно…

Поутру встала пораньше, тихонько, стараясь не шуметь, вынула из саквояжа самую красивую ленту кружева: широкую, со снежинками. Как раз должно было хватить на оторочку воротника какого-либо из красивых платьев Франчески. Заварила любимый чай подружки: с сушеными ягодками малины и черники. Жаль, что не могу подарить чего-нибудь посущественнее, но у меня просто не было ничего подходящего, а денег не хватило бы на достойное подношение.

Когда Чеккина проснулась, я первым делом расцеловала девушку в обе щеки:

— С праздником, милая! Пусть Великая Веритассия будет к тебе благосклонна! Желаю тебе, чтобы твой дар помог с блеском окончить Академию и стать самой известной певицей во всем мире! Ты — чудесная и достойна всего самого лучшего! Прости, мой подарок скромный, но от всего сердца, прими его на добрую память! Мне кажется, тебе очень пойдет.

Чеккина бережно перехватила из моих рук хоровод снежинок, с восторгом посмотрела на просвет, а потом враз посерьезнела:

— Спасибо огромное, но, Фея, не обижайся, с твоих слов я поняла, что ваша семья не очень богата…

— Да говори уж прямо — мы совсем и не богаты, — грустно улыбнулась в ответ. — Я знаю, это кружево — мелочь, но…

Соседка решительно схватила меня за руки:

— Нет, ты не поняла! Это прекрасный подарок, но я не могу пользоваться твоим заблуждением! Ты вообще заходила хоть раз

в модную лавку?

— На что мне? У меня есть одежда.

— Вот если бы хоть раз зашла, то знала бы, что такая тонкая и качественная работа стоит огромных денег. Я не могу сказать точно, но за такой длинный отрез кружева пришлось бы заплатить золотой, если не два!

— Да быть такого не может, ты что-то путаешь! Это же простые нитки, не золотые и не серебряные!

— Фея, я тебя люблю, но иногда с тобой совершенно невозможно разговаривать! Я тебе про качество работы, а ты мне про стоимость материалов!

— Ты надо мной подшучиваешь? — все еще неверяще уточнила я. В столице что, совсем денег девать некуда, раз у них тут за пучочек травки серебрушку дерут, а за клочок кружева — два золотых?

— Я серьезна, как никогда, — это очень дорогой подарок, и принять его с моей стороны будет просто нечестно!

— Нет, тем более возьми! Я так волновалась, что тебе совсем простую вещь дарю! Возьми-возьми! Если надо будет, я еще сплету.

— Спасибо! — Девушка кинулась мне на шею. — Мне очень-очень понравилось! Оно такое чудесное! А ты еще лучше!

Мне было неприятно огорчать подругу, но тянуть будет хуже, лучше уж сразу сказать:

— Только, Чеккина, не обижайся, я с тобой сегодня не смогу в город пойти…

— Да ну тебя! — скорчила рожицу девушка. — Почему ты не хочешь сходить с нами развеяться? Мои братцы, конечно, те еще заразы, но с ними весело! И не обидит никто.

— Я уверена, что твои братья замечательные, но мне лекари запретили пока из Академии уходить. Прости меня. Хочешь, я тебе лично, на какой скажешь узор, кружево сплету, только не сердись!

— Ла-а-адно, — милостиво заявила Франческа, — но только потому, что ты умеешь делать такие замечательные штучки, имей в виду! — Девушка показала мне язык. — Я тогда до утра в городе останусь, вот. Тебе, так и быть, что-нибудь вкусненькое принесу, надо же хоть чем-то себя баловать, заучка!

— Конечно, милая, повеселись там за нас обеих!

Вечером без Чеккины оказалось немного скучновато. Я успела привыкнуть к постоянному звуку перебираемых струн и бормотанию этой шебутной девушки. От чтения уже устали глаза, да и подвигаться хотелось. Глянув на часы, поняла, что до

закрытия общежития еще есть время и можно немного погулять у реки. Да, уже совсем стемнело, но тут же не лес: медведей нет, дорожки хорошо видны, чего бояться?

У воды сразу стало легче: усталость отпустила. Напитанный влагой стылый воздух приятно холодил лицо. Поплотнее завернувшись в мантию, присела прямо на травку. Да, долго на сырой земле лучше не сидеть, но я ж немножко.

Мысли сразу унеслись к дому: как-то там девочки? Наверное, гадают с важным видом. Нынче как раз на суженого гадать хорошо. Я бы тоже попробовала, но у меня ни свечек, ни сковороды нету. И заборы тут, как назло, каменные. Перебрав в уме все варианты, вспомнила, наконец, подходящий к случаю. Это не особо точное гадание, только укажет, далеко ли замуж выйду и в какую сторонку.

Устроилась поудобнее и затянула:

— Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок, где собаченька залает…

И тут у меня над головой засветился махонький шарик.

— Верита Феодоссия, вы отдаете себе отчет, что уже практически ночь? Вы что здесь делаете в такое время в полном одиночестве?

Вот тебе и погадала! Похолодев, искоса взглянула на героя моих кошмаров. И что ему ответить? Не скажешь же, мол, суженого выслушиваю.

— Так, поднимайтесь! — требовательно заявил мужчина, протягивая руку. Пришлось подчиниться.

Но как только я коснулась пальцев верита Филиппа, меня словно молнией в маковку стукнуло. Ощущение было, будто дух выбило, и он со стороны злорадненько так наблюдает, как безвольное тело встает с земли, делает шаг… А потом мои ладошки сами скользнули на грудь мужчины, я приподнялась на цыпочки, крепко зажмурилась и прижалась губами к его губам.

Длился поцелуй недолго, по-моему, магистр от меня просто отстранился, но не уверена. Глаза открыла, уже услышав вопрос:

— Вы что, пьяны?

Выглядел верит Филипп озадаченным. Я мотнула головой и потянулась к нему снова. Тут глаза мужчины сузились, и он злобно прошипел:

— Лживая тьма! Только этого не хватало!

Окружающий мир тут же изменился: мы оказались в комнате, заполненной книжными шкафами не меньше, нежели кабинет декана Дорэ. Только здесь еще были большие кресла.

— Сидеть! — странным голосом приказал верит Филипп, подтолкнув меня к одному из них. Мне такое обращение не

понравилось, но ослушаться почему-то не смогла, колени просто взяли и подогнулись.

Мужчина отошел вглубь комнаты, позвенел там чем-то, а вернувшись, сунул мне стаканчик с темной жидкостью, резко пахнущей спиртом и деревом.

— Пей! — Не хотелось совершенно, но опять не смогла отказаться. Глотнула и задохнулась. Противно, горько, горло дерет!

Стакан из руки куда-то делся, а из-за спины донесся голос: негромкий, приятный, тягучий, ни слова не разобрать, а словно мед в уши льется. И такое тепло по телу пошло, аж глаза закрылись. И стало мне хорошо. И увидела я, словно наяву, лес наш, и родник, и березку свою любимую…

Очнулась внезапно, словно в бок кто пихнул. Лежу. Темно. Запах знакомый… Я что, опять в лечебнице? Не помню, как здесь оказалась. Вроде на суженого гадала… Голоса. Опять? В этот раз капели нет, и один голос слышен отчетливо, а вот второй — глухо.

— Нет, ты можешь мне объяснить, зачем ты это сделал?

— Могу, но не хочу.

— А вот я хочу! Я очень хочу понять, что должно было произойти, чтобы ты вбухал добрую половину сил в такой сложный блок!

— Блок проще и грубее мог помешать восстановлению.

— Вот как раз это даже я понимаю! Я не понимаю, зачем ты вообще тратишь силы на такую филигранную работу?

— А что: вдруг война, а я уставший?

— Идиот! Мы до сих пор не нашли и следа того клятого артефакта, откуда ждать удара — непонятно, а ты спокойно тратишь силы на ерунду!

— Ты взволнован, так что «идиота», так и быть, прощаю.

— Спасибо! Очень утешил! Вот почему ты не можешь, как нормальный человек, спокойно посидеть дома, пока мы во всем разберемся? Почему ты вечно в гуще событий и вечно рядом эта пигалица? Что с ней на этот раз стряслось? Молчишь?.. Замечательно!

— Не мельтеши. Сядь и успокойся.

— Я не могу успокоиться! Это не неофит — это головная боль с косичкой! Я готов отстоять три службы в Храме, только бы это ходячее несчастье не попало на факультет Врачевания!

— Совсем недавно ты утверждал, что она спасла мне жизнь.

— Да! А перед этим ты ее довел до панической атаки, а теперь… Ты!

Непонятный глухой звук.

— Ее все-таки замкнуло! А я-то удивлялся! И, конечно же, замкнуло на тебе: ты вечно маячил рядом в момент душевных потрясений!

— Ты такой догадливый, мне прям страшно! Может, тебе в жрецы податься?

— И что же все-таки случилось? Неужели эта мормышка в вороньих тряпках покушалась на твою невинность?

— По-моему, тебе давно не ломали нос, он у тебя очень длинный.

— Согласен, это было грубо. Но ты не находишь, что выбрал самый сложный и трудозатратный путь решения проблемы?

— Полагаешь, следовало воспользоваться ситуацией? А через пару недель девочка восстановится, осознает случившееся и с горя побежит топиться? Спасибо, я как-нибудь проживу без этого камня на совести.

— Было бы с чего топиться!

— Тебе — не с чего, а в традиционалистских общинах подобное называется «позором на всю жизнь», «несмываемым пятном» и прочими пафосными словесами. И никого не будет волновать, что она пребывала не в себе.

— А она тебе нравится.

— А тебе нет? Ее самое постыдное и, заметь, подавляемое желание настолько естественно и невинно… Знаешь, у меня бы даже в восемнадцать лет были куда более интересные варианты. Редко встречается настолько чистая душа. Как-то нет желания топтаться по ней грязными сапогами.

— Ты такой благородный, аж противно! Придушить тебя, что ли, чтоб не мучился?

— Я тебя тоже люблю, мой сладкий!

— Да иди ты!

— Анс, прекращай строить из себя большего мерзавца, чем есть на самом деле! Уверен, ты бы ее тоже не тронул.

— Я? Да я ее своими руками утопить готов, лишь бы ты глупости перестал делать! Ну, ничего, она у меня отсюда месяц не выйдет, пока полностью не восстановится!

— И чего ты этим добьешься? Исключения после первой же сессии?

— Скатертью дорога! Меньше проблем будет в Академии.

— Мне кажется, что в заботе о моем благополучии ты упустил из виду самую интересную деталь данной головоломки…

— Просвети же меня, о мой мудрый друг!

— У девочки должен быть хотя бы один неповрежденный контур помимо физического.

— Ты в чьей квалификации сомневаешься: моей или Грэга?

— А вы с Грэгом часто наблюдали все девять контуров одновременно?

— Восемь!.. Тьма!

— Сам посуди: если бы были уничтожены все магические контуры, она бы потеряла голову сразу. Однако девочка смогла контролировать себя десять дней. Опять же это объясняет, почему она выжила при нападении. Так что мишенью вполне мог быть и не я.

— И что ты предлагаешь?

— Посижу пару недель дома, как ты и хотел. Не будет меня видеть — не потеряет контроль. Прошедший вечер она не вспомнит. Сделай вид, будто она в обморок упала, и все будет хорошо.

— Хоть теперь скажи мне, зачем ты возился с этим блоком? Ну, наорал бы на нее, пристыдил, гадостей бы наговорил, не знаю…

— И она бы наутро сама себя съела, обвинив во всех грехах этого мира? Анс, ты зверюга!

— Ой, дурак, как бы тебе твоя жалость к этой девице боком не вышла! Ладно, твое дело! Про контур как выяснять будем?

— Может, обратиться к…

Голоса пропали.

Стыд жег грудь и щеки. По вискам стекали слезы, заливаясь в уши. Только сейчас поняла, что до крови вгрызлась зубами в костяшку указательного пальца.

А в самое ухо просипели:

— Прятать голову в кусты — удел трусов и слабаков! А ты должна быть сильной, девочка! Ты должна сознавать свои поступки: все, до единого! Только так не собьешься с пути.

Дернулась, стукнулась плечом о стену, потом сообразила хлопнуть в ладоши. Послушно зажегся свет, но в комнатушке никого не было.

ГЛАВА 13
Милостивец

Первые дни после братчины прошли, будто в тумане. Стыд клонил голову к земле и давил на плечи. Я совершенно не помнила, что именно умудрилась натворить, но, судя по подслушанному разговору, это было нечто непристойное. Ужасно боялась увидеть верита Филиппа или декана Дорэ, потому даже глаза лишний раз от пола не подымала. Если сильной быть так трудно, я бы предпочла всю жизнь прожить слабой.

А еще меня неожиданно задели слова про мормышку в вороньих тряпках. Я и впрямь все время ходила в одном и том же черном платье, но оно ведь чистое и немаркое. А остальные светлые и нарядные, их жалко трепать попусту. Хотя, конечно, другие девочки часто меняли туалеты. И ведь матушка меня упреждала, что тут на одежду смотрят, а не на человека, а я думала — меня не коснется. А оно вон как оказывается. Поначалу даже хотела надеть вместо повседневного серое платьице с пуговками, да дожди зарядили, а месить грязь длинным светлым подолом мне показалось уж слишком расточительным. Так и осталась в черном. В конце концов, если тут мужчины только на платья смотрят, какие из них мужья-то? Может, ну его, такого мужа? Останусь лучше служить в Академии. Тем и утешилась.

Дни шли за днями, гнетущее чувство отступало, а с приходом ружня отпустило и ставшее уже привычным ощущение раздетости. Просто проснулась однажды и почуяла, что все стало как раньше, до непонятных контуров и артефактов. Наверное, это и было обещанное восстановление. Хотела вернуть лекарям амулет, но столкнуться нос к носу с деканом было слишком позорно, так и махнула рукой. Поношу еще, будь что будет.

Про контуры-то я пыталась разузнать, но библиотекарь так на меня зыркнула, будто я непотребное что спросила.

— Неофитам не положено изучать теорию магии! Займитесь своими непосредственными предметами, верита!

Вот и весь сказ.

А я и так целыми днями занималась, старательно отбрыкиваясь от бесконечных приставаний Брианды. Художница все уговаривала меня позировать, но я ссылалась на учебу. По правде говоря, мне перед нею тоже было стыдно: девушка отнеслась ко мне по-доброму, а я мало того, что сразу обидела, так еще и повела себя непристойно с ее женихом. Ну, может, и не женихом, тут разве разберешь, кто кому кем доводится, больно

нравы иные, но как ни называй, а ее сердечный друг. Оставалось только держаться от них от всех подальше.

Чеккина, правда, начала бурчать, будто я совсем осунулась и скоро загнусь над книгами, но я только качала головой на все предложения сходить развеяться. Хватит, нагулялась уже.

Зато усердная учеба принесла плоды: я попала в число неофитов, которым назначили небольшую стипендию за прилежание. Очень радовалась, что появилась возможность скопить немного на гостинцы. Еще я подумывала забежать в модную лавку и предложить им кружева, вдруг мое рукоделие и впрямь так высоко ценится, но пока еще не рисковала высунуть нос за ворота Академии.

А на милостивец был назначен праздник: День Веритерры. Именно в этот день полтора тысячелетия назад было образовано наше государство. По такому случаю полагалось рядиться в традиционные одежды и проводить ярмарки. Но в столице вместо ярмарок устраивали шествия и игрища.

Я не хотела идти на торжество: хотя мысли, занятые зубрежкой, все реже возвращались к вериту Филиппу и моей неясной выходке, все равно желания встречаться с ним или его друзьями не возникало. Но Чеккина обещала обидеться, если вечером я не приду на представление с ее участием, да и Питер звал поглядеть шествие. От него бы я отговорилась, но отказывать подруге в сущем пустяке было совсем негоже, так что пришлось скрепя сердце наряжаться.

Самым традиционным в моем гардеробе был шерстяной сарафанчик вощаного оттенка. К нему выбрала вышиванку с красными петушками да красно-белую опояску, на шею коралловые бусы в три ряда, а на голову повязала красную тесьму с колтами. Правда, Франческу мой наряд озадачил:

— А почему у тебя опять все закрыто по самую шею?

— Не знаю, милая, у нас гологрудыми не принято ходить. Наверное, потому что холоднее, чем здесь.

Чеккина обрядилась в развеселый пестренький сарафанчик в талию, с такой открытой сорочкой, что край исподнего почти скрывался под лифом. Как я потом убедилась, почти все девушки были одеты на тот же манер. Но даже если б у меня была подходящая рубаха, я бы просто не смогла так выйти на улицу. Наверное, меня опять сочтут вороной, только в этот раз — белой.

Погодка на праздник смилостивилась над людьми, и после затяжных дождей выглянуло ясное солнышко, но все одно было уже прохладно, так что я еще и шалочку накинула. Спасибо баушке Фене: мягонькая накидка получилась, словно матушка руками обнимает!

Питер гляделся настоящим красавцем в яркой красной одежке, отдаленно напоминающей ферязь. Он привычно поцеловал мне руку, и мы пошли смотреть гулянье.

Народу собралось — уймища! Выступали жонглеры, вертелись акробаты, странные полуголые мужчины пыхали огнем и засовывали через рот в чрево шпаги. Медведей, правда, не водили, но и без того вышло зрелищно. А на лужайке у реки устроили кучу игр с яблоками: тут надо было кусать подвешенные на ниточках фрукты, вылавливать их ртом из тазика с водой, танцевать с яблоками меж ладоней, носить плоды на голове и даже стрелять по ним. Видимо, в столице яблоки были праздничным кушаньем. У нас на милостивец, наоборот, мужчины отправлялись в лес, чтобы добыть зайцев. Считалось, что зайчатина на столе принесет благополучие в дом. Но с яблоками тоже оказалось весело!

А вечером пошли смотреть концерт. Тут-то мое везение и закончилось! Если за весь день не случилось ни единой неприятной встречи, то сейчас прямо на крыльце факультета Искусства мы наткнулись на Брианду с веритом Филиппом. Я только мазнула глазами по знакомой мужской фигуре, и вся кровь тут же бросилась к щекам. Посмотреть прямо на него я так и не осмелилась, даже с Бриандой говорила, потупившись.

— Красавица, ты совсем заучилась! — Художница сграбастала тонкими пальцами мой подбородок и слегка повертела лицо из стороны в сторону. — Щечки ввалились, румянец чахоточный! Не бережешь себя! Так и заболеть недолго!

— Спасибо за заботу, Брианда, у меня все хорошо, только уроков много. Приятного вам праздника!

— Смотри, мы с моей верной музой ждем тебя! — крикнула девушка мне в спину.

— Это он тебя обидел? — неожиданно шепнул Питер, склонившись к моему уху.

— С чего ты взял? Меня никто не обижал.

— Конечно. Поэтому ты три недели ходишь как в воду опущенная, — бросил юноша, но больше ничего не сказал.

Концерт был волшебным. Нет, не так! Он был божественным. Чарующие звуки благодатным дождем падали на мою истерзанную душу и смывали всю боль, всю грязь, все нечистое, что скопилось глубоко в сердце. Они дарили успокоение и ласку, надежду и радость. И даже обещали счастье. Я вышла из зала умиротворенная и впервые за много дней ни о чем не тревожащаяся. Потом мы с Питером немного погуляли по парку Академии, а когда возвращались в общежитие, он крепко обнял меня за плечи и выдохнул в ухо:

— Ты меня боишься, но я тебя не обижал. И не обижу.
И это так весомо прозвучало, что я как-то сразу ему поверила.

ГЛАВА 14
Овчары

Волшебная сила истинного Искусства оказалась столь велика, что все мои печали отступили, я сумела успокоиться и наконец-то задышала полной грудью. Даже не думала, что так себя извела, пока не почувствовала, какая тяжесть свалилась с души! Теперь учеба доставляла мне удовольствие, я успевала выполнить все задания гораздо быстрее и по вечерам даже выкраивала время на плетение кружев. От настойчивых приглашений Брианды, правда, все равно отнекивалась: очень не хотелось опять впасть в апатию при встрече с моим персональным кошмаром.

Шло время, наступил месяц листопад, а с ним пришел и День поминовения павших на войне. Даже мы на заимке старались на овчары помянуть наших давно ушедших предков и помолиться всей семьей Великой Веритассии, чтобы войны больше никогда не случилось. Службу мы посещали очень редко: ближайший Храм находился аж в уездном селе — Пеньковке. В столице, конечно, Храм был, но, занятая учебой, я все никак не успевала до него добраться. А нынче всем учащимся Академии полагалось посетить поминальную службу.

Ради такого дела я не пожалела своего самого шикарного наряда: белоснежный летник из камки переливался на свету — по матовому полотняному полю шел листвяный узор, образованный поблескивающим атласным переплетением нитей. Ева сделала к этому убору запястья, ожерелье и кокошник приятного цвета чая с молоком, а Сия — опоясочку в тон. С кокошника на плечи спадали рясны, на которые ушел весь наш запас жемчуга.

Когда я раскладывала эту роскошь на кровати, Франческа выронила из рук гребень:

— Великая Веритассия! И эта женщина утверждает, что ее семья небогата!

— Так здесь дорогого только камка да жемчуга, а остальное — лоскуточки бросовые. Это сестрица моя меньшая рукодельничает. Правда, здорово получается?

— Милая, это не просто здорово — это обалденно! Да ты, вообще, представляешь, сколько вы с сестрами можете зарабатывать на продаже своих изделий? Я вот даже не берусь предполагать, во сколько обойдется такая корона столичной моднице!

— Да ну какая же это корона, скажешь тоже! Это кокошник. Праздничный, конечно, но не из золота-брильянтов же.

Подруга устало прикрыла глаза рукой:

— Нет, я живу с ненормальной, это факт! Завтра же, ты слышишь, завтра же пойдем в торговые ряды: что-нибудь прихватишь для примера, приценишься, тогда и поговорим. Это же сумасшедшее богатство! До сих пор мне казалось, что такой сказочный костюм себе только придворные дамы могут позволить! Подожди, а ты что, ненакрашенной идти собираешься?

— Так Храм же, к чему там краска на лице?

— Горе ты мое! Волосы светлые, платье почти совсем белое, сольется же все! Обязательно надо выделить глазки поярче! Сядь к столу, я сама все сделаю, ты пока еще не умеешь толком. Будешь сегодня самая красивая!

— Спасибо, солнышко, а ты сама-то успеешь одеться-причесаться?

— А ну не мешай творческому процессу и не болтай под руку!

Все же Чеккина прирожденная волшебница: буквально за пятнадцать минут умудрилась сделать мне глаза огромными и яркими, да и цвет лица стал поприятнее.

Когда мы спустились на улицу, Питер, по своему обыкновению поджидавший нас у крыльца, даже не сразу меня узнал. Было так забавно наблюдать, как он, приметив Франческу, немедленно перевел взгляд на дверь, видимо, выглядывая меня.

— Ой, ты посмотри, не признал свою раскрасавицу! — немедленно начала издеваться над оплошавшим парнем подруга. — Что мы ему за это сделаем?

— Не знаю, — улыбнулась я. — Защекочем?

— Интересно, но опасно: он случайно локтем двинет, и нас с тобой обеих от ступенек отскребать придется! Надо придумать что-нибудь поковарнее…

— Ты… ты сегодня такая… — совершенно не обращая внимания на рассуждения Чеккины, произнес юноша, разглядывая меня, но умолк, не окончив фразы.

— Какая «такая»? Скажи уже девушке комплимент, я хочу это услышать! — продолжала измываться соседка.

— А у тебя в роду точно змей не было? — мрачно поинтересовался у нее Питер.

— Огнедышащие драконы считаются? — немедленно парировала Франческа.

Так, за шуточками и подначками, мы и не заметили, как добрались до Храма. Подруге почему-то очень нравилось дразнить богатыря, который лишь вяло отмахивался от ее нападок.

Храм Великой Веритассии возвышался над городом скоплением ажурных тонких башенок из белого камня.

Громадный и величественный, он в то же время выглядел легким и невесомым. На крыше, среди башенных скатов, была установлена огромная статуя богини. Казалось, будто белоснежная, раскинувшая руки женщина парит над Веритеррой, ограждая последователей Истины от всего дурного и темного. Это зрелище было столь прекрасно, что душа сама собой рвалась в горние выси, стремясь достичь единения с богиней.

Высокие стрельчатые окна выложили блестящими мозаиками, щедро расплескивающими внутри Храма яркие пятна, создающие настоящую симфонию цвета. Невероятная, возвышающая душу красота, дарящая восторг и наслаждение. У меня не было слов, чтобы описать потрясение, которое рождало это невероятное здание.

Нам следовало выстроиться на ступенях вдоль стен Храма, чтобы в проходе жрецы провели службу, до которой еще оставалось время. Люди подходили, но покамест Храм не был заполнен и наполовину. Я во все глаза рассматривала убранство, запоминая витые колонны, статуи, изображающие богиню в моменты триумфа, бесконечно высокий потолок, напоминающий хребет живого существа, чтобы позднее попытаться в рассказе передать родичам хоть толику чуда, пронизывающего это место.

Заглядевшись ввысь, я не заметила, как к нам приблизились Элинор Олбанс с двумя богато одетыми девушками.

— Ах, вы только полюбуйтесь, какая красота! — воскликнула рыжеволосая «кукла», нынче облаченная в темно-зеленое платье. Вырез, впрочем, остался неизменным, чуть ли не до талии. — До чего тонкая работа, глазам не верю, — восхищалась Элинор, легонько оглаживая пальцами ткань моего платья.

— Благодарю за добрые слова, ты тоже прекрасно выглядишь! — вежливо ответила я. Девушка улыбалась вполне мило, но мне почему-то захотелось спрятаться за спину Питера.

— Ну что ты, сегодня тебя никому не затмить, — рассмеялась рыжеволосая, продолжая ощупывать мой наряд.

— Ты б руки убрала, — буркнула Чеккина, брезгливо скривив губу.

— Клянусь, они у меня чистые! Вот, смотри! — Элинор вскинула ладони, демонстрируя Франческе пальчики с длинными вызолоченными ноготками.

Что произошло, я толком не поняла: кажется, от резкого движения богачки чуть колыхнулись рясны на кокошнике, и одна из нитей зацепилась за массивное кольцо, украшающее ручку девицы Олбанс. Миг, и крупные жемчужины весело запрыгали вниз по ступенькам, оставляя оборванную нитку сиротливо болтаться над плечом.

— Ох, прости, я такая неловкая! — простонала рыжая, прикрывая рот веером.

— Вот гадина! — вскрикнула Чеккина, шагая к Элинор. — Подними, быстро!

— Вот еще, это ее жемчуга, пусть она и подбирает! — уже не скрывая ухмылки, заявила наглая девка, переглядываясь со своими товарками.

Я на мгновение представила, как буду выглядеть в своем белом наряде ползающей по полу Храма у ног собравшихся, и меня впервые в жизни обуяло желание ударить человека. Это очень постыдное чувство, к тому же неуместное в Храме, но я ничего не могла с собой поделать. Видимо, эта дрянь специально хотела меня унизить. Я же не смогу оставить жемчуг валяться просто так, слишком большие деньги были плачены за украшение.

— Я подберу. — Питер придержал меня за плечо.

— Не стоит утруждаться, — с ленцой произнес кто-то, скрытый от меня широкими плечами блондина. Впрочем, мои полыхнувшие огнем щеки безо всяких слов могли бы рассказать любому, что голос этот принадлежал вериту Филиппу.

Мужчина шагнул на ступень ниже, произнес какую-то странную фразу, в которой преобладали свистящие и шипящие звуки, и раскатившиеся жемчужинки сами собой собрались в его раскрытую ладонь.

— Большое спасибо! — пролепетала я, порываясь забрать свое богатство, но магистр предпочел ссыпать ношу в широкую горсть Питера.

— Адепт Олбанс, вам необходимо прилежно выполнять упражнения на внимание и концентрацию, вы крайне неуклюжи, это непозволительно для мага! — холодно заметил верит Филипп.

— Магистр Кальдерон, я не премину воспользоваться вашим мудрым советом. — Опровергая заявление наставника, Элинор прямо на ступенях умудрилась отвесить ему столь глубокий реверанс, что ее грудь чуть не выпрыгнула из платья. — Может быть, в мудрости своей вы не откажетесь рассказать нам, правда ли, будто в королевских садах Либерьяна растет столь сладкая и пьянящая вишня, что после нее даже кисленькие северные яблочки кажутся настоящей экзотикой?

— Для столь юных лет вы изумительно хорошо разбираетесь в садоводстве, адепт Олбанс. Жаль, что обучаетесь вы не на факультете истинного Мастерства, там ваши знания нашли бы лучшее применение. Но я обязательно расскажу вашему глубокоуважаемому отцу о разносторонних талантах его дочери.

Думаю, его заинтересуют ваши познания и он выразит желание использовать их на каком-либо из своих отдаленных сельскохозяйственных угодий, — скучливо произнес верит Филипп.

Девушка продолжала мило улыбаться, но глаза ее полыхнули яростью. Впрочем, она поспешила прикрыться веером и отойти от нас. Две молчаливые девицы слаженно потрусили за ней следом.

— Пусть Великая Веритассия будет к вам благосклонна, неофиты! — кивнул магистр и отправился в противоположную сторону.

— Чеккина, а о чем это они сейчас говорили? Мне показалось…

— Не обращай внимания, эта дура бредила, — отмахнулась подруга.

Но мне все равно казалось, что в словах Элинор и магистра был какой-то скрытый смысл, причем все, кроме меня, поняли его преотлично, очень уж тяжелым взглядом буравил Питер спину удаляющегося мужчины.

ГЛАВА 15
Студит

По случаю скорого Дня благодарения в Академии устроили длинные выходные: занятия прерывались на пять дней, желающие могли съездить домой, чтобы провести праздник в кругу семьи.

Мне несказанно повезло: администрация предоставила портальный амулет, чтобы я могла забрать заказанные врачевателями травы. Без такой оказии я бы ни за что не сумела навестить родных. В полной эйфории я бегала по базарной площади и торговым рядам, прикидывая, чем порадовать семью. От украшений и нарядов сразу отказалась: в столице все стоило совершенно неразумных денег, а качество зачастую было ниже, чем на уездной ярмарке. Чеккина оказалась права насчет рукоделий: в модной лавке нашу с сестричками работу готовы были оторвать с руками и ногами. Когда я услышала, сколько мне предложили за запястья, чуть дара речи не лишилась, но решила не спешить и сперва обсудить все с матушкой. Оговорив с хозяйкой, какие узоры предпочтительней, пообещала прийти с ответом после праздников. Может, и впрямь подзаработаем девчатам на приданое, пока меня не вытурили из учебного заведения. Впрочем, за прошедшие месяцы во мне угнездилась робкая надежда, что первую сессию я как-нибудь сдам: занималась я усерднее всех и там, где недотягивала знаниями, получаемыми в рамках начального образования, брала усидчивостью, старательностью и кропотливой зубрежкой. Так что перспективы на продолжение обучения уже не так удручали, как в первые дни.

Рассеялся и мистический страх перед выходом за ограду Академии: после поминальной службы я неоднократно бегала в торговый район, и ничего страшного со мной не случилось. Может, и зря тот сипящий голос меня пугал. Единственное, я все забывала забежать на факультет Врачевания и вернуть декану оздоровительный амулет, так и таскала его, не снимая. Чувствовала себя отлично, а периодически поднимающие голову угрызения совести заглушала простым соображением, что лекари сами потребовали бы подвеску обратно, если б она им нужна была.

В итоге за две недели обыскала все лавки и пришла к выводу, что порадую сестренок местными сластями, а матушке привезу очень полезную в хозяйстве вещь — особый крюк для пояса, к которому крепились десятки цепочек с подвесками. Называлась

эта штучка красивым словом «шатлен» и предназначалась для хозяйственных мелочей: ключи, флакончики, ножницы, швейные принадлежности и прочие нужные вещички всегда хранились под рукой. Очень удобно и практично! Вот батюшке гостинец долго не могла сыскать. Случай помог.

Однажды я наткнулась на лавочку, торгующую хмельными напитками. Сунулась в нее по ошибке, просто свернула не в тот закоулок, когда искала кондитерскую. Почти сразу осознала свой промах и поспешила к выходу, но тут моих ноздрей коснулся странный запах: вроде размоченного в спирту дерева, присыпанного какими-то фруктами… И запах этот показался мне таким знакомым, что я еще какое-то время принюхивалась, пытаясь сообразить, где бы могла чуять его раньше. Так и не сумела вспомнить, но заинтересовалась источником аромата. Оказалось, что так пахнет крепкий напиток: бренди. Я никогда раньше не слышала этого названия и все равно не могла отделаться от мысли, что мне уже приходилось когда-то обонять что-то очень похожее. Отчего-то пришло в голову, что это напиток сильных мужчин. Подивилась своим мыслям, но решила купить отцу фляжечку. Удовольствие оказалось весьма недешевым, но я надеялась, что странная темная жидкость с дурманящим ароматом придется батюшке по вкусу.

И вот теперь гостинцы для родителей покоились на дне саквояжа, а за сластями я намеревалась сбегать утром, чтобы все было свеженькое, с пылу с жару, то-то детвора обрадуется! Мои друзья уже отправились по домам, когда у меня закончилась последняя лекция, так что Брианда, коршуном налетевшая на меня в коридоре факультета Искусства, наконец-то добилась своего: я поплелась в мастерскую позировать. Просто не сумела быстро выдумать очередной предлог для отказа.

Позировать оказалось совсем не увлекательно: надо было стоять неподвижно на ярко освещенном помосте и смотреть в одну точку. Перед началом сеанса, как называла это художница, меня тщательно завернули в бархатную зеленую тряпку размером с простыню. Да, еще пришлось распустить волосы. Я ныла и стонала, что их потом долго собирать обратно, но девушка шипела на меня пуще разъяренной кошки и обещала обкромсать все к тьме и хаосу, если я не потороплюсь. Пришлось подчиниться.

Тело затекало, нос все время чесался, да к тому же я совсем не хотела опять встретиться с веритом Кальдероном.

— Ты кого-то ждешь? — вопросила Брианда, высовываясь из-за мольберта — той самой здоровущей конструкции, что в изобилии были расставлены по всему помещению.

— Нет, нет, что вы!

— Ты все время косишься на дверь, как будто сюда вот-вот кто-то должен зайти. Если переживаешь из-за своего мальчика, приходи в следующий раз с ним, он мне совершенно не помешает. — Блондиночка не забывала за разговором черкать палочкой по натянутой на мольберт холстине.

— В каком смысле — мальчика? У меня одни сестры, и они дома остались! — удивилась я.

— Тьфу, пропасть! Да при чем тут сестры! Ну, как это у вас называется: поклонник? Кавалер? Ухажер?

— А кавалеров у меня тем более нет. — Даже немножко обидно стало.

— Ага, конечно! Только сын Севера с этим вряд ли согласится.

— Я незнакома с сыном Севера, — разговор с Бриандой каждый раз напоминал шараду.

— О Тьма! Я говорю о том юном воплощении бога войны, который все время отирается вокруг тебя. Ну, такой высокий с серебристыми волосами!

— Так это же Питер! — озарило меня. — Я не знала, что он сын Севера. Но он не кавалер.

— Правда? А кто?

— Друг, наверное. А вообще, по-моему, он ко мне относится как к маленькой сестренке.

— Три ха-ха! Вот уж точно не так!

— Да вы же его даже не знаете!

— Во-первых, прекрати выкать, меня уже тошнит от этой твоей привычки! Я всего на несколько лет старше, а ты заставляешь меня чувствовать себя старой развалиной! Во-вторых, мне не обязательно знать, у меня есть глаза, я умею ими видеть!

— Не знаю, что вы… ты увидела, но он никогда не вел себя как кавалер.

— Ого! И как же ведут себя кавалеры?

— Ну, они ухаживают за возлюбленными, всячески демонстрируя им свою мужественность…

— Знаешь, будь на твоем месте кто другой, я бы решила, что он издевается. Но самый ужас, что ты убийственно серьезна. Это откуда у тебя такие потрясающие сведения?

— Ну… из книг… — Мне стало неловко.

— Оно и видно. И как ты себе представляешь эту самую демонстрацию мужественности?

— Ну… не знаю… я вообще как-то об этом не задумывалась…

— Н-да, тяжелый случай! Скажи, а ты вообще в курсе, за каким хаосом незамужние девицы таскают на талии эту

ненужную цацку?

— Вы про опояску? Ты то есть…

— Угу.

— Конечно, знаю: так заповедовала своим дочерям Великая Веритассия!

— Чудненько! А зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем она это заповедовала?

— Ну… так надо!

— Незамутненное создание! Внимай же зернам разума, пока я жива…

Со слов Брианды выходило, что война богов нанесла огромный ущерб всей природе: где-то высохли моря, где-то были выжжены леса, а где-то, наоборот, посреди песков образовались болота. Привычный жизненный уклад рухнул. Тогда боги не только поделили мир, но и дозволили каждому человеку выбрать место для жительства по собственному разумению. И началось великое переселение народов: одни жаждали обрести привычную среду обитания, другие шли за избранным небесным покровителем, третьи просто искали лучшей доли в дальних землях. Но у разных народов были различные представления о нравственности, о допустимом поведении и форме одежды. И когда все перемешались, происходило много непонимания, особенно это касалось поведения женщин в обществе. Многие женщины подвергались бесчестью, потому что мужчины огрубели за время войны и к тому же неадекватно реагировали на непривычное. Тогда Великая Веритассия решила оградить своих дочерей от волны насилия и благословила их носить опояски — своего рода охранные обереги. Любой мужчина, посмевший каким-либо действием оскорбить девушку против ее воли, получал серьезные увечья. Поэтому до сих пор во время брачного обряда невеста сама снимает опояску, вверяя свою защиту избраннику. Незамужние же, как наиболее уязвимые, пребывают под защитой самой богини. За истекшие века мужчины очень хорошо уяснили, чем заканчиваются попытки насилия по отношению к женщинам Веритерры. В наши дни особой надобности в обереге уже и не наблюдалось, поскольку только самоубийца рискнет принуждать к близости дочь Великой богини. Тем не менее традиция ношения опоясок все еще была жива: тем самым благодарные женщины отдавали дань уважения своей мудрой защитнице.

— Таким образом, мужчин в наше время надо поощрять, если хочешь получить от них более явные знаки заинтересованности, нежели вздохи на скамейке и самые невинные прикосновения.

— А… какие бывают знаки заинтересованности? — Я была до глубины души потрясена услышанным.

— Ты серьезно? Тебе что, в восемнадцать лет ни разу не хотелось поцеловаться с кем-нибудь?

Мама! Кажется, в этот момент я покраснела вообще вся: от кончиков пальцев ног до корней волос. Сразу вспомнила, как зудели губы во время бала, когда я чуть сама не поцеловала жениха Брианды, а потом ведь я еще что-то себе с ним позволила, мамочки, знать бы еще, что именно! Я даже лицо руками прикрыла, чтобы художница ни о чем не догадалась.

— А ну, вернись в позу! — топнула ногой девушка. — Вот, хоть какие-то человеческие реакции, а то я думала — ты совсем приморожена.

— Мне матушка такого не говорила: она, наоборот, всегда наставляла блюсти себя.

— Еще бы! Если бы я была такая же красивая, как ты, моя матушка наверняка тоже канифолила бы мне мозги подобными благоглупостями. Боялась бы бабушкой раньше времени стать.

— Моя мама очень хорошая!

— А я разве говорю, что плохая? Она наверняка искренне о тебе заботится. Только рано или поздно любой девушке захочется замуж, а как ты себе представляешь предложение на ровном месте? На такое еще, возможно, способен мужчина, потерявший от страсти голову, но это удел потомков южан с горячей кровью, а в твоем мальчике кровь северных народов если и разбавлялась когда-либо, то крайне редко. Он не способен на подобные бурные проявления чувств. Слушай, у тебя такое роскошное выражение лица, когда ты смущаешься, что я, пожалуй, в следующий раз буду тебе неприличные анекдоты рассказывать!

Я уже не слушала болтовню художницы, стараясь вместить в сознание все услышанное. Самое странное, что сказанное девушкой полностью противоречило всему, чему учила меня маменька, зато абсолютно точно соответствовало тому, что я наблюдала вокруг в последние месяцы. Великая Веритассия, помоги мне отличить ложь от истины!

ГЛАВА 16
Златоуст

Никогда не приходилось мне столько болтать, сколько за прошедшие три дня. Как только схлынул поток первоначального восторга с визгами, криками, слезами и поцелуями, меня потащили к столу и велели рассказывать. И вот я говорю и говорю без конца, аж слегка охрипла. Рассказываю обо всем: как выглядит столица, как мы учимся, каковы на вид мои знакомые и что почем в тамошних лавках. Умолчала я лишь о двух вещах: о непонятном нападении и о верите Кальдероне. Нападение слишком сильно переполошило бы родных, а помочь они все равно ничем не смогут, так зачем им лишний раз волноваться? А про магистра я даже заикнуться боялась: сразу вспыхну и выдам свое предосудительное поведение. Разве это достойный пример для девочек? Правда, приходилось все время следить за языком, чтобы не упомянуть лечебницу или еще что-то, связанное с запретными темами, но вроде управилась.

Здесь уже вовсю морозило, так что, помимо разговоров, мы еще и пельмени всей семьей лепили. Раскладывали снедь на дворе, чтоб прохватило, потом можно отсчитывать нужное количество, да в чугун.

Вот на дворе я и подловила маменьку в полном одиночестве, пока она аккуратно распределяла кусочки теста по чистой рогожке. Пересказала ей вкратце слова Брианды, и тут моя мудрая, все на свете знающая мама… отвела глаза.

— Матушка, это что, правда?

— Доченька, ох, большая ты уже. — Грустно улыбнувшись, мама все же посмотрела на меня и погладила ладонью по щеке. — Даже и не знаю, как сказать… Я уж и забыла, каково это: молодой-то быть… Ты, Феюшка, главное пойми: чтобы мужчина решился настойчиво за тобой ухаживать, надо дать ему понять, что эти ухаживания ты принять готова. Только меру тоже забывать нельзя, иначе пожалеть потом можно. В юности легко перепутать страсть с любовью, а это не одно и то же. И мужчину, Феюшка, выбирать надо достойного: обязательно по сердцу, но и головой думать не мешает. Смотреть, чтоб уважал тебя и не склонен был к дурным поступкам. Такому можно и улыбнуться подобрее, и приголубить, а со временем и душу открыть. А вот если на словах он горы своротить готов, а на деле тебя за человека не считает и на подлости горазд, бежать от него надо без оглядки, как бы больно сердечку ни было, иначе будет боли в

жизни намного больше. Но ты ведь у меня умница, я знаю, ты не ошибешься!

— Матушка, так ведь дурно не с женихом-то миловаться!

— Если головы на плечах нет, так и с женихом дурно! Что ж ты у меня простая-то, как теля, похитрее будь! Хотя на кого я пеняю… Вы, девочки, у меня все как на подбор красавицы! Вам не в глуши жить надо, а в комфорте и уюте. А здесь что: за скотиной всю жизнь ходить? Вот и держу вас в строгости, чтоб соблазна не было. Я ж тебе с самого начала говорила: найди себе в столице жениха! Если приглянулся кто, так ты снежную бабу из себя не строй, поласковее будь немножко, и все само наладится. Вон, ты про мыльню волшебную рассказывала, хорошо небось, когда не надо в мороз на ручей бегать? Ладно, девочки идут, еще услышат, что не нужно.

Я лишь в очередной раз вздохнула: как раньше все было просто и понятно и как все усложнилось, стоило только уехать в Академию.

День благодарения прошел замечательно: мы собрались за накрытым столом, вознесли благодарность богине и друг другу за то, что у нас такая замечательная семья, что все здоровы и счастливы. Отец наконец-то откупорил мой подарок, с удовольствием выпил глоточек, но сказал, что такие вещи в одиночку употреблять негоже: это, мол, напиток для душевной беседы. Вот пойдем завтра на хутор, там он с пасечником и разопьет. Я сразу почувствовала себя неуютно: на хуторе будет Семен, а как с ним теперь следует общаться, я никак определить не могла. Пыталась отказаться от прогулки, но сестры подняли вой: я теперь вроде как тут главное диво, все захотят поглазеть и послушать байки о столичном житье-бытье. Пришлось соглашаться, иначе приставали бы без конца.

На хуторе царили суета и оживление: девчата все нарядные, как на праздник, я даже засомневалась, не позабыла ли про чьи именины. Только вот создавалось ощущение, что моему появлению тут особо никто и не обрадовался. Нет, нас радушно приняли, в самой большой избе спешно стали накрывать на стол. Сестрицы кинулись сплетничать с хуторскими, а отец завел степенный разговор с мужиками. Я обнялась с баушкой и теткой Матреной, а потом меня как-то аккуратненько задвинули в уголок. Я маленько посидела да и пошла на двор. В хате душно и суетно, а здесь никто не гомонит и воздух такой знакомый! Что ни говори, а в столице по-другому пахнет: едче, что ли…

Присела на завалинку с торца избы: так никому глаза не намозолю, а ежели с крыльца кликнут — услышу. Потихоньку

смеркалось: у нас вообще солнышко светит скупо. Я лениво всматривалась в оголившуюся рощу. Тут из-за угла раздалось:

— Бу!

Аж подпрыгнула от неожиданности:

— Ой! Тьфу, Семен, сколько можно? Каждый раз меня пугаешь!

— А ты не пугайся, мне лень станет!

Чтобы прикрыть смущение, спросила:

— А чего у вас за праздник сегодня? Девчата все нарядные…

— Тю! То не праздник, то дурость! У нас третьего дня фертик городской остановился, вот девки с глузду и двинулись! Каждая решила, что сумеет охмурить заезжего ухаря. Больно они ему все нужны, небось в городе своих дурех хоть ложкой ешь.

— Городской? — удивилась я. — А чего его сюда занесло?

— Я так понял, он вроде землемера. Первый день я его по лесу водил, а потом уж он сам: камушки какие-то раскладывает, пером чирикает, высматривает чегой-то. Я тогда еще спросил, что он хоть ищет-то, может, я ему так укажу, а он засмеялся и говорит: волны меряю. Я предложил его на реку сводить, а он как взоржет! Одно слово: городской! А девки надеются, что он кого из них с собой заберет.

— Молодой, что ли, совсем?

— Да какой там, в возрасте он!

— Так, может, он женат уже!

— Не, Малашка прямо спрашивала, говорит: вдовец, если не врет, конечно!

— Да разве можно про такое врать? Беду накличешь!

Семен как-то странно на меня посмотрел, но ничего не ответил. Я поежилась под его взглядом и решила в избу вернуться. Но только встала, как парень загородил мне дорогу:

— А чего ж ты все про других да про других, чего про у себя не расскажешь?

— Да я уж устала за три дня рассказывать: хорошо у меня все, учусь прилежно, стипендию получаю.

— Жениха еще не присмотрела?

— Некогда мне женихов искать: уроков много, времени мало!

И тут в голове стрельнула мысль: а вот как я тех женихов вообще искать должна, если даже ни разу не пробовала показать парню свое расположение? А если ошибусь и стану улыбаться тому, кому безразлична, что будет? Вот Семену я точно нравлюсь, вон какую заряницу выстругал, так, может, с ним и попробовать? Его я хоть с детства знаю, с ним не так страшно, как с незнакомым. Хотя тоже боязно… Да и нехорошо вроде, я же его не люблю… Ой, мамочки, как быть-то?

Тут парень помахал перед моим лицом пятерней:

— Фей, ау, ты чего застыла-то?

Я подняла на него глаза, судорожно сглотнула, вспомнила Чеккину и решилась: аккуратно так провела пальчиками по скуле Семена.

— Фей, ты чего? — с хрипотцой переспросил он.

Я молча улыбнулась и положила ладошку ему на плечо. Тяжелая рука тут же опустилась мне на талию, и я оказалась притиснута к парню.

— Издеваешься? — тихо уточнил Семен.

Я только головой качнула. Жутко было, аж коленки тряслись, но я старательно продолжала улыбаться и не отводила глаз. Хлопец медленно-медленно, как под водой, склонился ко мне и вдруг впился в мои губы. В мыслях все окончательно смешалось, разом бросило в жар, было очень страшно и чуть-чуть больно, совсем не так, как во сне.

Когда от недостатка воздуха начало саднить в груди, я решительно отстранилась. Парень дышал так тяжело, словно в горку взбежал. Судя по ощущениям, щеки у меня запунцовели, а шея просто взмокла. Я облизнула враз пересохшие губы и смущенно отвела взгляд. Тут же вместо жара меня так и окунуло в холод, а сердце пропустило удар. Я только сдавленно охнула, когда поняла, что в нескольких шагах от нас вижу фигуру верита Кальдерона.

Семен, кажется, по-своему истолковал мой вздох, он поспешно разжал объятия и виновато прошептал:

— Я тебе больно сделал, Феюшка? Прости, маленькая, не совладал с собой.

Тем временем мужчина, за которым я испуганно наблюдала из-за плеча хуторянина, сделал нетвердый шаг, повернул голову, и морок рассеялся: я глупо обозналась! Этот человек только телосложением да длиной волос и походил на магистра. Он был явно старше верита Филиппа, довольно заметно прихрамывал, да и черты лица были намного мягче, чем у моего ночного гостя.

— Кто это? — все еще настороженно спросила я.

— Где? — Семен резко оглянулся. — А, так это и есть землемер, про которого давеча говорили: верит Рафаэль Алеотти. И не выговоришь с первого разу. Ты его напугалась? — Парень обхватил меня за плечи, требовательно заглядывая в глаза.

— Д-да, он просто внезапно появился, я думала… показалось, в общем.

— Да пес с ним! — Юноша настойчиво развернул меня лицом к себе. — Так я не понял, ты за меня пойти согласна?

— Да ты что, Сень, мне еще учиться и учиться! Я пока не могу

замуж… — Под взглядом горящих, как уголья, глаз, я стушевалась и поникла.

— А я-то, дурак… — скривил рот хлопец. — Ладно! У тебя губы припухли, холодное надо приложить. Обожди.

С этими словами парень двинулся к крыльцу. Я же плюхнулась обратно на завалинку, потому что ноги сами не держали, да и потрясывало меня заметно. Обхватив себя руками за плечи, постаралась унять дрожь. Ну, ничего уж прям ужасного и не случилось: пропасть под ногами не разверзлась, руки не отсохли, молния не ударила. Я, правда, мало что успела почувствовать… Удовольствия не испытала, отвращения, впрочем, тоже.

Вернулся Семен с чистой мокрой тряпицей. Велел приложить к губам ненадолго. Поблагодарила. Он немного потоптался рядом, а потом сказал, что лучше сразу в избу пойдет, пока никто не спохватился. Это правильно, иначе пересудов не оберешься. Я еще немного посидела на улице да тоже поплелась в хату.

Там как раз застолье начиналось. Я забилась в уголок и оттуда опасливо покосилась на незнакомца, сидевшего с мужиками. Хоть от сердца отлегло: как я его могла принять за верита Кальдерона? Разве что сумерки злую шутку сыграли! У этого человека уж и проседь поблескивала в волосах, и морщинки вокруг глаз залегли, и нос был помассивнее, чем у магистра, да без горбинки. А я уж напридумывала незнамо что!

Тетка Матрена заметила наконец, что я почти не ем, но мне удалось отговориться: угорела, мол, отвыкла в столице от печного духа. Сестрички наперебой начали похваляться, какие чудеса я в городе видела, мне даже самой рассказывать не пришлось, только успевай кивать и поддакивать.

Батюшка похвастался гостинцем, мужики испробовали, покрякали уважительно, тут горожанин, вокруг которого все Малаша увивалась, кажется, впервые прямо на меня и поглядел:

— Бренди… Странный выбор для юной вериты. Ужели доводилось пробовать?

— Что вы, я такое не пью, просто запах очень понравился… необычный и запоминающийся, вот и решила батюшку порадовать.

— Запах, значит, — хмыкнул гость в усы, да и потерял ко мне всякий интерес.

С Семеном мы больше не разговаривали, и я этому была даже рада: мне все же как-то неловко перед ним было, вроде обнадежила без надобности, хотя и не обещала ничего.

ГЛАВА 17
Зимоуказатель

Вот так, в разговорах да домашних делах, и пролетели мои свободные денечки. В последний день матушка затеяла пирожки печь, чтобы мне было чем друзей попотчевать. Мы отобрали рукоделья на продажу, оговорили, каких нужно купить в столице материалов, чтобы Ева могла наделать побольше кокошников, упаковали высушенные растения для лечебницы, да и мои запасы подновили. Девчата обещали всю зиму усердно трудиться над узорами для веритеррских модниц. Опять были слезы, объятия, благословения, и наконец-то я снова очутилась в Академии.

На столицу уже опустился вечер, но время было еще совсем не позднее. Чеккина пока не появлялась, так что я угостила выпечкой мамашу Гурдан и отправилась поскорее передать врачевателям их заказ.

Декана на месте не оказалось, но это меня как раз устраивало, зато верит Грэгори радовался привезенным мешочкам, как ребенок! Я его тоже пирожками угостила, но он на подношение внимания почти не обратил, все травы нюхал и вздыхал благостно. Потом засуетился, мешочки взвесил, сбегал куда-то и вручил мне такой объемистый кошель, что я даже поначалу решила, будто он ошибся. Но заведующий лечебницей уверил меня, что все правильно, заставил все монетки до единой пересчитать, а потом, в обнимку с привезенными сборами, чуть ли не вприпрыжку ринулся вон из кабинета. Я только плечами пожала да заторопилась к выходу.

В лечебнице было пусто, а оттого немного жутковато. Я все боялась, что вот-вот услышу над ухом скрипучий голос, а потому без конца оглядывалась через плечо и всматривалась во все темные углы. Только поэтому в одном из боковых коридоров заметила слившуюся в страстном объятии парочку. От изумления я чуть не выпустила из рук кошель, но вовремя спохватилась и поскорее кинулась к дверям. Я была абсолютно уверена, что узнала и мужчину, и женщину. Там, в полумраке лечебницы, вовсю миловались Брианда и декан Дорэ.

Потрясенная увиденным, я все никак не могла собрать воедино разбегавшиеся мысли. Как добралась до общежития, и не помню. Уже в комнате поняла, что опять забыла отдать лекарям амулет, но вернуться обратно так и не решилась.

ГЛАВА 18
Санник

Хорошо, что до начала грудня успела снести в лавку наше рукоделье: с приходом зимы началась активная подготовка к сессии, а с ней вернулся и мандраж первых дней обучения. Сколько бы ни зубрила, все равно казалось, что ничегошеньки не знаю и все завалю.

Библиотека работала круглосуточно, в общежитиях объявили неделю тишины: запрещалось шуметь, чтобы не мешать соседям готовиться к экзаменам. Чеккина, которой необходимо было заниматься вокалом и играть на музыкальных инструментах, с раннего утра до самого закрытия общежития пропадала на факультете Искусства, репетируя. Она даже пообедать и поужинать частенько забывала, так что я подкармливала ее принесенными из столовой булочками и бутербродами. Я пропускать трапезы просто не могла: то ли на нервной почве, то ли из-за напряженной умственной работы все время хотелось есть. Даже не так: жрать! Сколько бы ни съела, все казалось мало. Никогда раньше такого не было, даже в самую жаркую страдную пору. Утешалась тем, что после сессии это пройдет.

Дома в ночь на санник мы с Дорой гадали на суженого, кладя под подушку ветку яблони. Хотела и в этом году не нарушать традиции, да рука не поднялась обломить обсыпанную волшебными цветами веточку. Постояла, вдыхая нежный аромат, да и ушла не солоно хлебавши. Может, оно и к лучшему: в прошлый раз, когда я хотела выслушать суженого, попала в лечебницу с отшибленной памятью, а сейчас память мне нужна вся, без остатка.

После ужина, прихватив кулек с выпечкой, заторопилась в общежитие тренироваться наносить грим. В дверях меня перехватила мамаша Гурдан:

— Пляши, красавица! Тебе посылочку передали!

— Ох, может, в другой раз спляшу, верита?

— Нет уж, давай сейчас! Ты в последние дни ровно муха полусонная, так хоть взбодришься!

Передав кулек на руки кастелянше, я изобразила несколько движений перепляса, стараясь не сильно топать.

— Плохо танцевала, без души, — вынесла вердикт женщина. — Но, так уж и быть, посылку отдам.

С этими словами она вернула мне кулек и вытащила из своей комнаты небольшой сверток в форме книги, в красивой бумаге и

перевязанный ленточкой.

— Так тут моего имени нет, — растерянно сообщила я, оглядывая полученное.

— А она на словах сказала, что для тебя. Мазилка тут прибегала, светленькая такая, я имени ее все упомнить не могу…

— Мазилка? — переспросила я.

— Ну, которая все кистями по дерюжке мажет, как это прозывается-то… Слово такое поганое…

— А, художница, наверное? Бриандa, да?

— Она! Передала, вот. Говорит, для памяти полезно!

— Спасибо, верита Гурдан! Извините, я пойду, мне еще заниматься нужно.

— Иди, иди! Пусть Великая Веритассия будет к тебе благосклонна! Ты девчонка хорошая, авось богиня не оставит милостью.

В свертке оказалась коробка конфет, я видела такие в кондитерской — дорогое удовольствие. Даже стало неловко принимать подарок, я ведь так и не приходила больше позировать, хотя обещала. Мне просто было неудобно встречаться с Бриандой после того, что увидела в лечебнице. Девушка очень хорошо чувствовала настроение собеседника и не успокоилась бы, пока не докопалась до причин моей зажатости. А что я ей могу сказать? Во-первых, это не мое дело, чем художница занимается, а во-вторых, имею ли я право попрекать кого-либо после того, как сама не пойми чем занималась с чужим женихом, а потом еще и соблазняла Семена… Кто знает, что там произошло у Брианды с веритом Кальдероном… Нет, нет, нельзя сейчас об этом думать, нужно сосредоточиться на занятиях!

С сомнением подняла крышку коробки: в аккуратных маленьких гнездышках были разложены хорошенькие бело-коричневые конфетки. Ну, раз для памяти, надо попробовать, а девушку потом поблагодарю и обязательно еще постою на помосте, чтобы она могла закончить картину.

Вкус у лакомства был чудесный: словно бы молоко смешали со свежим липовым медом, а потом еще натолкли в смесь сочных ягодок… Эх, эти бы конфеты откусывать по чуть-чуть, лежа на прогретом солнцем лужке и прислушиваясь к стрекотанию кузнечиков… М-м-м… Сама не заметила, как слопала три штуки. С сожалением отложила подарок: надо будет вечером Франческу угостить, ей тоже крепкая память не помешает.

Достала из шкафа ларчик, в котором хранила косметику. У меня пока ее было не так много, как у Чеккины, но самые необходимые вещи уже успела приобрести. Разложила запасы перед зеркалом и уже хотела усесться на стул, как вдруг в голове

все закружилось. Я судорожно вцепилась в край стола, стараясь не упасть, но мир все скорее вращался перед глазами. Последнее, что запомнила, проваливаясь во тьму: нестерпимое жжение в груди и яркие лучи света, вдруг пробившиеся прямо через платье.

В себя пришла от того, что все внутри завязывалось узлом. Ломило кости, сводило живот, по лицу ручейками катился пот, выедая глаза. Где-то чуть ниже ребер словно трепыхалась небольшая птичка. Дышать было почти невозможно. Раздавались на редкость мерзкие звуки. Чуть позже пришло осознание, что я стою на четвереньках над здоровенной шайкой, в которую меня просто выворачивает. Нет, не стою, кто-то держит меня за плечи и талию, у меня так дрожат руки и ноги, что сама бы я, наверное, повалилась.

Как только рвотные позывы прекратились, я обессиленно рухнула на колени, пытаясь рассмотреть что-нибудь через пелену щиплющихся капель. Меня била крупная дрожь, зубы меленько клацали. Кто-то заботливо утер мне лицо влажной тряпицей, и я наконец-то поняла, что рядом со мной верит Грэгори.

— Ма-м-моч-ч-ки, — с трудом пробормотала я, стараясь не сломать зубы, — стыд-дно к-как!

— Чего же тут стыдного, деточка, я столько больных за свою жизнь видел, ты не представляешь, — ласково приговаривал заведующий, протягивая мне кружку. — Давай-ка ротик прополощем… Вот так, умничка… Сюда сплюнь… Еще раз… Просто молодец!

Он еще раз тщательно обтер мое лицо, шею и попытался протереть ключицы, но я дернулась. Только сейчас поняла, что из одежды на мне одна рубаха, и инстинктивно прикрылась руками.

— Тихо, тихо, на, сама оботрись. Не нервничай. Скоро легче станет. Завтра опять бегать будешь, а пока еще слабость продержится какое-то время. Давай-ка я тебя в палату отнесу, тебя сейчас телепортировать нельзя, а сама ты не встанешь.

Я попыталась доказать, что он ошибается, но подняться действительно не получилось.

— Ну вот, я же говорил, аккуратней, а то лоб о кафель разобьешь, — убаюкивающе продолжал лекарь, подхватывая меня на руки. Я оставила попытки сопротивляться, все равно он уже видел самое постыдное, что только может случиться.

Нес меня верит Грэгори совсем недолго, буквально несколько шагов. Заботливо уложил на кровать в знакомой комнатушке, укрыл одеялом, после чего протянул стакан с каким-то варевом.

— Попей сколько сможешь, это сил придаст. Тебе получше?

Я только слабо пожала плечами. Кости все еще ломило, но

хоть тошнота прошла, и птица в животе уже не билась.

— На несколько вопросов ответить сможешь?

— Да.

— Вот и ладненько. — Лекарь поспешно отворил дверь и впустил декана Дорэ с магистром Кальдероном.

Заговорил декан:

— Верита Ролло, что вы ели перед тем, как потеряли сознание?

— К-конфеты.

— Где вы их взяли?

— Вер-рита Гурдан передала. От Б-брианды.

— От Брианды? — хором переспросили мужчины и удивленно переглянулись.

— Этого не может быть, — произнес верит Кальдерон. — Бриande я верю, как себе. Она не могла…

— Разберемся, — прервал его декан. — Вы все съели?

— Нет, еще много в к-коробке осталось.

— И где эта коробка?

— У меня в к-комнате.

— Я выясню, — тут же сказал магистр Кальдерон и исчез.

— Верита Ролло, вы не волнуйтесь, отдыхайте, набирайтесь сил и слушайтесь во всем магистра Грэгори. Да будет Великая Веритассия к вам благосклонна! Мы обязательно разберемся, что произошло. Здесь вам ничего не грозит. — Декан слегка поклонился и ушел.

Заведующий же забрал у меня питье и велел крепко спать.

ГЛАВА 19
Холодный день

Как ни странно, никакие скрипучие голоса на этот раз меня не беспокоили. Я почти все время безмятежно спала, только иногда меня будил верит Грэгори, спрашивал о самочувствии, поил очередным варевом, заглядывал в глаза и оставлял досыпать.

Наконец я проснулась самостоятельно. Чувствовала себя вполне сносно, только слабость еще не до конца прошла. На стуле рядом с кроватью обнаружила свое платье и поспешно оделась. Интересно, сколько я проспала? Мне же к экзаменам надо готовиться! Хотела выйти из комнатушки, чтобы спросить у кого-нибудь, который час, но в дверях столкнулась с заведующим.

Лекарь принес поднос с едой.

— О, уже встала? Чудненько! Как ощущения?

— Спасибо, верит Грэгори, уже хорошо.

— Неправда! Вот покушаешь, и будет хорошо. Садись!

— Спасибо. Верит Грэгори, а сколько сейчас времени? — уточнила я, с жадностью набрасываясь на бульон с кусочками курятины.

— Девятнадцать часов.

— Ой, мама, я что, сутки проспала?

— Вообще-то двое.

— Двое суток? — не поверила я собственным ушам. — Великая Веритассия! У меня же экзамены через два дня!

— Сиди! Экзамены у нее! Еле выжила, а о сессии беспокоится! Сначала все съедаешь, потом провожу тебя к декану, с ним будешь экзамены обсуждать. А пока не съешь, никуда не поведу. Да не торопись ты так, подавишься же!

Я старательно работала ложкой, не обращая внимания на ворчание заведующего.

Кабинет декана находился в том же здании, но в другом крыле. За прошедшие месяцы здесь ничего не изменилось: все тот же полумрак, книги и верит Дорэ за письменным столом.

— Спасибо, Грэг! Отдыхай, дальше я сам. Присаживайтесь, неофит Ролло, не стойте столбом. Каково теперь ваше физическое состояние?

— Спасибо, верит декан, я уже совсем оправилась и чувствую себя хорошо.

— Ну, насчет «совсем» я бы поспорил, но неважно. Итак, у

меня к вам серьезный разговор, но начну я его только в том случае, если вы торжественно поклянетесь хранить в тайне все, что сейчас услышите в этом кабинете. Вы готовы это пообещать?

— Да, верит декан. Клянусь именем Великой Веритассии, что никому не расскажу об услышанном.

— Но под словом «никому» я подразумеваю действительно никому: ни подружкам, ни родителям, ни возлюбленному!

— Я уже поклялась, верит декан.

— Хорошо. — Мужчина устало потер переносицу. — Как вы уже, наверное, догадались, вас пытались отравить при помощи шоколадных конфет, переданных якобы Бриандой Азеведо. Но она сделать этого не могла: в тот момент, когда кастелянше вашего общежития вручили коробку, мастер Азеведо находилась в художественной студии, которую не покидала в течение нескольких часов. Это подтверждают три свидетеля, находившиеся там же неотлучно, и еще несколько людей, на какое-то время заглядывавших в мастерскую. При этом сама кастелянша абсолютно уверена, что видела именно Брианду. Таким образом, человек, оставивший для вас конфеты, пребывал в облике художницы. Вам понятно, о чем я говорю?

— Почти все понятно, верит декан. Только…

— Спрашивайте, не стесняйтесь.

— Я лишь удивилась, что кому-то удалось выдать себя за нее: разве такое возможно?

— Вполне возможно, как при помощи магии, так и при определенном мастерстве в технике гримирования. В конце концов, ваша кастелянша не настолько хорошо знакома с веритой Азеведо, чтобы сразу заметить небольшие огрехи внешности или поведения. Что-то еще?

— Нет, верит декан, все понятно.

— Хорошо, тогда вопрос задам я: кто, по вашему мнению, может желать вам смерти?

— Не знаю, верит декан. У меня нет врагов. То есть… не было…

— Что вы имеете в виду? — Взгляд Дорэ прямо-таки впился мне в лицо.

— Ну, я не хочу огульно оговорить невиновного…

— Высказывайте любые предположения, мы непременно разберемся, кто виноват, а кто невинен.

— Помните, я оспорила осведомленность торговца Ковеля в вопросах траволечения?

— Да, разумеется.

— Тогда, в лавке, он чуть не бросился на меня, а когда мы вышли, эпопт Демар намекнул, что я сумела завести себе врага…

— Хм… В целом эпопт Демар, несомненно, прав, но вряд ли Ковель решился бы на убийство. Хотя на всякий случай проверить, конечно же, стоит… Еще предположения есть?

— Нет, больше точно никого нет.

— А за что вас так не любит адепт Олбанс? — Голос, раздавшийся из угла кабинета, заставил меня вздрогнуть.

В полумраке я и не заметила, что мы с деканом не одни в помещении. Боюсь, что опять позорно покраснела.

— Простите, магистр Кальдерон, я вас не видела. С Элинор Олбанс я почти не знакома: мы встречались лишь дважды, перемолвились едва ли парой фраз, оба раза она портила мою одежду, но это могла быть и случайность.

— В день поминовения был первый случай или второй?

— Второй. Первый раз мы встретились в День Приветствия.

— И что же произошло?

— Ничего особенного, Элинор веером задела мою руку, и я облилась вином.

— Это точно все?

— Да, магистр.

— Негусто, — подытожил декан. — Все это не тянет на повод для убийства… Видите ли, верита Ролло, — мужчина забарабанил пальцами по столешнице, — это, возможно, было не первое покушение на вашу жизнь… Истерик не будет? Хорошо. Помните, как три месяца назад лежали в лечебнице с аппендицитом? Каюсь, это был не аппендицит. Вы попали под воздействие артефакта, разрушающего магические контуры. Это очень опасно для мага, но совершенно безвредно для обычного человека. В момент воздействия рядом с вами находились два сильных мага. Мы полагали, что артефакт собирались использовать против кого-то из них, а вы лишь крайне неудачно подставились, не вовремя покинув лавку. Чтобы вас не волновать лишний раз и не мешать спокойному восстановлению, я был вынужден сказать вам неправду. Сейчас ситуация изменилась. Не стану вас обманывать: пока не ясно, связаны ли между собой события трехмесячной давности и произошедшее позавчера, но есть вероятность, что оба раза покушались именно на вас. Поэтому прошу вас еще раз хорошенько подумать и сказать: может ли кто-то желать вам смерти?

Я покачала головой:

— Нет, верит декан, я таких не знаю. А что теперь со мной будет?

— Хороший вопрос, верита! Будь моя воля, я бы запер вас в лечебнице: здесь безопасно и есть возможность отсечь любые нежелательные контакты. Но начинается сессия. Если вы ее не

сдадите, вас отчислят из Академии, и тогда будет гораздо сложнее выяснить, чей умысел кроется за всеми этими пагубными событиями. Кроме того, нельзя исключать вероятность, что именно удаление вас из Академии и есть истинная цель злоумышленников. Тогда, не допустив вас до экзаменов, мы сыграем им на руку.

— Прошу вас, верит декан, — горячо взмолилась я, — не заставляйте меня пропустить сессию! Я буду очень, очень осторожна, буду выполнять все, что вы скажете, только не лишайте меня возможности продолжить обучение!

— Вы так хотите учиться, что готовы рисковать собственной жизнью? Не боитесь?

— Боюсь. Но я действительно очень хочу учиться и уверена, что есть какие-то способы… ну, если не обезопасить себя, то хотя бы попытаться…

Я стушевалась под ироничным взглядом мужчины.

— Способы-то есть, но они не так надежны, как нам казалось. Может быть, все же лучше вам остаться в лечебнице? Здесь я могу гарантировать вашу безопасность.

— Пожалуйста, не запирайте меня!

— В конце концов, это ваша жизнь, верита, ваша судьба и ваш выбор. Хорошо, я позволю вам покинуть лечебницу, но вы должны твердо запомнить: ни шагу за пределы Академии! Ни под каким видом, ни в коем случае, что бы ни случилось, но Академию вам покидать нельзя!

— Хорошо, верит декан!

— Далее: питаться только в столовой! Не принимать ни от кого даже самых мелких подарков! Если кто-то попытается вам что-то передать или же настойчиво будет предлагать чем-то угоститься, бегом в лечебницу и подробно все рассказываете — либо я, либо магистр Грэгори всегда здесь. Это понятно?

— Понятно!

— Постарайтесь проводить как можно больше времени в общежитии или же в многолюдных местах, так вы сведете к минимуму возможность причинить вам вред. Точно не стоит гулять в одиночестве. Это тоже понятно?

— Да, верит декан.

— Будете носить вот это. — Мужчина положил на стол амулет, очень похожий на предыдущий, только не красного цвета, а фиолетового. Я непроизвольно потрогала грудь и поняла, что моя подвеска пропала. — Амулет не лечебный, а защитный, в случае опасности перенесет вас сюда. Прошлый справился с задачей, но полностью выгорел при этом. Носить под одеждой, как и раньше, чтобы никто не видел. Кстати, должен вас

обрадовать, вы так быстро поправились только потому, что в минуту опасности попали под действие одновременно двух оберегов, иначе бы до сих пор приходили в себя. Кто ваш жених?

— У меня нет жениха.

— Хотите сказать, что висящая у вас над дверью птица — собственность вашей соседки?

— Н-нет, птица моя, но это подарок не жениха. Я не знаю, как объяснить, но жениха у меня нет.

— Верита, я не эксперт по фольклору коренных жителей Веритерры, но, насколько мне известно, такие обереги дарятся женихом невесте после заключения помолвки.

— Да, так и есть, но мы не помолвлены! Просто, когда я уезжала учиться, мой друг детства подарил мне заряницу на память. Он не взял с меня никаких обещаний, я даже не была уверена, что оберег получится действенным, а повесила ее уже после прошлого раза… после нападения… вот, вы сами говорите: пригодилось…

Декан почему-то посмотрел на верита Кальдерона.

— М-да… ладно, пусть будет так. Если у вас нет вопросов, можете идти.

— Простите, верит декан, а можно узнать, чем меня пытались отравить? Может, я противоядие знаю? Ну, на всякий случай…

— Узнать, конечно, можно, но я очень удивлюсь, если вы слышали об этом яде. Его называют димушь. Коричневый сладковатый порошок получают из смолы растения, произрастающего в южной части Либерьяна. Насколько мне известно, противоядия не существует: единственный способ спасти жертве жизнь — быстро промыть желудок. Беда в том, что человек, вкусивший «сладкую смерть», почти сразу теряет сознание и не может позвать на помощь. Еще вопросы?

— Нет, благодарю вас. Спасибо вам за заботу. Верит декан. Магистр Кальдерон. — Я изобразила по книксену в адрес каждого преподавателя и поспешила покинуть кабинет.

По коридору была готова бежать бегом, но старалась смирять походку, чтобы ни на кого не наткнуться. Однако стоило свернуть за угол, как меня будто сковали по рукам и ногам. Самостоятельно двигаться больше не могла, привалилась спиной к стене, словно прижал кто. Одновременно погас свет. Хотела заорать от ужаса, но у меня даже этого не получилось. Волосы на затылке, кажется, встали дыбом, так я испугалась.

— Куда спешишь, глупая девчонка? — проскрежетал прямо в ухо знакомый голос.

Только после этого я с трудом смогла прошептать:

— Пожалуйста, я не хочу подслушивать, не хочу быть

сильной, ничего не хочу…

— Неблагодарная! — рявкнул голос, и меня ощутимо встряхнули. — Замолчи, коли своего ума нет.

Я зажмурилась. Тут же послышался голос декана:

— …И все же она реагировала подозрительно спокойно! Мне даже показалось, что она все это уже знает!

— Откуда? Девочка еще толком не отошла после отравления, вот и реагирует вяло.

— Я бы не сказал! Упрашивала вполне активно. Может, плюнуть на все и вскрыть ей сознание?

— На мой взгляд, зря потратим силы. Давние знакомые уверены, что девочка довольно простодушна. Там вообще община на редкость праведная и во многом наивная, а уж ее семейка и вовсе оплот морали. Вряд ли девочка из подобной семьи может хранить такие тайны, которые тебе могут пригодиться.

— Ага, какие-то тайны ты все же признаешь!

— Да наверняка есть какие-нибудь сердечные томленья: не ее, так сестричек. Представляешь, десять сестер, и все такие же наивные!

— Десять? Скажи мне, что она — младшая!

— Не угадал: старшая!

— Великая Веритассия, пусть у остальных не будет дара! Я не переживу десяток таких же мормышек!

— Не принимай так близко к сердцу: ты всегда можешь уйти с поста декана!

— Добрый ты, я гляжу! Но какое, лживая Тьма, феерическое невезение: потратить пять дней на эту дыру, а удар получить здесь, где и не ждали.

— Умная скотина!

— Ты уверен, что это женщина?

— Я уверен, что слово «скотина» — женского рода.

— Тьфу на тебя! Кстати, а чего это все ты надо мной подтруниваешь, я что, лысый? Готов биться об заклад, что сердечко мормышки бьется быстрее при твоем приближении: вон как покраснела, стоило услышать твой голос.

— Пф! Вспомни, когда мы учились, девочки тоже вечно выдумывали какие-то страсти с участием мужчин в красивых бордовых мантиях. Просто так уж сложилось, что сейчас эти мантии на наших с тобой плечах! Пройдет. Тем более и друг детства там не такой уж и друг.

— Да ты что! А он не может быть причастен?

— Типичный деревенский валенок! Предлагал мне померить волны на реке!

— Ха-ха-ха!

Все стихло, только голос опять просипел:

— Видишь, ты чуть не выдала наш секрет! Глупая, глупая девчонка!

Опять включился свет. Я снова могла двигаться. Рядом со мной никого не было.

Колени подломились, и я съехала по стене на пол. Первой мыслью было бежать обратно в кабинет и рассказать все декану, но, пока приходила в себя, передумала: если бы обладатель скрипучего голоса, кем бы он ни был, хотел мне навредить, он уже мог как минимум трижды меня убить или покалечить, а декану придется рассказывать и о других подслушанных разговорах… Вряд ли у меня хватит духу обсуждать с кем-либо свое непристойное поведение. Особенно с самим магистром Кальдероном. Который, как выяснилось, изменив внешность, заявился на хутор и зачем-то выдавал себя за землемера… А значит, видел наш поцелуй с Семеном… О, как же мне стыдно, Великая Веритассия! Ну а голос… Не знаю, чего он хочет, но, возможно, искренне пытается помочь. Надо хоть попробовать в следующий раз попросить незнакомца показаться, может, будет не так страшно, а то пока он меня просто пугает.

Наконец я нашла в себе силы подняться и потихоньку двинулась в общежитие.

ГЛАВА 20
Сойкин день

Вот и наступил день, которого все ждали, но все равно боялись: началась сессия. Правда, мне повезло: первый мой экзамен был назначен на завтра, так что оставались лишние сутки на подготовку. А вот Чеккина сегодня должна была сдавать вокал. Подруга еще с вечера обмотала шею шарфиком и наотрез отказалась его снимать, хотя я и выказывала опасения, что она во сне может случайно удавиться. Подруга вообще была на удивление серьезна, даже улыбаться перестала. После завтрака я искренне пожелала удачи ей и Питеру, который сегодня сдавал геометрию. Я так и не разобралась толком, для чего эта штука нужна: со слов Питера выходило, будто данная наука изучает разные предметы и их взаиморасположение в пространстве, но я никак не могла уразуметь, что в этом знании полезного. Послушать парня, так даже сумку собрать без той геометрии невозможно, однако ж, в наших краях о такой науке и слыхом не слыхали, но со складыванием вещей в суму или сундук как-то все умудрялись справиться.

Проводив Франческу до дверей факультета Искусства, я отправилась в свою комнату тренироваться наносить на лицо белила тонким слоем.

Только расставила на столе флакончики, как из-за окна раздалось задорное «пиррь-пиррь». Глянула сквозь стекло и не поверила глазам: прямо на цветущей яблоневой ветви сидела небольшая рыжеватая птичка с черно-голубыми сияющими полосками на крылышках. Соечка, вещунья, откуда же ты взялась посреди большого города? Мудрые люди говорят, что встреча с сойкой в ее день судьбоносна. Если птица прилетит под окошко, надобно идти за нею, потому как птаха укажет путь к счастью.

— Спасибо тебе, Великая Веритассия! — вознесла я благодарность богине, пославшей мне нежданный подарок. — Я бегу, союшка! — запахнула мантию и кинулась скорее на улицу.

Птичка словно меня и ждала. Она легко перепархивала с дерева на дерево, дразня яркими крылышками, на которых, по поверью, прятались небольшие зеркала. Кто сумеет заглянуть в соечье зеркальце, тот увидит свое будущее.

Я спешила следом за маленьким проводником, лишь изредка отрывая взгляд от птички, чтобы запомнить дорогу. Народу вокруг было немного, но и безлюдной территорию Академии тоже назвать нельзя. Так что я честно выполняла обещание, данное

декану Дорэ: в одиночестве не гуляла.

Бежать за сойкой пришлось довольно долго: через парк, мимо ботанического сада, в дальнюю от административного здания часть Академии. Я уже даже начала волноваться, потому что людей вокруг становилось все меньше и меньше. Наконец птица порхнула в проход между двумя небольшими строениями, и вот тут я впервые замялась, не решаясь следовать дальше. Моему взгляду открылся пустынный двор, заросший густым кустарником. Сейчас ветви растений гнулись под тяжестью выпавшего снега, создавая сказочный волнистый узор. Меж кустов в глубоком снегу была протоптана тоненькая стежка, ведущая к дверям здания, стоящего в глубине двора. Строение было увито традиционным виноградом, поблескивающие на солнце снежные холмики очень красиво смотрелись на красных листочках. Виноград в Академии не скидывал листву даже в морозы. Видимо, он был заколдован так же, как и яблони около нашего общежития.

Меня смущало странное запустение, которым так и веяло от двора и непонятного здания, но сойка, будто издеваясь, выдала длинную трель и поскакала по кустам, разбрызгивая искрящиеся снежинки во все стороны. Стоять на одном месте было холодно: я не успела надеть шубку, кинувшись в погоню за вещуньей. Тоскливо оглянувшись через плечо, я сжала зубы, поплотнее запахнулась в мантию и нерешительно шагнула на узенькую дорожку.

Птичка залилась совершенно человеческим смехом и перепорхнула поближе к непонятному домику. Я бочком, поминутно озираясь, двинулась за своей маленькой провожатой. Ничего страшного или угрожающего пока не происходило, но чем ближе мы подбирались к строению в глубине двора, тем отчетливее я понимала, что это здание давно заброшено. Для чего бы оно ни служило ранее, сейчас им никто не пользовался: окна были закрыты ставнями, дверь слегка покосилась. Хотя нет, кто-то же протоптал тут тропинку, значит, в дом хотя бы изредка кто-то ходит! Я замерла, не дойдя до двери. А если там, внутри, кто-то спрятался? А чего бы там кому-то прятаться? Может, это один из служащих просто приглядывает за старым зданием! Знать бы только, зачем сойка меня сюда привела.

Я огляделась в поисках путеводной птички, но ее и след простыл! Вот только что маячила голубеньким опереньем перед самой дверцей и вдруг пропала! Я застыла, не решаясь что-либо предпринять: вроде и заглянуть внутрь тянет, и поджилки трясутся. Так и вспоминаются увещевания декана Дорэ: «Постарайтесь проводить как можно больше времени либо в

общежитии, либо в многолюдных местах, так вы сведете к минимуму возможность причинить вам вред. Точно не стоит гулять в одиночестве». Великая Веритассия, что ж мне делать-то?!

Проблема решилась сама собой: дверь заветного домика резко распахнулась, словно ее ногой изнутри пнули. Я испуганно пискнула и попыталась отпрыгнуть подальше. Естественно, угодила в сугроб и увязла в нем. Пока я изображала ветряную мельницу, размахивая руками, чтобы не потерять равновесия, на порог вышел мужчина в бордовой мантии.

— Верита Феодоссия, потрудитесь объяснить, какого хаоса вы тут забыли? — раздраженно вопросил он, прожигая меня взглядом темных, как сама ночь, глаз.

Я все-таки не устояла ровно и осела в сугроб. Было не больно, но стыдно: взрослая деваха, а на ногах не держится, словно карапуз какой.

— Я за сойкой пошла! — Объяснение звучало так жалко, что я в очередной раз почувствовала себя непроходимой тупицей.

Магистр, услышав мой лепет, закатил глаза:

— Нет, вы и впрямь наказание за мои грехи. Не знаю, за какие именно, тут выбор весьма обширен, но явно за самые тяжкие, слишком уж изощренна расплата! — Поглядев, как я нелепо ерзаю в снегу, пытаясь выкарабкаться, мужчина парой широких шагов преодолел разделявшее нас расстояние и рывком поднял меня за шкирку, словно нашкодившего кутенка. — Скажите, вы сознательно ищете приключений на свою… голову?

— Магистр Кальдерон, я не сама сюда пришла, честное слово! Меня сойка привела! — Я сделала еще одну робкую попытку объясниться.

— Вы не знаете, почему у меня такое острое желание вооружиться хворостиной и выпороть вас хорошенечко? — Любезный тон верита Филиппа совершенно не вязался со зловещими словами. — Да, это будет крайне непедагогично, зато, надеюсь, весьма доходчиво донесет до вас простую мысль, что только два дня назад вы клялись и божились вести себя осторожно, а вместо этого поддались орнитологическому порыву и полезли в самую заброшенную часть Академии! Кстати, вы всегда бегаете по улицам в такой легкой одежде?

— Нет, обычно в шубке, — пробубнила я обиженно. Что я, дитя неразумное, что ли, чтоб мне хворостиной угрожать?

— Я смотрю, вам очень понравилась наша лечебница, вы прям всей душой туда стремитесь! — восхитился мой персональный кошмар. — Идите внутрь, там тепло, — уже жестче бросил он и подтолкнул меня к заброшенному зданию.

— Магистр Кальдерон, вы не понимаете, если сойка в Сойкин

день прилетела под окно, обязательно надо за ней пойти, она же судьбу указывает!

— В таком случае у вашей пичуги отменное чувство юмора! — заявил мужчина, помогая мне справиться с покосившейся дверью. — Веселее было бы только привести вас в склеп на кладбище! И как вам такая судьба? — Он обвел руками помещение.

Здесь и вправду было тепло. И даже светло. А в остальном… у нас на чердаке намного чище. Судя по всему, когда-то эта комната служила холлом: стены обшиты деревом, широкая лестница ведет на второй этаж, только вот все кругом покрыто толстенным слоем пыли, а с потолка свисают комья паутины. Кое-где на полу в пылевом ковре видны следы ног. Не шибко много, но отчетливо. Пахнет затхлостью и каким-то удивительно знакомым, еле уловимым ароматом.

— Прибраться бы, — буркнула я. В носу тут же зачесалось, я попыталась сдержаться, но все равно звонко чихнула.

— Ну вот, ваши подвиги были не напрасны, вам придется посетить лечебницу! — насмешливо уведомил верит Филипп. — Пойдемте, тут есть камин. Рекомендую расстегнуть мантию, быстрее согреетесь.

Магистр уверенно двинулся под лестницу, а я покорно побрела за ним. За невысокой дверцей скрывалось помещение, больше всего похожее на кухню. Посреди комнаты стоял большой стол, на котором были расставлены непонятные сосуды. Слева располагался внушительных размеров очаг, в котором висел котел. А над столом с потолочной балки свисали пучки самых разнообразных растений. Большую часть из них я опознать не смогла, хотя липовый цвет и мать-и-мачеха несказанно радовали, словно старых знакомцев повстречала. Так вот что за аромат я почуяла: лиственная труха! Несчастные пучочки явно висели здесь очень давно, за это время они высохли до такой ломкости, что дунь — и осыплются.

— Что это за место? — потрясенно спросила я, даже позабыв о робости.

— Это руины былой славы факультета истинного Чувства. — Верит Кальдерон уже подошел к очагу и хотел что-то там сделать, но в последний момент обратился ко мне. — Окажите любезность! Поверните вот этот рычажок. Мне, конечно, не сложно, но хотелось бы проверить одну теорию…

Я послушно выполнила требуемое. Под котелком немедленно загорелся огонь, что выглядело очень странно: дров-то там не было!

— Никаких неожиданностей. Жаль! — констатировал

магистр, выждав несколько секунд. — Грейтесь, вам полезно. Кстати, не могли бы вы поделиться своими ощущениями?

— Какими? — не поняла я.

— А любыми! Вот что вы сейчас чувствуете?

Я чувствовала смущение, так как верит Филипп стоял слишком близко. Было в этом что-то неправильное, интимное вроде как. Сразу вспомнилось, насколько близко был Семен, когда я решилась его соблазнить… Моментально нагрелись уши. Хоть бы он решил, что это жар от очага!

— Не знаю, ничего особенного не чувствую, тепло вот… и пахнет приятно, — промямлила я, мысленно уговаривая себя не зардеться окончательно. Тут мне в голову пришла спасительная мысль: — А мне рассказывали, что на факультете Чувства обучались только женщины!

— Так и есть!

— А что же вы тогда… в смысле, вы же… не совсем женщина… — О богиня, мысль оказалась не такой уж и безобидной!

— Какая милая формулировка! — хмыкнул преподаватель. — «Не совсем женщина». Надо запомнить. Тем не менее я понял вашу мысль. Я тут пытаюсь найти ответы на некоторые вопросы. Должен признать — безуспешно. Ведьмы умели хранить свои секреты.

— Ведьмы? — удивилась я. — Мне говорили, что здесь учились ведуньи!

— А это разные названия одних и тех же женщин, зависящие лишь от отношения к ним тех или иных людей. Ведьмы, ведуньи, благодетельницы, разрушительницы, любимицы богинь, лиходейки… Все это про них, умудрившихся получить два дара вместо одного. Или же два проклятия, это, опять же, смотря с какой стороны подходить к вопросу… Но все же мне крайне любопытно узнать, что вы думаете об этом месте?

Я не успела ничего ответить, потому что случилось странное. И страшное. Мои ноги совершенно самостоятельно, против моей воли, сделали шажок, туловище само собой развернулось, и я оказалась лицом к лицу с магистром Кальдероном. Я пыталась отодвинуться, но тело меня не слушалось, как будто меня дергали за ниточки, словно ярмарочную куклу!

Руки сами потянулись к талии и решительно распустили опояску.

И вот тут я скорее всего побелела, потому что кровь в жилах буквально сковал леденящий ужас, и уже никакой жар в очаге не мог его разогнать. Если опояска несет в себе такой глубокий смысл, это ж получается, я сейчас… Мама! Больше всего на свете

мне хотелось потерять сознание, но оно упорно не желало меня покидать. Я так и стояла неподвижно, мысли в панике метались в голове, а голос отказывался повиноваться.

Магистр Кальдерон выразительно изогнул бровь:

— Очень щедрое предложение! Боюсь только, что не ваше.

Мужчина неторопливо нагнулся, и мне каким-то чудом удалось слегка покачнуться, отстраняясь.

— Да не дергайтесь вы так. — Он слегка поморщился. — Я младенцами питаюсь исключительно по вторникам и пятницам, а сегодня, как известно, среда.

С этими словами верит Филипп спокойно вернул оберег на его законное место и затянул концы заботливо сплетенной Сией тесьмы.

— Но намек я понял! — несколько громче и с легкой угрозой в голосе сообщил преподаватель, глядя куда-то поверх моей головы. — Идти можете? — уточнил он, уже всматриваясь в мои глаза.

Вместо ответа я сделала неуверенный шаг в сторону. Кажется, я снова могу распоряжаться собственным телом!

— Чудесно! — Мужчина ожесточенно дернул рычаг, гася огонь, а потом несколько грубо схватил меня за плечо и поволок к выходу. — Полагаю, нам лучше поскорей покинуть это место.

— Но… что… я же… — Голову словно кашей набили.

— Ничего, все хорошо, — безмятежно заявил магистр, ослабляя хватку. Он даже вполне любезно мне улыбнулся, отворяя входную дверь.

— Но вы же не думаете…

— Нет, и вам не советую! Расслабьтесь, вам просто показалось. Угорели с непривычки, — ехидно сообщил мой провожатый. — Сейчас мы выйдем со двора, и я поставлю вам портал в лечебницу. Попросите у верита Грэгори противопростудной микстуры, пожалуетесь ему на жизнь, он человек душевный, он вас пожалеет. А сейчас лучше ротик закройте, пока в него галка, простите, сойка не влетела!

Я задохнулась от возмущения, а магистр расхохотался мне в лицо. И это был тот самый смех, что преследовал меня в ночных кошмарах.

ГЛАВА 21
Рукодельник

Я не верила собственным глазам! Водила пальцем по строке, пытаясь ощупью помочь зрению, и все равно не могла до конца поверить! Мама, мамочка, этого не может быть! Я справилась! Спасибо тебе, Великая Веритассия! Я остаюсь в Академии!

Честно говоря, за время сессии я окончательно уверилась, что не знаю вообще ничего! Меня почти все время пробирала дрожь, я путала слова даже в обычных разговорах с Чеккиной, могла полчаса читать одну и ту же страницу, но в итоге все равно не уяснить ни строчки из написанного. А уж стоило взглянуть на себя в зеркало, как перед глазами вставала сцена у очага в помещении факультета истинного Чувства: мои руки, распускающие опояску, и насмешливо изогнутая бровь магистра Кальдерона. Я так и не сумела понять, что тогда произошло, но одно знала точно: действовать мне пришлось не по своей воле. Наверное, только поэтому я не сгорела со стыда, но все равно испытывала неловкость, и это чувство лишь укрепило мое желание держаться от верита Филиппа как можно дальше.

Экзамены я запомнила очень смутно, в основном какими-то отрывками. Вот у меня так дрожат руки во время сервировки обеда на две персоны, что столовые приборы выбивают дробь по тарелкам и бокалам. Вот во время исполнения менуэта у меня начинает дергаться веко, даже не получается из-за этого смотреть прямо в лицо Питеру. Вот, накладывая макияж для светского раута, я чуть не перепутала меловой карандаш для маникюра с кайалом. Вот на экзамене по литературе я вывалила на преподавателя бесконечный поток слов о поэзии труверов, хотя мне надо было всего лишь кратко пояснить, чем рондо отличается от дескорта.

И тем не менее я как-то умудрилась все сдать! Более того, мне даже назначили повышенную стипендию!

— Да долго ты будешь лупиться в одну точку? Не загораживай, дай другим посмотреть, — злобно прошипел кто-то у меня за спиной.

— Простите! — Я очнулась и поспешила пробиться сквозь толпу студентов, обступивших вывешенные в холле административного здания списки сдавших сессию и отчисленных. Последних, к слову, оказалось много, почти половина поступивших в Академию неофитов.

Вокруг бушевали страсти: кто-то из девочек громко рыдал,

утешаемый подружками, некоторые парни изощренно ругались вполголоса или лупили кулаками по ни в чем не повинным колоннам, были и те, чей сияющий вид вызывал злобные и завистливые взгляды. Я была пока скорее ошарашена, нежели счастлива, но все равно поспешила убраться подальше от разочарованных, чтобы не портить себе настроение.

Выйдя на крыльцо, с наслаждением вдохнула морозный воздух с отчетливым ароматом яблоневого цвета. Никак не могу привыкнуть к этому запаху, нет-нет да ловлю себя на мысли: откуда пахнет весной?

По дорожке размеренно шагал Питер. Радость наконец-то переполнила меня и даже выплеснулась наружу: я слетела с крылечка и бросилась юноше на шею, спеша поделиться восторгом.

— Ты представляешь, я сдала! — заверещала и засмеялась одновременно. Кажется, я его слегка удивила (хотя, учитывая его обычную невозмутимость, наверное, даже сильно удивила), по крайней мере, он в первый момент озадаченно на меня воззрился, впрочем, приобняв за талию. — Я произвожу впечатление настолько недалекой, что ты не ожидал подобного? — Мне стало как-то обидно даже.

— Нет, я был абсолютно уверен, что ты справишься с экзаменами. Не ожидал я столь пылких объятий.

Я поспешно убрала руки с плеч парня, слегка смутившись:

— Извини, это от радости.

— Я понял, хотя предпочел бы менее прозаичное объяснение. — Он, однако, не торопился меня отпускать.

— А ты? Ты как? — забеспокоилась я.

— Как раз иду выяснять. Подождешь минутку?

— Конечно!

Питер наконец-то выпустил меня и поспешно взбежал по ступенькам.

— Я, конечно, отдаю себе отчет, что мое появление весьма несвоевременно, — произнесли у меня над ухом, — но не будете ли вы столь любезны часикам к семи прийти в мастерскую художников? Там можно будет спокойно поговорить о вашем будущем.

По-моему, впервые за прошедшие месяцы я не вздрогнула и не покраснела, услышав голос магистра Кальдерона. Видимо, сказывалась эйфория от успешной сдачи сессии.

— А почему нельзя сейчас поговорить?

— Потому что для этого нужны еще декан Дорэ и мастер Азеведо. А вот ваш молодой человек, к слову сказать, совершенно не нужен.

— Он не молодой человек… не мой… в общем, неважно, я вас поняла. Конечно же, я приду.

— Как это приятно, когда тебя понимают. — Мне показалось, что магистр издевается. — Вы, кстати, уже обдумали планы на каникулы?

— Нет, как-то времени не было.

— Вот до беседы и не стройте никаких планов, пожалуйста, если это вас не затруднит. Спешу поздравить вас с удачным завершением сессии, пусть и впредь Великая Веритассия будет к вам благосклонна! — Мужчина церемонно откланялся и исчез.

— Чего он от тебя хотел? — насторожился подходящий Питер, видимо, успевший заметить преподавателя.

— Звал к Брианде. Так как твоя сессия?

— Прекрасно, я тоже продолжаю обучение.

— Чудесно! Ой, надо же и Чеккине сказать, что списки вывесили. Я не сообразила посмотреть ее результаты…

— Я посмотрел, она тоже остается в Академии.

Я забежала в общежитие обрадовать подругу, а потом мы с Питером пошли гулять в парк.

Здесь было очень хорошо, почти как дома! Только дорожки протоптаны, а так — лес как лес. Вокруг суетилась всякая живность: мелькали беличьи хвостики, чивикали пичужки. Осенью тут было много ежиков, но сейчас колючие шарики уже видели десятые сны, дожидаясь прихода весны.

Питер, по обыкновению, держал меня за руку, хотя споткнуться на абсолютно ровной тропинке было сложно.

— Ты каникулы где собираешься провести? — спросил парень, когда мы уже до ручья добрались.

— Пока не знаю, хотелось бы домой отправиться, но не уверена, что получится. А ты?

— На Новогодье точно к своим подамся. Фея… А ты была когда-нибудь на Севере?..

— Конечно! Я живу на севере, если ты забыл!

— Нет, на самом Севере, там, где заканчиваются земли богов и начинается бесконечность холодного океана?

— А! Тогда ответ отрицательный — нет, не была. Я вообще почти нигде не бывала: только в Пеньковском уезде и в Веритерре.

— Хочешь побывать?

— Даже не знаю… Как-то не задумывалась никогда.

— А если я тебя приглашу туда съездить?

— Куда? — Я наконец-то оторвалась от изучения заиндевелых травинок, склонившихся над ручьем, и изумленно уставилась на Питера. Мне показалось, что богатырь слишком

напряжен, словно боится чего-то. Вон как челюсти сжал.

— Ко мне в гости. Точнее, к моей семье.

— Да ну, что ты! Неудобно как-то. — Я даже смутилась от такого предложения. Мне и к Чеккине-то неловко было ехать, хотя она меня уже месяц уговаривала, а тут — к Питеру. Он же мне не жених, чтобы вот так запросто к его родне отправляться.

— Не знаю, о чем ты подумала, но у меня есть мать, тетка и сестра, так что ничего непристойного я не предлагаю. — Мне послышалось, или он правда зубами скрипнул?

— Нет, конечно, я и не думала, будто ты предлагаешь что-то недостойное, — поспешила успокоить парня. — Мне просто редко доводилось бывать у кого-то в гостях, я боюсь что-то не то сделать и очень стесняюсь незнакомых людей, особенно когда их сразу много. Ты не представляешь, как я волновалась перед отправкой в Академию! Я и к Чеккине из-за этого все отказываюсь ехать. Извини, если обидела.

— Я тебя понял. Но, может быть, все же подумаешь над моим предложением? У нас очень красиво зимой: все небо переливается разноцветными огнями. А мои родные — гостеприимные люди, они будут рады тебе, обещаю.

— Питер, я в любом случае не могу пока дать тебе никакого ответа! Сегодня вечером мне должны передать кое-какие известия, только после этого я смогу решать, где проводить каникулы.

— Хорошо. Сегодня я в любом случае не уеду. Но, надеюсь, завтра ты сможешь сказать что-то определенное?

— Думаю, что да. — Мой ответ прозвучал уверенно, хотя душу и грызли сомнения: вдруг декан Дорэ все же посадит меня под замок?

Когда я к указанному часу явилась в мастерскую, кроме Брианды, там никого не было.

— Фея! — вскрикнула художница вместо приветствия, что-то энергично растирая по столу. — Я уже думала, что ты вообще никогда не придешь! Неужели поверила, что я пыталась тебя отравить?

— Здравствуй, Брианда! Нет, декан Дорэ объяснил мне, что ты весь день была здесь, а кто-то просто воспользовался твоей внешностью.

— Хотела бы я на этого «кого-то» посмотреть! — фыркнула блондинка, ополаскивая руки в тазу. — Надеюсь, ты не забыла, что мы еще не закончили? Сейчас же распускай волосы и вставай на прежнее место! С тобой же просто невозможно работать! Ты неуловима!

— А… магистр Кальдерон сказал, что у вас с ним и деканом

Дорэ есть ко мне какой-то разговор… — Мне совершенно не хотелось стоять на ярко освещенном помосте на глазах у мужчин.

— Совместим приятное с полезным! — отрезала художница, вытаскивая из-под стола все тот же кусок зеленого бархата. — Так, ты сама встанешь, или мне тебя гвоздями к полу прибивать?

У нее так полыхали глаза, что у меня не было никакой уверенности, шутит собеседница или на полном серьезе угрожает.

Когда появились декан с магистром, я уже успела изрядно устать. Брианда же была весьма довольна и даже что-то напевала себе под нос.

— Могли бы и попозже прийти, вы отвлечете Фею, а у нее такое чудесное выражение лица! — сварливо заявила девушка, не забывая возюкать кисточкой по полотну. — И не подходите ко мне, я в ударе!

Мужчины синхронно заулыбались, потом магистр ушел куда-то за мольберты, а декан устало опустился на ближайший стул и окинул меня заинтересованным взглядом:

— Должен признать, что ты умеешь видеть красоту, Брианда.

— Еще бы! — язвительно парировала художница. — Это только мужланы ничего не замечают, пока им не сунут под самый нос, желательно на блюдечке с голубой каемочкой. Ну, декольте с голубой ленточкой тоже подойдет.

— Сдаюсь, сдаюсь! — примирительно поднял руки Дорэ. — Тебя все равно не передерзишь, а я и без ругани устал как собака. Итак, перейдем прямо к делу. Мы до сих пор не знаем, кто стоит за нападениями. Верита Ролло, вы понимаете, что в сложившихся обстоятельствах вам лучше не ездить на каникулы домой? Ваша семья живет слишком уединенно, там вас очень легко подстеречь и организовать несчастный случай.

— Да, верит декан.

— Прекрасно. Но в Академии на каникулах также почти никого не останется. Тут, конечно, безопаснее, чем у вас дома, но раз у того, кто прислал вам отраву, есть доступ на территорию, значит, здесь от него не спрятаться. По крайней мере, если не закрывать вас в лечебнице. Вы же этого вряд ли желаете?

— Совсем не желаю, верит декан.

— В таком случае… Брианда! — позвал мужчина, но художница не откликнулась. — Брианда!

— А? — Девушка высунулась из-за мольберта, несколько рассеянно глядя на декана. — Ах да! Фея, я приглашаю тебя на каникулы к нам в гости. У нас много свободных комнат и тебе там будет комфортно и безопасно.

— К вам — это к кому? — с трудом выговорила я помертвевшими губами.

— К нам с Филом. Мы живем в предместье Веритерры.

— Нет! — в ужасе выпалила я. Не смогла удержаться и стрельнула глазами в ту сторону, куда ушел магистр, но, к счастью, увидела лишь мольберты. Наверняка я залилась бы краской, если бы встретилась взглядом с преподавателем и тем самым выдала бы все Брианде.

— Почему сразу такое категоричное «нет»? — изумилась художница. — Ты сомневаешься в моих талантах домохозяйки? Правильно делаешь, но для этого у нас есть прислуга и домоправительница, которая великолепно справляется с ведением хозяйства в наше отсутствие!

— Нет, прости, Брианда, я ничего такого не имела в виду, — начала оправдываться я. Мой отказ и впрямь был очень грубым и резким, а девушка же не виновата, что я все время позволяю себе запретное с ее женихом. — Просто… я не хочу вас обременять. Вы же меня почти не знаете! Нет, правда… я очень вам благодарна за приглашение, признательна за заботу, но я не могу так.

Пока я лепетала, художница вышла из-за мольберта и внимательно изучала меня, уперев руки в бока:

— Ты чего-то панически испугалась, но я никак не могу понять, что такого ужасного может быть в моем предложении… Даже с точки зрения самых строгих норм морали ты спокойно можешь погостить у подруги… Меня ты не боишься, — рассуждала девушка, покусывая кончик кисти, — остается Фил… Фил, чем ты так напугал бедное дитя?

— Пообещал выпороть хворостиной! — донесся откуда-то справа голос магистра.

— Как мило! — восхитилась Брианда. — Знаешь, Фея, я тебе могу поклясться, что если бы он счел нужным выпороть — он бы это уже сделал! Так что можешь расслабиться. Кстати, а что такого ужасного умудрилась натворить наша несговорчивая гостья?

— Почти прямиком из лечебницы побежала ловить птичек в здании факультета истинного Чувства. — Верит Кальдерон наконец-то появился в поле моего зрения. Он встал за спиной декана, сложив руки на груди. Сам верит Дорэ все это время молча сидел, разглядывая меня со странным выражением лица, будто какое-то удивительное насекомое. Причем у меня не было никакой уверенности, что я для него представляла неизученную разновидность бабочки, а не таракана.

— Потрясающе! — резюмировал декан. — Так-то вы выполняете свои обещания. Кстати, Фил, ты воспользовался случаем?

— Ну, разумеется.

— И что?

— Если бы результат был, ты бы о нем уже знал.

— Вдвойне обидно. — Декан откинулся на спинку стула и сцепил руки на животе. — Неофит Ролло, мне уже порядком надоели ваши выходки и капризы. Поверьте, лично для меня проще всего засунуть вас в лечебницу и забыть о вашем существовании на все праздники. Чем вас не устраивает приглашение в гости к мастеру Азеведо?

— Верит декан, мне очень жаль, что так вышло, я не хотела нарушать данное вам обещание, но был Сойкин день, и сойка позвала меня туда… — Судя по лицам присутствующих, в соек-вещуний они не верили.

— Сумасшедший дом! — подтвердил мои мысли декан. — Не испытывайте мое терпение, неофит Ролло! Еще раз внятно, четко, по существу: чем вас не устраивает приглашение?

— Я не могу его принять! — Я готова была разреветься от бессилия. С глазу на глаз, может, я бы еще как-то сумела объяснить все декану, и то не уверена, но вот так запросто высказать при Брианде, что приставала к ее жениху… нет, у меня язык не поворачивался. Она же мне ничего плохого не сделала, а я вела себя просто по-свински. Да, в последний раз против воли, в прошлый раз — сама не знаю как, но в первый-то раз я же сама хотела поцеловать магистра Кальдерона…

— Почему?! — рявкнул верит Дорэ, теряя терпение.

— Тихо, бедный ребенок сам не свой! — вмешалась художница, на которую крик декана явно не произвел впечатления. — Так, Фея, мы отвлеклись от дела, ну-ка, быстро встань как надо. — Девушка вернулась к мольберту. — Вот, хорошо, смотри прямо. Я тоже не могу понять, что тебя гложет, но давай подумаем вместе, есть ли у тебя альтернативы. Куда еще ты можешь отправиться на каникулы, кроме родного дома?

— Ну, меня Франческа уже месяц уговаривает к ней поехать… и Питер сегодня в гости звал.

— Франческа — это твоя соседка? Франческа Сеньорини?

— Да.

— А Питер — это тот сын Севера, верно?

— Да, ты его уже так называла.

— Питер Брант, — подал голос магистр Кальдерон.

— Я против, — заявил декан. — Это ненадежно: соседка — предсказуемо, к тому же это очень известная семья, у них открытый дом, там устроить ловушку не составит особого труда. Сложнее, конечно, чем при полном отсутствии людей вокруг, но все равно задача довольно легкая. Северные народы — уже лучше, но про Брантов я мало знаю. Это менее очевидный ход,

плюс любой чужак будет на виду, но никаких гарантий нет. У вас надежнее.

— Еще надежнее — сразу посадить девочку на цепь в подвале! — фыркнула Брианда. — Ты же видишь, к нам она почему-то не хочет. Мы же не можем ее заставлять. Это ее жизнь, в конце-то концов.

— К Питеру я тоже не хочу, — осмелилась вставить я.

— Вы не ищете легких путей, верита Ролло, как я погляжу! — всплеснул руками декан. — У меня тоже появляется желание применить к вам методы физического воздействия, может, хоть так вы поймете, что речь идет о вашей жизни, а не о пропущенной вечеринке.

— У Сеньорини должен быть Шарло… — заметила художница.

— Эпопт Демар? А ты откуда знаешь? — сверкнул глазами Дорэ.

— Он мне сам сказал, — невозмутимо ответила девушка. — Может, имеет смысл с ним пообщаться?

— Он всего лишь фигляр, хотя и знаменитый. — Декана аж перекосило.

— Фигляр не фигляр, но он очень талантлив и многое умеет, — парировала Брианда.

Я стояла, слушала все эти разговоры, и мне вдруг стало ужасно стыдно. Да, декан не был со мной особо любезен, но он ведь беспокоился о моей безопасности. Брианда и магистр Кальдерон готовы были терпеть дома малознакомого человека, чтобы мне не пришлось провести праздники взаперти, хотя наверняка у них нашлось бы множество гораздо более интересных дел, нежели присматривать за тем, от кого одни проблемы. Возможно, если я стану упираться и дальше, новогодье будет испорчено и у Шарля Демара, и у Чеккины. Зачем же доставлять всем столько неудобств, если можно все сделать проще?

Мне, разумеется, совсем не хотелось сидеть в лечебнице все каникулы, тем более что там меня может поджидать обладатель сиплого голоса, но Брианда абсолютно права — жизнь-то моя. Неужели мне собственная безопасность дорога меньше, чем всем этим людям? Неправильно это.

Дождавшись паузы в споре, я поспешила вклиниться:

— Я согласна! Пусть будет лечебница. Только… можно мне туда книжки из библиотеки взять? Не хотелось бы терять время на каникулах, я и так очень дурно образованна.

После моих слов повисла тишина. Первой пришла в себя художница:

— Фея, ты уверена? Может, лучше все-таки к нам? У нас

отличная библиотека, а если потребуются учебники, можем взять с собой.

— Спасибо, Брианда! — уже совершенно искренне поблагодарила я. — Но я не хочу никому мешать. Пусть будет лечебница. Там ведь безопасно?

— Абсолютно, — удовлетворенно кивнул декан Дорэ.

Мне жутко хотелось спросить про голос, но я не знала, к чему такой вопрос приведет. Вдруг и лечебницу сочтут недостаточно надежным убежищем и действительно запрут в каком-нибудь подвале?

ГЛАВА 22
Инесей

Мне выделили самую большую палату, заменив одну из коек письменным столом. Позволили даже прогуливаться во дворе, но только в сопровождении кого-либо из магов, имеющих доступ в лечебницу. Как я поняла, на время каникул пациентов здесь не осталось, но постоянно присутствовал дежурный лекарь. Еду мне приносили прямо в палату. Верит Грэгори, который дежурил чаще остальных, очень переживал, что мне приходится большую часть суток куковать в одиночестве под замком, а потому всегда старался развлечь меня разговорами и побаловать чем-нибудь вкусненьким. Он вообще производил впечатление очень доброго человека, хотя и легко поддающегося эмоциям.

С Бриандой мы виделись каждый день. Она решила не упускать случая и закончить картину. Я не возражала против сеансов, тем более после утомительного позирования в художественной мастерской девушка водила меня в библиотеку, где позволяла брать все, что душе угодно. Гулять она меня тоже звала, но установилась морозная погода, так что парк и ботанический сад как-то не особо прельщали. В наших краях об эту пору и вовсе птица на лету замерзает, а уж что творится на родине у Питера — даже представить страшно!

Друзьям я сказала, что праздники проведу у родни в предместье столицы. Даже сообщила, где именно. Судя по всему, там жили как раз Бриана с магистром Кальдероном. Врать было противно, но декан Дорэ заставил меня растрезвонить как можно большему количеству народа о своих предполагаемых планах. Уж не знаю, чего он этим хотел добиться.

Сиплый голос меня пока не беспокоил, зато изводили навязчивые сновидения. Каждую ночь, стоило лишь закрыть глаза, я видела лицо верита Филиппа. После бала он мне ни разу не снился, я даже стала забывать о тех ужасах с его участием. Сейчас кошмаров как таковых не было, просто каждую ночь ко мне во снах являлся чужой жених. Что с этим делать, я совершенно не понимала!

Он ведь даже и не красив, и старше меня раза в два, наверное, и никогда мне ничего такого не говорил, чтобы я могла голову потерять, только подтрунивал да посмеивался. Да, он был первым мужчиной, которого мне захотелось поцеловать, но я тогда и знакома с ним не была, а просто перепутала сон с явью. Одно время у меня разрывалась грудь от боли, стоило лишь

представить, как он нежно обнимает Брианду, но в этом, как я поняла из подслушанного разговора, был повинен опасный артефакт. Да, я тогда умудрилась отчебучить что-то непотребное, но вряд ли оно было более непристойно, нежели сделанное мною у очага факультета Чувства. И ведь я очень хорошо помню тот момент, когда развязывала опояску: не было у меня тогда желания соблазнить магистра! Не было, точно говорю! Мною кто-то управлял, хотя и не знаю зачем!

А вот теперь я никак не могу выгнать образ верита Кальдерона из своих снов. Я уж и ложилась как можно позже, и думала на ночь о ком угодно, только не о нем: вспоминала и сильные руки Питера, и горячие губы Семена, и даже искрящиеся на солнце глаза Шарля Демара — все впустую! Каждое утро я снова мерила шагами палату, стараясь обуздать желание побиться головой об стенку, повторяя, словно молитву: «Он жених Брианды, он жених Брианды, он жених Брианды…» Неужели вот это наваждение и есть любовь, о которой так мечтают девушки? Но ведь это совсем не похоже на то, что описывают в книгах! Да я вообще, кроме раздражения, уже ничего в адрес магистра не чувствовала! Но из снов его прогнать все равно не получалось, хоть тресни!

Сегодня Брианда приволокла в мастерскую здоровенную коробку, которую прислонила к стене в углу. Мне стало до жути любопытно, что там, но задавать вопросы я, как обычно, постеснялась.

Девушка нынче была особенно взвинчена и постоянно меня шпыняла. Я уже успела понять, что художница особым образом сосредотачивается на работе и просто перестает адекватно воспринимать окружающих, когда поглощена творчеством, потому не обижалась на подобную манеру общения, но в этот раз блондинка прямо рвала и метала.

От сеанса я устала так, словно он длился раза в три дольше, чем обычно. С трудом сползла с подиума и вяло приступила к разматыванию бархата.

— Ну как, хочешь первой увидеть, что получилось? — на удивление довольным голосом позвала Брианда.

— А что, уже все? Ты закончила? — поразилась я. Мне-то, наоборот, показалось, будто у художницы все идет из рук вон плохо.

— А ты как думала! Скажу без ложной скромности — это шедевр! — Кажется, девушка вот-вот примется мурлыкать, словно сытая кошка.

Я наконец-то сумела избавиться от накидки и подошла к

картине. Не знаю, что я ожидала увидеть, но точно не это! Кажется, все мои чувства разом сошли с ума и пустились в пляс.

На холсте была изображена женщина, осматривающая реку с крутого берега. Она стояла спокойно, даже расслабленно, хотя положение рук, головы и тела четко повторяло ту неудобную для меня позу, которую строго заставляла держать Брианда. На женщине было зеленое платье, изумительно красиво облегающее фигуру. Я даже на мгновение перевела взгляд на скинутую только что тряпку: неужели вот это нагромождение складок выглядело так? У незнакомки были мои волосы, но на этом сходство заканчивалось. У той, что на картине, были огромные сияющие глаза, в которые хотелось нырнуть, как в омуты, нежные щеки и прелестный точеный носик, а еще от нее исходило сияние! Наверное, если бы я была мужчиной, я бы влюбилась с первого взгляда. А самое удивительное, что женщина была совсем-совсем живая! Она нежно улыбалась, и до меня долетал звук ее смеха, ветерок шевелил складки на подоле платья и играл длинными волнистыми волосами, от красавицы пахло цветами, росистым утром и парным молоком. Мне даже захотелось дотронуться до ее мягкой теплой кожи. Я уже приподняла руку, но тут голова закружилась, и я чуть не упала.

— Ой, тихо-тихо! — Брианда успела схватить меня за плечо и подтолкнуть в сторону стула, на котором я и обмякла. — Извини, я совсем упустила из виду, что ты неофит, защиты как таковой не имеешь, а полотно еще слишком сильно эманирует. Все, больше пока не смотри.

— Что это было? — пролепетала я, стараясь избавиться от наваждения: до меня все еще доносился легкий смех, а аромат молока дразнил обоняние.

— Это то, за что произведения магов с даром Искусства и ценятся столь высоко: пробуждение в душе зрителя, слушателя или читателя самых лучших чувств и самых приятных воспоминаний. Мы вкладываем силы в облагораживание людских натур! Впрочем, конкретно у тебя и так все благородно до невозможности.

Знала бы она… Но я поспешила прервать подобное течение мыслей:

— А кто это?

— В смысле? — Мой вопрос, кажется, изумил Брианду донельзя.

— Ну, ты же изобразила кого-то конкретного? — Судя по всему, художница меня все еще не понимала. — Может быть, я ошибаюсь, но, наверное, так должна выглядеть Прекрасная Аморита.

— Ну и самомнение у тебя, однако! — фыркнула девушка. — Нет, я не пыталась изображать ничего эпического. Это просто ты в типичном сельском пейзаже.

— Я?! — Вот теперь пришел мой черед изумляться. — Да у нее от меня только волосы и поза такая же, в которой я стояла, а больше ничего общего!

— Это что, издевка или оскорбление? — моментально ощетинилась Брианда. — Я что, по-твоему, даже с портретным сходством справиться не могу, да?

— Что ты, я не сомневаюсь, что ты великолепно рисуешь, я такой красоты в жизни не видела! Но она же… да вот именно: она — красавица, а я — обычная. У меня и глаза не такие яркие, и фигура не такая стройная, и нос куда толще! И вообще: я бледновата, а от нее глаз невозможно отвести. Я даже с косметикой на лице так не выгляжу! Это… как его… художественное преувеличение, вот!

Девушка почему-то смотрела на меня с жалостью:

— Беру свои слова обратно! Нет у тебя никакого самомнения, тебе вообще самооценку кто-то так уронил, что она под плинтус закатилась. Интересно, кто ж с тобой так?

— Что? — Я растерянно моргала, совершенно не поспевая за мыслями собеседницы.

— Неужто в твоей деревне нашелся идиот, который тебя бросил?

— Куда бросил?

— В терновый куст! — захохотала художница. — Ну, разбил сердце, отверг или как там обычно пишут в романах. Ты, конечно, говорила, что кавалеров у тебя не было, но я в это никак поверить не могу.

— Нет, не было, честное слово! И никто мне ничего не разбивал. Но я же правда в зеркале совсем другое лицо вижу! Ну что ты смеешься?

— Ой, не могу! — Брианда уже оперлась о стол, продолжая ухохатываться. — Ой, рассказать кому — не поверят! С такими данными она сидит и комплексует! — Девушка утерла выступившие слезы. — Слушай, чудо в перьях, ты же этими черными тряпками себя просто убиваешь! Я понимаю, с мантией ты ничего поделать не можешь, но ведь и платье, как специально, вечно таскаешь такое, что его содрать хочется! Но даже в черном, который тебе совершенно не к лицу, ты все равно красавица, а уж если правильные цвета подобрать, вот именно так, как на картине, ты и будешь выглядеть!

Я только рот беззвучно открыла, а потом обратно закрыла, продолжая неверяще смотреть на художницу.

— Так, я хотела подождать до Новогодья, но выдержать этот олений взгляд просто не могу! Иди сюда, будем на тебе эксперимент проводить! — Девушка настойчиво потянула меня за руку.

— К-какой? — Мне сразу стало неуютно. От слова «эксперимент» ощутимо веяло чем-то нехорошим.

— Попробуем сделать из серой мышки прекрасную бабочку!

— Бабочки из гусениц получаются, а не из мышек, — назидательно сообщила я.

— А мы сделаем из мышки! Маги мы или не маги? — подмигнула Брианда. Не давая опомниться, она быстро потащила меня в угол, где стояла загадочная коробка. — Раздевайся!

— Зачем? — окончательно струхнула я.

— Сейчас же раздевайся, не то порву платье! — топнула ногой художница.

Я обреченно вздохнула и начала снимать одежду.

— Нижнюю рубашку тоже долой! — велела моя мучительница. Я попыталась было возразить, но девушка не стала слушать и быстро содрала с меня исподнее. — А теперь глаза закрыла и не подглядывай, иначе ты у меня вместо бабочки в жука-навозника превратишься!

— Не надо! — взвизгнула я.

— Цыц! Зажмурься, я сказала!

Я поспешно прикрыла глаза ладошками. Кто их разберет, этих истинников, может, она не шутит!

— Так, руки от лица убери! — скомандовала Брианда и начала на меня что-то натягивать. По ощущениям — ткань, и очень приятная. Возилась со мной художница довольно долго, я уже все губы искусала, пока меня облачили в несколько слоев каких-то материй, потом больно стянули волосы на затылке, а на грудь положили что-то ледяное. Я даже вскрикнула от неожиданности.

— Тихо, уже почти готово! — шикнула блондинка, что-то пальцами трогающая у меня на шее. — Так, теперь два шага вправо! — Меня потянули за руку в нужном направлении. — Смотри!

Я сразу распахнула глаза пошире, но не сразу поняла, что увидела!

Передо мной стояла девушка в платье из плотной поблескивающей ткани того оттенка желтого, какой бывает у лепестков девясила. Фасон немного напоминал наряды Чеккины, разве что рукава попышнее да вырез не столь глубокий, и тот прикрыт почти полностью роскошным ожерельем с цветами и бутонами, собранными из желтоватых камней. Золотистые волосы

незнакомки были собраны в какую-то непонятную куафюру вроде конского хвоста. Но самое странное, что лицом она изумительно походила на женщину с портрета! Те же нежно-розовые щечки, тот же теплый тон кожи, глаза чуть посветлее, но все равно огромные.

Я перевела взор вниз и оглядела себя: тело облепила блестящая желтая ткань. Вскинула голову и протянула руку к незнакомке. Пальцы коснулись холодного стекла.

— Это… Это зеркало! — вскрикнула я, пораженная открытием.

— Естественно, — фыркнула Брианда. — А ты чего ожидала — иллюзию? Правда, отлично сидит? Как на тебя шито!

— А… — я все никак не могла справиться с удивлением, оглаживая странную материю, — а почему сейчас я похожа на портрет, а обычно не похожа?

— Я же тебе пятнадцать минут назад все объяснила! Потому что ты носишь дурацкое платье, которое тебе совершенно не идет! Вот это — твой цвет! Даже подкрашиваться не обязательно. Волосы в локоны уложить, и все умрут! Пойдешь в нем на маскарад! — С этими словами художница приложила к моему лицу небольшую масочку из той же ткани. — Это мой тебе подарок на Новогодье.

— Брианда, что ты, это очень дорого, я не могу принять такой подарок!

— Глупости! — отмахнулась девушка. — За твой портрет я планирую выручить гораздо больше. Так что прекрати нести чушь!

— Брианда, ты не понимаешь: да одни бусы стоят наверняка больше, чем весь наш дом!

— Сомневаюсь, но даже если так — радуйся! Украшение, кстати, не от меня.

— А от кого?

— Ну, от кого я могу передать тебе подарок? От Фила, разумеется.

Я дернулась так, что чуть не упала. Пальцы сами ухватились за каменные цветы, но я вовремя спохватилась, что могу испортить дорогую вещь.

— Нет! Брианда, это невозможно! Как оно снимается?

— Тьма и хаос! Колье-то тебе чем не угодило? Еще скажи, что некрасивое! — Кажется, девушка начала злиться не на шутку.

— Да пойми же ты, — взмолилась я, — не могу я принять такой дорогой подарок от постороннего мужчины! Нельзя!

Художница картинно воздела руки и возвела очи горе:

— Богиня, дай мне сил вынести капризы этой неблагодарной

девчонки! Вот теперь уже и я хочу взять хворостину и вздуть тебя хорошенько! Что это за страшное место, в котором ты выросла? Вы там что, каждый раз скрупулезно высчитываете, кто кому на сколько медяков подарок купил?

— Нет, конечно, но мы такое и не дарим, это ж не крынка молока!

— А в чем разница? Каждый дарит что может и что хочет!

— Бриандочка, ну как же тебе объяснить, такие вещи только от жениха принимать можно!

— Это тебе кто сказал?

— Ну… — Я даже растерялась. — Впрямую никто, но это все знают! Что солнце всходит на востоке, мне вроде бы тоже никто не говорил, но это же так!

Кажется, девушка искренне заинтересовалась:

— И что же включено в список допустимых подарков?

— Да нет никакого списка, просто все с малых лет знают, что и кому можно дарить. — Почему с этими горожанами так сложно разговаривать?

— Хорошо, давай по порядку: букет полевых цветов можно?

— Да.

— А крынку молока?

— Да.

— А коробку конфет?

Я замялась:

— Не знаю…

— Как же так?

— Ну, у нас такое не дарят…

— А драгоценности дарят?

— Нет.

— Так о чем спор? У вас это не принято, а тут — запросто! И вообще, отучалась бы ты уже от этих провинциальных замашек! Всех поклонников с таким подходом распугаешь!

— Было бы кого пугать, — обреченно произнесла я. Кажется, Бриана опять одержала верх: я уже и сама себе не могла объяснить, почему неприлично принимать такие подарки.

— Так все уже сделано за тебя!

— Что ты имеешь в виду? — Мое отражение весьма глупо захлопало ресницами.

— Твой ненаглядный сын Севера отпугнет кого угодно без посторонней помощи.

— О чем ты? — все никак не могла уразуметь я.

— Да ты же везде ходишь в обнимку с этим своим Питером! Это я знаю, что ты его воспринимаешь только как друга, а остальные считают, будто место занято!

— Какое место?

— В твоем сердце, дурочка!

— Подожди, ты хочешь сказать, что все думают, будто Питер — мой кавалер?

— Дошло наконец-то! — Брианда подняла одну бровь, и эта гримаска моментально напомнила мне магистра Кальдерона.

Я мотнула головой, чтобы избавиться от наваждения:

— А… это разве плохо, что у девушки есть поклонник?

— Смотря для чего! — развела руками художница. — Если он тебе нравится, тогда все просто прекрасно. А вот если ты предпочитаешь кого-то другого, тогда ты выбрала излишне мужественного друга. Сын Севера одним взглядом убьет любого, кто попробует к тебе приблизиться.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Как все сложно, — в очередной раз вырвался из моих уст стон.

ГЛАВА 23
Вторая братчина

Я лежала в постели, в очередной раз пытаясь разобраться в себе. Подарки от Брианды и магистра Кальдерона я в итоге все же приняла, но если насчет платья совесть моя была чиста и спокойна, то против колье все в душе восставало. И я никак не могла понять, что именно меня так сильно смущает!

Вот платье: как по мне — это тоже очень дорогое подношение, но, во-первых, от подруги, во-вторых, вроде бы как за помощь, хоть и призрачную. Украшение же стало полной неожиданностью! Мне действительно никто никогда не говорил, что нельзя принимать в подарок драгоценности, но у нас в округе их просто никто никому не дарил: ни у кого не было таких денег! Возможно, Брианда права, и в столице подобное в порядке вещей: магистр, как я поняла, — сильный маг, а значит, наверняка богат, он, может, по пять раз в неделю девушкам что-то подобное дарит. Но с чего вдруг мне-то? Я ему никто и звать никак.

Конечно, лестно было бы думать, что взрослый состоятельный мужчина сражен страстью (матушка бы точно такого жениха одобрила), но у него есть Брианда. Разумеется, я не очень хорошо (да что там: просто плохо) разбираюсь во взаимоотношениях, но ничто в поведении верита Филиппа не указывало на какие-то чувства ко мне. Хотя еще летом я бы поклялась, что и Семен ничего такого в мой адрес не испытывает, а поди ж ты!

С другой стороны, как раз от Семена я и приняла в дар заряницу, а ее-то уж точно только от жениха принимать можно! Тогда я, помнится, тоже колебалась, но не хотела обижать парня. Магистра мне обижать, опять же, совсем не хочется, но в голове так и свербит мысль, что такую драгоценность от чужого жениха принимать никак нельзя. Хотя сама Брианда, кажется, совсем не против. Может, у них тут и впрямь гораздо меньше значения придают таким вещам? А может, все из-за этих проклятущих снов? Так ни магистр, ни Брианда не виноваты, что мне постоянно чужой суженый во снах является.

Эх, если бы у меня была возможность что-нибудь подобное в ответ подарить, тогда бы все стало проще. Но у меня ничего нет. Для Брианды-то я заранее приготовила широкую ленту кружева с зубчатым краем! Из таких в столице было модно воротники к дамским платьям делать. Кружево сильно крахмалилось, чтоб стоймя стояло, и окружало шейку прелестницы изящной стеной.

Брианде, с ее гордо вскинутой головкой, такой ворот подходил как нельзя более. А про подарок магистру я тогда даже и не думала.

Единственное, что я могла быстро сделать, — это кружево. В мужской одежде оно только на манжеты сгодится. Батюшке я плела всегда на праздничную рубашку. Ну и магистру сплела попышнее. Эти тряпочки, конечно, даже рядом не лежали с каменными цветами, но лучше хоть такой подарок, чем вообще никакого!

Брианду я в тот день попросила заглянуть завтрева хоть на минутку, мол, я ей тоже подарочки передам. Девушка еще тогда удивилась, где же я их возьму, не выходя из лечебницы, но я только улыбнулась в ответ.

Будущий воротник художнице очень понравился, обещала прям на платье, выбранное для Новогодья, и пристроить. У них прием намечался, вроде бала, но поменьше, так она и меня все уговаривала присоединиться, но тут я была непреклонна: еще не хватало людям праздник портить! Теперь вот лежу, а сна ни в одном глазу.

Снова запутавшись в мыслях о том, какие подарки принимать прилично, а какие — нет (и почему нам на этикете все про вилки с ножами талдычат, нет бы про полезное что рассказать), я со зла ткнула кулаком подушку, и тут раздался негромкий стук в дверь палаты. Время близилось к полуночи, об эту пору по гостям просто так не ходят. Я сразу перетрухнула: что за беда стряслась? Поспешно хлопнула в ладоши, невольно сощурившись из-за вспыхнувшего света, села на кровати, подтянув одеяло повыше, и испуганно предложила:

— В-входите!

Открылась дверь, и на пороге возник мой извечный кошмар. Магистр Кальдерон, кажется, был удивлен не меньше моего:

— Вам что, нездоровится? — тут же спросил он вместо приветствия.

— Нет, я совершенно здорова, а что случилось?

— Да, в общем-то, ничего… Прошу прощения за вторжение, я никак не ожидал, что в такую ночь вы столь рано ляжете спать. Загадывание желаний и все такое…

— Нет, я не спала, просто лежала. Если вы подождете минутку в коридоре, я оденусь. — Ну, не просто же так он сюда притащился посреди ночи. Значит, что-то все же случилось! Хорошо хоть, не очень страшное, иначе бы сразу сказал.

— Разумеется. — Мужчина слегка поклонился и вышел, а я поспешно натянула платье.

Уже одетая, открыла дверь и пригласила магистра.

— Еще раз прошу меня извинить, верита Феодоссия!

— Да не за что! Лучше скажите, что произошло?

— Да как вам сказать: Новогодье!

— И что? Оно каждый год бывает в это время.

— Вы удивительно спокойно относитесь к этому событию. — Теперь уже и магистр разглядывал меня, словно подозрительное насекомое в тарелке.

— А есть повод для беспокойства? — Мало того, что мне было неуютно под таким изучающим взглядом, я еще и никак не могла взять в толк, чего от меня ждут.

— Ну, многие сильно переживают, что не успели загадать желание в полночь.

— Я даже не знала, что в столице есть такая традиция. — Мне лишь плечами пожать оставалось. — У нас за полночь только летние праздники затягиваются, а зимой мы стараемся лечь пораньше, чтобы не тратить зря лучину и свечи.

— Виноват. Не принял во внимание специфику региона! — магистр приложил руку к сердцу. Почему-то мне опять показалось, что он издевается. — Но, раз уж я здесь, хочу уточнить: вы не передумали сидеть весь праздник взаперти? Может быть, соблаговолите принять наше с Бриандой приглашение и повеселиться в хорошей компании?

— Благодарю вас за любезное приглашение, магистр Кальдерон, но я же никого там не знаю, кроме Брианды, а она будет занята обязанностями хозяйки дома. В итоге я буду чувствовать себя неуютно в незнакомой компании, а ваших гостей может смутить присутствие постороннего человека. Думаю, всем будет лучше, если я останусь здесь.

— Что ж, не смею настаивать! Но поскольку я некоторым образом причастен к вашему вынужденному заточению, совесть не позволяет мне полностью лишить вас праздника. — Магистр подошел к тумбочке, что-то там сделал, и на пустой до сего момента поверхности возник поднос с разными плошками, одиноким прибором и бутылкой. — Надеюсь, угощение придется вам по вкусу. Полагаю, что вино лучше мне открыть, сами вы вряд ли справитесь с этой задачей.

— Право, не стоило беспокоиться. — Мне опять стало стыдно: человек вот старался меня порадовать, а я к его действиям с таким предубеждением.

— Никакого беспокойства, что вы! Брианда в полном восторге от ваших талантов, — светским тоном продолжил мужчина, наполняя бокал светлым напитком, — говорит, что такого красивого кружева еще не видела.

Я метнула быстрый взгляд на руки Филиппа: манжеты у

рубашки были гладкими, без каких-либо украшений. Тем проще:

— Магистр Кальдерон, простите меня, пожалуйста, заранее, но… Я совершенно не хочу вас обидеть, но мне неловко принимать такой дорогой подарок. Я премного благодарна вам за внимание, но у нас такое не принято, хотя я понимаю, что столичные обычаи отличаются от наших…

— Вы о вине? — Ну вот, опять он одним движением брови сумел дать мне понять, что я полная идиотка.

— Нет, я о колье. Оно безумно красивое, но я никак не могу его оставить себе, хотя Брианда и говорит, что здесь такие подарки в порядке вещей. — Я метнулась к столу и протянула магистру бархатный футляр. — Заберите его, пожалуйста, мне так будет гораздо спокойнее.

И тут мой персональный кошмар неожиданно улыбнулся. Вот просто взял и спокойно так улыбнулся. Никакого хохота, никакой издевки — приятная улыбка! Она даже хищные черты лица мужчины сумела смягчить.

— Колье! Как же это я запамятовал! — Он аккуратно взял коробочку и открыл крышку. В этот момент я была готова дать руку на отсечение, что он впервые видит украшение! Очень уж тщательно мужчина изучал содержимое футляра.

— Так это что, не от вас? — неуверенно пискнула я.

— Уж не знаю, расстроит вас такой ответ или же обрадует, но, к моему глубочайшему прискорбию, нет! — не стал спорить верит Кальдерон. — Вам это Брианда вручила?

— Да, — кивнула я в ответ.

— И сказала, что от меня?

— Д-да, но я уже не уверена, может быть, я ее не так поняла… — промямлила я, тяготясь нелепостью ситуации. Хотя что там можно было неправильно понять? Девушка же прямо так и сказала: «От Фила». Мне же это все не приснилось?

— Вы позволите одолжить у вас на время эту вещицу? Позднее, когда мы разберемся в этом маленьком недоразумении, вы сами решите, что с ней делать, хорошо? — вкрадчиво осведомился магистр.

— Конечно, берите! Наверное, произошла какая-то ошибка! — с надеждой воскликнула я.

— Уверен в этом! А теперь позвольте откланяться! И пусть Великая Веритассия будет к вам благосклонна!

— И к вам также пусть будет благосклонна богиня. — Я заученно ответила книксеном на поклон, и магистр исчез.

Я уже решительно ничего не понимала.

ГЛАВА 24
Яблоневый день

Вот и наступил новый год. Впервые я встречала его вдали от дома и семьи. Конечно, мне бы очень хотелось сейчас обнять родителей и девочек, обменяться с ними подарками, попить чаю с Никифором Иванычем и Авдотьей Михалной, но я прекрасно осознавала, что мое появление принесло бы на заимку не только радость встречи, но и опасность для родных. Хоть бы уже могучие маги поскорее нашли того, кто пытался напасть на меня. Жаль, что мне нечем им помочь: кто бы мог желать моей гибели, я по-прежнему даже не догадывалась.

Чтобы не поддаваться тягостным думам, постаралась погрузиться в очередной роман, но мысли все время улетали далеко-далеко, туда, где под снежным одеялом дремлет посреди леса наш терем. Сегодня девочки станут очищать яблони от инея и снега, чтобы урожай был богатым. Я, конечно, тоже могу очистить яблони около общежития, только они же, наверное, и не плодоносят. Или на них все же прямо промеж цветов яблоки растут?

Из задумчивости меня вывел грохот, за которым последовал вскрик:

— Тьма и хаос! Что у тебя тут стулья прямо под ногами путаются?

Вздрогнув от неожиданности, я обнаружила на одной из свободных коек сидящую Брианду. Девушка была неестественно бледна и с остервенением потирала колено. Глаза художница злобно щурила, пытаясь, видимо, испепелить валяющийся на полу стул, который раньше спокойно стоял возле кровати.

— Ты так сильно ударилась? — всполошилась я. — Давай за дежурным сбегаю!

— Да дрыхнет небось твой дежурный после ночного празднования! А эта сволочь, ты представляешь, помешала Ансу вылечить мне голову! Тоже мне, поборник морали и апологет справедливости! Гад, сволочь, мерзавец! Сам не развлекается и другим мешает! — жалобно заныла девушка.

— Бриандочка, что случилось? — кинулась я к ней.

— Тихо, не визжи, без тебя тошно! — моментально ощерилась блондинка. Сегодня волосы у нее были не собраны в высокую прическу, как обычно, а наспех перехвачены над плечом ленточкой. — Ни за что не потащилась бы сюда в такую рань, если бы эта скотина не заставила! Слушай, ради всех богов, давай

у нас поговорим, здесь я сдохну! Если ты гостей боишься, так они все еще ночью расползлись. Ну, пожа-а-алуйста!

Все происходящее было так не похоже на энергичную гордую художницу, что я даже задумалась: вдруг это и не Брианда вовсе? Один раз кто-то уже воспользовался ее внешностью, чтобы обмануть вериту Гурдан, мало ли. Немного успокаивало, что декан с магистром считали лечебницу абсолютно безопасной. Как я поняла, на каникулах сюда имеют допуск всего несколько человек. К тому же, если бы меня хотели убить, уже бы убивали, а не разговоры разговаривали, наверное. Додумать все это до конца мне не дали.

— Да к хаосу церемонии! — заявила девушка и вцепилась мне в руку.

В следующее мгновение мы уже стояли в небольшой уютной комнатке со странными изогнутыми окнами. Здесь было светло и очень красиво: стены обтянуты голубой узорчатой тканью, на пушистом ковре расставлены причудливой формы креслица и небольшой диванчик с цветастой обивкой. На низком столике — ваза с розами. Надо же, посреди зимы — живые цветы! Хотя чему я удивляюсь после яблонь у общежития…

— Располагайся, здесь нам никто не помешает! — с этими словами Брианда скрылась за дверью.

Мне было неловко находиться одной в чужом доме, так что я отошла к окну. Почти прозрачные занавеси из ажурной марлицы слегка прикрывали стекла. Выгнутые фонариком оконца отделяли дом от сада. И это был изумительно красивый сад, должна сказать! Даже сейчас, спящий под зимним покрывалом, он производил огромное впечатление! Прихотливо изогнутые дорожки петляли между разнообразными деревьями, склоняющими ветви под тяжестью белоснежного убора. Припорошенные снегом кустики в данный момент мало чем отличались от пышных сугробов, но летом они наверняка радовали глаз живописными островками зелени. Интересно, какие тут клумбы?

Раздались легкие шаги. Я поспешно отвернулась от окна, чтобы встретиться взглядом с миловидной девушкой в темно-синем платье.

— Доброго вам года, верита! — улыбнулась она, расставляя на столике чайные принадлежности.

— Большое спасибо! И вам также счастливого года, верита! Пусть Великая Веритассия будет к вам благосклонна!

— Премного благодарна! И с вами пусть пребудет благословение богини! — Девушка отвесила мне самый настоящий реверанс и упорхнула.

Наверное, это была служанка, иначе с чего бы ей так низко кланяться… Да, судя по размерам сада, хозяйство тут огромное, одним семейством не управишься, даже если детей много… А вот как можно спокойно жить, если по твоему дому постоянно какие-то посторонние люди шастают? Или слуги — это не посторонние? А кто? От размышлений об особенностях столичного быта меня отвлекло появление Брианды. Не знаю уж, чем девушка занималась, но выглядела она не в пример свежее и бодрее, нежели несколько минут назад.

— Ну вот, мне уже лучше! — возвестила она. — Не все мужики сволочи! А ты чего стесняешься? Присаживайся, угощайся, чувствуй себя как дома!

— Спасибо! — Я угнездилась в ближайшем креслице и попробовала чай: вкусный, с каким-то незнакомым ароматом.

— Бутерброды, пирожные — бери, на что глаза смотрят! — Девушка грациозно опустилась на диванчик и тоже прихлебнула из чашечки. — Итак… Как ты уже знаешь, насчет колье я приврала. Хотя можно сказать, что и пошутила. Но это детали. Украшение тоже от меня. Кстати, потом заберешь: не такое уж оно и дорогое, как ты решила. Цитрины — это не изумруды. А вот виновата в моем поступке, между прочим, ты сама! — заявила Брианда, буравя меня пристальным взглядом.

Я даже ложечку изо рта достать позабыла, так неожиданно прозвучало это обвинение. Так и сидела, хлопая глазами и ничегошеньки не понимая.

— Ой, ну не смотри на меня так, будто я крокодил! — фыркнула девушка. — Ты каждый раз при упоминании имени Фила выдаешь такую дикую гамму эмоций, что у меня уже ум за разум заходит. Художников специально годами учат различать движения души людей по малейшим нюансам мимики, без этого не получится достоверных портретов! Я могу определить, какие чувства испытывает человек, мимолетно взглянув на него. А вот ты демонстрируешь такую противоречивую картину, что я начала терять веру в свои способности! Знаешь, я ночами просыпаюсь, потому что меня преследует твой взгляд, в котором смешиваются панический ужас, жгучий стыд и надежда. Можно подумать, что он тебя соблазнил, а потом жениться отказался!

Как я ни старалась сдержаться, щеки предательски заполыхали.

— Вот! Вот, опять! И как прикажешь это понимать?

Я не знала, что ответить, просто молча прятала глаза. Сердиться на Брианду не получалось, в конце концов, если бы я заподозрила, что мой жених крутит какие-то шуры-муры на стороне, я бы тоже спать не смогла. Спасибо, художница мне хоть

сразу космы выдирать не начала. А что я ей могу сказать? Что несколько раз пыталась соблазнить ее милого, но он не поддался? Ну, наверное, ее это несколько утешит. Но я же все равно не сумею объяснить, что никому не желала зла! И что потом? Выгонят из Академии за распутство?

— Нет, я не могу на это смотреть спокойно! — Девушка взметнулась и принялась мерять шагами комнату. — Ну, объясни ты мне, что он умудрился тебе сделать?

Я молча вздохнула. На душе было пакостно, хоть волком вой. Брианда думает, что это магистр в чем-то виноват, а вина-то вся на мне.

— Да ну вас обоих! — надулась девушка. — Короче, я заподозрила, что ты в него влюблена, и решила эту идею проверить. Но ты и тут умудрилась все испортить! Обычно хоть в первый момент девушка радуется, когда получает подарок от любимого, а ты сразу ужаснулась, как будто я тебе змею на шею повесила! Оставалась надежда, что внесет какую-то ясность реакция Фила, но и здесь, кроме грома и молний, я ничего не дождалась. И ведь прошло все как по нотам: я была уверена, что он захочет скрасить тебе праздник — так и вышло. Ты, с твоей неиспорченной душой, просто обязана была попытаться вернуть ему подарочек — пожалуйста! И чем все закончилось? Только головной болью! — Художница скривилась.

Я продолжала сидеть на краешке кресла, изучая узоры на блюдце.

— Ладно, я тебя совсем запугала! — Брианда плюхнулась на прежнее место и яростно вцепилась в бутерброд. — Не куксись! Постараюсь больше не лезть в ваши дела, все равно проку никакого!

— Ты что, не сердишься? — растерялась я.

— Еще как сержусь! Вы же меня настроя лишаете и подрываете уверенность в собственных силах! Одного знаю как облупленного, у второй на первый взгляд вся душа нараспашку, а вот поди ты — такую задачку задали!

— Извини, — промямлила я. Мне совсем не хотелось лишать Бриандy сил, но и рассказать правду я не могла. Да я сама эту правду не понимала!

— Вообще-то, это мне следует извиняться, — признала собеседница. — Так что считай украшение материальным выражением моих сожалений! Одно хорошо: мой драгоценный братец хоть будет уверен, что не все женщины — меркантильные сучки! — Глаза Бриандy полыхнули такой застарелой ненавистью, что я поспешила перевести разговор.

— Не знала, что у тебя есть брат!

Кажется, я опять умудрилась ляпнуть что-то не то: девушка так и застыла, не донеся чашечку до рта.

— Что ты сказала? — странным звенящим голосом осведомилась Брианда.

— Не знала, что у тебя есть брат, — медленно повторила я. — Это очень невежливо, да?

— Это очень интересно. — Девушка откинулась на спинку дивана.

Опять, опять меня изучают, как насекомое! Да что ж такое!

— А ведь это многое объясняет! — Брианда задумчиво постукивала указательным пальцем по губам, при этом ее глаза светились, как у кошки. — Скажи-ка мне, прелестное дитя, а какие отношения, на твой взгляд, связывают меня с Филом? Прости, с магистром Кальдероном, как ты его всегда величаешь?

— Ну, он твой… — Я уже смутилась, не зная, как вернее обозначить взаимоотношения двоих влюбленных, и тут меня осенило: — Так это он твой брат?

— Вот теперь я вижу искреннее изумление. — Художница выглядела донельзя довольной. — Но все же мне крайне любопытно, кем ты его считала ранее?

— Твоим женихом, — выдохнула я, пытаясь пересмотреть события прошедших месяцев с учетом новой информации. По всему выходило, что я и впрямь непревзойденная идиотка!

— Убиться веником! — выдала на это Брианда. — Пожалуй, во всей Веритерре не найдется второго человека, который не знал бы столь широко известного факта. Ой, только без меня ему не говори, я должна видеть его лицо! Это будет нечто! — И девушка закатилась оглушительным хохотом.

Отсмеявшись, она чуть не залпом осушила чашечку чая и тут же принялась допытываться:

— Ну, может, хоть теперь расскажешь, почему ты его до одури боишься? Я уже всю голову сломала, но не смогла придумать ни одной правдоподобной версии!

Я поняла, что художница не отстанет и будет предпринимать новые попытки докопаться до причин моего поведения. Разумеется, рассказывать всю правду у меня не было никакого желания, но, раз уж Брианда — сестра магистра, а не возлюбленная, можно ограничиться частью правды.

— Понимаешь… Я не знаю даже, как это объяснить… В первый раз я увидела магистра Кальдерона на Осеннем балу, когда мы оказались в паре, поменявшись партнерами во время вальса… Вот только… Обещай, что не будешь надо мной смеяться!

— Я очень постараюсь! — Девушка аж подалась всем телом

ко мне, явно выражая нетерпение.

— Я прибыла в Академию одной из первых, чтобы освоиться перед учебным годом. Так вот: до начала занятий мне несколько раз снились кошмары… Там были какие-то кровавые не то убийства, не то дуэли… И всегда в них принимал участие мужчина… Незнакомый мужчина… Я никогда его раньше не видела. А вот на балу увидела. И очень испугалась…

Как ни странно, Брианда не засмеялась. Она, наоборот, стала серьезной и сосредоточенной:

— Ты хочешь сказать, что мужчиной из твоих снов оказался Фил?

Я только кивнула в ответ.

— Неожиданно. Пожалуй, я на твоем месте тоже бы испугалась… А он побеждал или проигрывал?

— Где? — не сразу поняла я.

— Ну, в этих дуэлях из твоих кошмаров он оказывался победителем или побежденным?

— Победителем.

— Это радует. — Девушка вновь откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. — Я так понимаю, что ты никому об этих снах не рассказывала?

Сперва я лишь мотнула головой, а потом сообразила, что художница меня не видит:

— Нет.

— Боялась, что будут смеяться?

— Ну… глупо это как-то…

— Да нет тут ничего глупого. И ты зря боялась: здесь никто не станет смеяться над подобными вещами. Ты, конечно, выросла там, где почти нет магии, но в Академии все привыкли считаться даже с мелочами, которые покажутся ерундой обычным людям. Ты ведь не знаешь, какой у тебя дар, верно?

— Мы с родителями так и не смогли определить, чем меня благословила богиня, — почему-то шепотом ответила я. — Мне только кружева лучше всех удаются.

— Да, кружева у тебя просто чудесные. — Брианда взглянула на меня и тепло улыбнулась. — Далеко не всегда дар можно определить заранее. Зачастую лишь во время Посвящения богиня открывает свою волю. Но бывают случаи, когда дар начинает проявляться еще в детстве. Такое часто случается с даром Искусства, чуть реже — с даром Врачевания. Случается и такое, что дар проявляется сразу после того, как неофит прибывает в Академию. Насколько мне известно, жрецы Великой Веритассии обладают талантами прорицателей и ясновидцев. Не исключено, что у тебя открывается дар истинного Служения. У тебя когда-

нибудь раньше были вещие сны?

— Нет, кажется… Не помню такого…

— А интуиция у тебя хорошо развита?

— Да не знаю даже… Как у всех…

— В любом случае ничего глупого, плохого или постыдного нет в том, что тебе приснился незнакомец, которого ты потом встретила наяву. Возможно, это отзвук твоего дара, а может, какое-то иное послание богини. Но ни бояться, ни стыдиться тут точно нечего.

Я даже надеяться не могла, что Брианда так спокойно отреагирует на мой рассказ. Сразу стало теплее на душе, и я расхрабрилась:

— А можно у тебя тоже кое-чем поинтересоваться?

— Конечно.

— А почему тебя зовут Брианда Азеведо, а твоего брата — Филипп Кальдерон?

— Это довольно длинная и печальная история, подробности которой совершенно не хочется вспоминать в Новогодье, но как-нибудь позднее я тебе ее расскажу. Если коротко: у нас разные отцы. А теперь предлагаю отомстить этому мерзавцу за мои страдания! — оживилась художница. — Сейчас я его сюда притащу, и мы ему поведаем, что нашлась в Веритерре добрая душа, которая приняла его за моего жениха!

Мне тут же захотелось оказаться как можно дальше от этого дома.

— Нет, Брианда, не надо! Лучше сама ему расскажи, — взмолилась я, но девушка уже спрыгнула с диванчика и исчезла за дверью.

Я сидела как на иголках, попеременно теребя салфетку и перекладывая ложечку со стола на блюдце. Как жаль, что я еще не умею телепортироваться без посторонней помощи, тогда бы могла не дожидаться появления художницы с магистром. Впрочем, ждать пришлось совсем недолго: за дверью раздался веселый смех, а потом в комнату впорхнула Брианда, сопровождаемая деканом Дорэ. Верит Филипп зашел следом.

Мужчины при виде меня, кажется, несколько удивились, а вот я изо всех сил напрягала память, но так и не смогла вспомнить, надо ли мне вставать при появлении декана. Кажется, такого нам на этикете еще не рассказывали.

— Прошу прощения, я не знал, что у нас гости, — первым взял себя в руки магистр. — Доброго вам года, верита Феодоссия!

— Благодарю вас, магистр Кальдерон! И вам также счастливого года!

— Присоединяюсь к поздравлениям! — промолвил декан. Без

мантии он выглядел гораздо моложе и не таким представительным, что ли… Я только теперь поняла, что они с веритом Филиппом скорее всего ровесники.

— Так, — важно начала Брианда, отлепившись от декана, — вы же знаете, что в мире нет ничего интереснее, чем сплетни про меня?

Девушка облокотилась на спинку кресла, в котором я сидела:

— Фил, набери побольше воздуха в грудь, тебе понравится, я обещаю! — Судя по скорбному выражению лица магистра, ему, напротив, все это уже заранее не нравилось. — Оказывается, в мире еще есть люди, не знакомые с нашим генеалогическим древом!

— Сомневаюсь! — фыркнул декан.

— Зря! Вот Фил всегда боялся, что меня будут считать незаконнорожденной, но пока никто мне такого не говорил. Зато у вечной опеки проявилась оборотная сторона: нас приняли за жениха и невесту! О как!

Декан, кажется, попытался сохранить лицо, но не удержался и расхохотался во все горло. Зато магистр лишь руки на груди скрестил да с осуждением поглядел на Брианду:

— Это все, или будут еще какие-нибудь откровения?

— Он в ярости, я тебе точно говорю, — постучала меня пальчиком по плечу девушка. — А все потому, что понимает: я его теперь долго-долго буду дразнить каким-нибудь пошлым прозвищем… Дорогой! Во, отлично, так и буду называть!

— И кто-то еще считает, что вышел из детского возраста, — покачал головой Филипп. — В следующий раз на день рождения я преподнесу тебе коралловый рожок, который грызут дети, когда у них режутся зубки! Будешь просто очаровательно с ним выглядеть у мольберта! Ты, между прочим, засмущала нашу гостью. Прошу прощения, верита Феодоссия, моя сестрица не брала уроков этикета, а жаль! Но на сегодня клоунада окончена. Анс, нас ждет бильярд. Дамы, мы вас оставим спокойно развлекаться дальше.

Когда мужчины ушли, Брианда выглядела жутко довольной, но я так и не смогла понять, чему она радуется.

ГЛАВА 25
Узорник

Мое вынужденное заточение закончилось одновременно с морозной погодой. К началу второго семестра заметно потеплело, посыпался пушистый снежочек — сказка, а не зима.

Было таким счастьем просто пройтись до общежития, а уж как меня обрадовала встреча с Чеккиной, и не передать словами! Подруга вернулась посвежевшей, отдохнувшей, с сияющими глазами и кучей новых историй о том, как они с братьями провели время. Девушка привезла мне подарки: яркое расписное блюдо из красной глины и бутылку вина. Франческа сказала, что посуда из терракоты — это гордость ее родного города. Вино тоже местное, сухое, хорошо сочетается с птицей и дичью. Я заметила, что в бутылке булькает, а значит, вино вполне себе мокрое. Естественно, опять ляпнула глупость! Соседка аж на кровать упала, так ее развеселило мое представление о сухом и мокром вине. Она потом, конечно, объяснила мне, что «сухое» — это обозначение несладкого вина, но я так и не уразумела, почему принято называть именно так. Ну, назвали бы кислым, что ли…

А утром первым, кого я увидела, выйдя из общежития, был Питер. Оказывается, я уже успела соскучиться по этому богатырю. Чеккина, против обыкновения, даже не стала задирать парня, более того, сморщив нос, возвестила, что она, так уж и быть, доберется до столовой самостоятельно.

И вот теперь я совершенно не знала, как себя вести. Соскучиться-то я соскучилась, но и отвыкла тоже. А юноша даже не пытался помочь мне рассеять неловкое молчание, просто смотрел своими холодными глазами пристально-пристально.

— Доброго тебе года, Питер! — Как там нас учили на этикете: любую неловкость можно скрыть за светской беседой.

— И тебе счастливого года, Фея! Я привез тебе небольшой подарок, — спокойно заметил блондин, вкладывая мне в руку металлический кружок. Это было украшение вроде брошки, не такое уж и маленькое, почти с мою ладонь. Серебристый металл был затейливо выкован на манер дубовых листиков, пересекающихся с петельками. В центре горел крупный кроваво-красный камень, четыре поменьше обозначали диаметрально противоположные точки окружности. Таким мудреным словам меня тоже научил Питер: он как-то пытался объяснить, для чего нужна геометрия, с тех пор я и запомнила кое-какие названия. При всей тонкости работы эта вещица не выглядела баснословно

дорогой, как преподнесенное Бриандой колье. Наверное, такую брошку вполне уместно принять, решила я.

— Большое спасибо, она очень красивая! — Я с благодарностью улыбнулась юноше и слегка удивилась: он выглядел несколько напряженным. Возможно, просто волновался, придется ли его дар мне по вкусу. — Только вот у меня нет для тебя подарка: я умудрилась подхватить простуду и почти все каникулы провела в лечебнице.

Это было очередное вранье, придуманное деканом Дорэ. Прости меня, богиня, но я, кажется, становлюсь завзятой лгуньей, хоть и не по своей воле!

— Очень жаль, что ты болела. Если бы я знал, что ты в Академии, прибыл бы раньше.

— Тогда хорошо, что ты не знал и не испортил себе каникулы. — Я приложила брошь к мантии, делая вид, что полностью поглощена блеском камушков в солнечном свете. На самом деле мне просто было стыдно смотреть юноше в глаза.

— Это называется «аграф». Им скрепляют полы одежды, складки и все такое.

— А что это за камни, я таких раньше не видела?

— Анфраксы, кажется.

— Еще раз спасибо! Взамен я могу сплести тебе кружевные манжеты, если захочешь, хотя они вряд ли сравнятся с таким красивым аграфом. — Я все же посмотрела на Питера и смущенно улыбнулась.

— Самым лучшим подарком для меня станет, если ты будешь носить эту безделицу.

— Обязательно буду! И это очень красивая вещь, а вовсе не безделица. Вот сейчас придем в столовую, я похвастаюсь Чеккине, и мы найдем, куда ее пристроить! — От избытка чувств я даже осмелела настолько, что крепко обняла юношу. Богатырь бережно погладил меня по плечу и нежно скользнул губами по моей щеке.

— Безумно рад, что сумел тебе угодить!

На первой же лекции стало очевидно, что теперь, когда около половины неофитов отсеялось, к каждому оставшемуся будет приковано удвоенное внимание. Группы стали меньше, спрашивать будут чаще, готовиться надо еще лучше и не филонить ни в коем случае. Не знаю даже, как мне восполнять пробелы в знаниях: я и в прошлом семестре зубрила как окаянная, а в этом, видимо, придется меньше спать. Жаль, что на каникулах я не подсуетилась и не заняла какую-нибудь из освободившихся комнат: Чеккине надо высыпаться, свет будет ей мешать. У нас в общежитии только две комнаты освободились

полностью, но туда уже заселились девочки из других номеров. Мне с соседкой повезло — мы подружились и не видели необходимости в расселении. А теперь вот получается, что кто-то из нас кому-то будет обязательно мешать… Ладно, придумаю что-нибудь, может, в коридоре по вечерам буду заниматься. Мои уроки, к счастью, не шумные.

После обеда у меня лекций не было, и я поспешила в библиотеку. Путь пролегал мимо лечебницы. Я искоса взглянула на двери этого узилища, и тут меня словно обухом по маковке тюкнули! В ушах, словно наяву, зазвучал голос декана Дорэ: «… Питаться только в столовой! Не принимать ни от кого даже самых мелких подарков! Если кто-то попытается вам что-то подарить или же настойчиво будет предлагать чем-либо угостить, бегом в лечебницу…» Великая Веритассия, это что же получается, я теперь должна отчитаться, что мне друзья на Новогодье подарили, что ли? Рука сама нашарила кружочек аграфа, которым мы с Франческой после завтрака скрепили мою мантию. Интересно, а к подарку Брианды это тоже относится? Но ведь декан ясно сказал — ничего и ни у кого не брать… Ох, и влетит же мне теперь!

Чуть не взвыв с досады, я топнула ногой, но делать было нечего: пришлось возвращаться в общежитие и собирать в саквояж все дары. Не то чтобы они были очень тяжелые, но за один раз я бы никак не унесла и коробку с платьем, и вино с блюдом.

Пока бежала обратно в лечебницу, все повторяла про себя, словно молитву: «Пусть там будет верит Грэгори, а не декан! Пусть там будет верит Грэгори, а не декан!» Не сработало, увы. Заведующего на месте не оказалось, так что пришлось топать в кабинет декана Дорэ. Я какое-то время мялась в коридоре, не решаясь постучать, но нельзя же стоять тут вечно.

После моего робкого стука дверь сама собой распахнулась. Декан сидел за столом и просматривал какую-то бумагу. В бордовой мантии он опять казался старше и массивней, к тому же на лице у него застыло какое-то брюзгливое выражение. Ой, что сейчас будет! Я облизнула враз пересохшие губы и переступила порог кабинета. За моей спиной с шумом захлопнулась дверь. Наверное, теперь я знаю, что чувствует волк, попавший в яму. Кола только не хватает для полного сходства, но декан наверняка об этом сейчас позаботится.

— Д-доброго дня, верит д-декан. — Я изобразила вежливый книксен.

— Доброго, неофит Ролло! — исподлобья оглядел меня мужчина. — Судя по дрожанию вашего голоса, вы мне не подарок

на Новогодье изволили принести. Что ж, выкладывайте! — Он отложил лист и недобро зыркнул на саквояж.

— Вообще-то, именно подарок, хотя и не вам, простите, — пробормотала я, прилаживая свою ношу на стуле. — Мне тут друзья всякого надарили, а я только сейчас вспомнила, что вы не велели ничего брать, и вот… — Я сбилась с мысли и уткнулась взглядом в пол.

— Да хорошо уже, что вообще вспомнили, лучше поздно, чем никогда! Но, разумеется, я бы предпочел, чтобы вы серьезнее относились к собственной безопасности. Хоть амулет-то не сняли, надеюсь?

Я замотала головой.

— Ну, давайте, что у вас там! — Мужчина вытащил из ящика стола довольно большую черную палку. Надеюсь, он не лупить меня ею собрался? Я поспешно постучала по донцу саквояжа и подняла с пола стопку вещей. — Так, одежду положите пока на стул, остальное давайте сюда, — распорядился декан.

Я послушно расставила перед ним подарки, после чего заколупалась с брошью.

— Это тоже подарок? И вы сообразили его сразу напялить на себя? Нет, вас действительно надо пороть! Вы хоть отдаете себе отчет, что вас никто не сможет защитить, если вы сами не будете настороже?

— П-простите, верит декан, я не подумала… — Даже я понимала, как жалко звучат мои слова.

— Вот только рыдать тут не надо! — довольно резко осадил меня истинник. — Лучше надейтесь, что ничего опасного в этих предметах не заключено.

Маг неторопливо провел палкой над блюдом:

— Чисто.

Потом он так же провел вдоль бутыли, и кончик палки окрасился в желтый цвет:

— Остаточные проявления бытовой магии, — соизволил пояснить декан, видимо, услышав мой судорожный вздох. — Хорошее вино, при производстве используются технологии истинного Мастерства. Никаких опасных воздействий на таре или самом продукте нет.

Затем мужчина по-хозяйски открыл футляр и неожиданно усмехнулся:

— Это и есть то знаменитое колье? — Перехватив мой изумленный взгляд, декан откровенно осклабился: — Сложно было ничего не услышать во время скандала! Я опасался, что дом рухнет, так Фил бушевал. Можно, конечно, и не проверять, но для очистки совести…

Палка прошлась над украшением, однако ничего не произошло. А потом маг потянулся к лежащему чуть дальше аграфу, и тут черный цвет таинственного жезла сменился ярко-алым.

— Мило, — заметил декан. — Это чей подарок?

— Питера. Питера Бранта, — с трудом ворочая языком, пробормотала я. — Он что, опасен?

Питер желал мне зла? Да я в такое даже поверить не могла.

— Нет, как ни странно, не опасен. Но, прежде чем выносить окончательное суждение о свойствах этой занятной вещицы, я хотел бы проконсультироваться с артефакторами. Так, что там за одежда осталась?

— Платье от Брианды, — рассеянно пояснила я, гадая, что же за артефакт вручил мне друг.

— Ну, уж давайте и его проверим. — Маг легко поднялся со своего места, подошел к стулу и сделал привычный жест над платьем. — Чисто. Итак, собирайте пока эту выставку, а я на несколько минут вас оставлю. — Мужчина аккуратно взял брошь за края и растворился в воздухе.

Я послушно упрятала все принесенное в саквояж и плюхнулась на стул, пытаясь унять дрожь в руках. Хоть декан и сказал, что аграф безопасен, но меня все равно напугало это красное свечение. И почему Питер мне сразу не сказал, что дарит не простую застежку?

Ожидание тянулось томительно, мне даже показалось, что декана нет уже целый час… Наконец мужчина появился около стола.

— Да вы прям совсем побледнели! — немедленно оценил он мое состояние. — Я же вам сразу сказал, что ничего опасного в этой вещице нет! — Мужчина опустился в кресло и побарабанил пальцами по столу. — Если говорить коротко, то эта штучка позволяет магу раскрыть свой потенциал. Артефакт не особо сильный, но надежный, что подразумевает довольно медленное действие. Так что можете носить не снимая, все равно результата придется ждать некоторое время.

Мне сразу стало легче.

— Так вы одобряете все подарки? — уточнила я.

— Как декан одного из факультетов Академии я никак не могу одобрить спиртное, но тем не менее всеми этими вещами вы можете спокойно пользоваться. Засим я вас больше не задерживаю. И желательно в следующий раз все же вспомнить об опасности до того, как принимать какие-либо подарки.

— Спасибо, верит декан, — засуетилась я, хватая аграф. — Больше я вас не подведу. Спасибо огромное! — Я сделала книксен

и поспешила к двери. Только вот всю дорогу мне хотелось обернуться, очень уж сильно жег мою спину взгляд декана Дорэ.

На самом пороге я не удержалась и, затворяя дверь, украдкой глянула на мужчину. Выражение его лица было каким-то странным… кривоватым, я бы сказала, хотя, возможно, ему было жаль потраченного на меня времени. Действительно, приперлась со своими подарками, а человеку работать надо. Я быстренько убралась прочь от кабинета.

Как ни странно, до выхода из здания я добралась без приключений. Может, обладатель сиплого голоса тоже уехал куда-нибудь на каникулы? Впрочем, я поспешила отогнать неприятные мысли. Надо отнести вещи в общежитие и бежать в библиотеку!

За ужином я не удержалась и упрекнула Питера:

— А почему ты сразу не сказал, что аграф магический?

Парень даже поперхнулся от неожиданности:

— Это тебе кто сказал?

— Декан врачевателей.

— И что же там за магия?

— Помогает раскрыть свой потенциал.

— Интересно, — задумчиво произнес юноша. — Я и сам не знал, что у этого аграфа есть такие свойства! Тебе он теперь не подходит?

— Почему же! Теперь я его точно буду носить постоянно. Может, наконец пойму, каким даром меня благословила богиня!

— Я рад, — уже опять обычным невыразительным голосом ответил блондин и продолжил трапезу.

ГЛАВА 26
Бражник

Наконец наступил день, на который был назначен Зимний маскарад. Хоть сегодня можно отдохнуть от зубрежки! Семестр начался всего две недели назад, а я уже устала. Ох, мамочка, если бы ты знала, как тяжело учиться! Но сейчас надо отогнать все невеселые мысли о заваливании сессии. У меня новое платье, чудесное колье, Чеккина обещала помочь с прической и макияжем, а танцую я уже неплохо, так что искренне надеюсь весело и приятно провести вечер.

С утра я сбегала к реке и набрала нам с Франческой по чашечке снега для умывания. Всем известно, что нынче снег приобретает особые свойства: он способен выбелить любую холстину, исцелить все недуги и сохранить женскую красоту. Правда, кажется, известно это было всем, кроме моей соседки, но даже она не отказалась умыться натопленной из бражного снега водой. На всякий случай!

Поскольку я вняла совету Брианды и попросила подругу сделать мне локоны, с самого утра мы принялись возиться с прическами. Для завивки у Чеккины были смешные палочки-спиральки, на которые следовало накручивать тонкие прядки волос, а потом ходить с баранчиками на голове целый час. Но это полбеды! Вот навертеть все мои длиннющие волосы на эти спиральки Чеккина сумела только за полтора часа. В итоге к обеду у меня уже болела голова, и я сама была не рада, что согласилась на эту пытку. Франческа только фыркала, мол, красота требует жертв — это тебе не снегом умываться, но я сама себе клятвенно пообещала, что больше никогда и ни за что не позволю так над собой издеваться.

Чеккина для маскарада выбрала платье цвета шартрез и теперь шутила, будто мы с ней похожи на одуванчик. Я, правда, считаю, что у одуванчика лепестки более яркие, чем у девясила, но не стала спорить с подругой.

По поводу праздника в той части Академии, где располагалось административное здание, что-то наколдовали с погодой: в результате на улице лежал снег, но холода совершенно не чувствовалось и можно было гулять по дорожкам прямо в бальных платьях. Я, правда, очень боялась замочить подол (снег же потом растает в помещении), но Франческа гордо заявила, что воды бояться — на маскарад не ходить, и решительно вытащила меня на улицу. Не знаю, как это сотворили, но снег

действительно не налипал ни на платье, ни на обувь. Хорошая штука — бытовая магия! Если мне не суждено быть врачевателем, хорошо бы оказаться на факультете истинного Мастерства — там тоже можно приобрести полезные и нужные знания. Сегодня, правда, волшебный аграф я сняла, он совершенно не подходил к подаренным Бриандой вещам, но надеялась, что он все равно поможет мне разобраться с предназначением.

В здании администрации Чеккина первым делом потащила меня к большому зеркалу, чтобы полюбоваться на результаты наших усилий. Вынуждена признать: художница была права! Завитые волосы стали покороче. Чеккина еще небольшой узел мне на затылке соорудила, а уже из него, переливаясь на свету, спадали золотистые пряди ниже колен. Глаза в прорезях маски просто сияли! И вообще я выглядела такой тоненькой и хрупкой, как фарфоровая плясунья в магазине игрушек. Франческа тоже смотрелась роскошно, но, впрочем, она всегда была яркой и красивой.

Подруга поправила какую-то складочку на платье, ослепительно улыбнулась нашему отражению и гордо возвестила:

— Ну что, пошли завоевывать мир!

— Зачем? — удивилась я.

— Так, не порти праздник! — Подцепив меня под локоток, Чеккина направилась в бальный зал.

Здесь было еще красивее, чем во время Осеннего бала: стены и колонны искрились, словно присыпанные инеем, на окнах сверкали огромные снежинки, а с потолка свисали сосульки самых причудливых форм. Скорее всего, украшения были сделаны из стекла, но с учетом мастерства здешних магов я бы и настоящему льду не удивилась.

Питера я увидела сразу: с таким ростом и цветом волос он мог и вовсе не надевать маску. Я уже радостно улыбнулась и хотела помахать ему рукой, когда заметила, что парень не в одиночестве нас ждет: он разговаривал с девушкой. Судя по глубине декольте и ярко-рыжим волосам, это была не кто иная, как Элинор Олбанс. Странно, мне казалось, что они не знакомы. Даже не знаю почему, но созерцание расфуфыренной красотки, кокетливо трогающей пальчиком руку Питера, неприятно царапнуло. Я поспешно отвернулась и собралась пойти в другую сторону, но Чеккина немедленно дернула меня за колонну.

— Ты куда это направляешься? — зашипела подруга, чем-то напоминая в этот момент рассерженную Бриану. — Ты что, собираешься позволить этой дряни вертеть сиськами перед твоим парнем?

— Он не мой парень, Чеккина, и имеет право общаться с кем

вздумается. Я не стану им мешать. — Сказать-то было легко, но вот пальцы у меня прямо сводило от острого желания вцепиться Элинор в волосы.

— Ты меня, конечно, извини, но ты просто дура! Ты правда думала, что на такого красавчика никто никогда не позарится? Или ты считала, что он будет всю жизнь бегать за тобой, как собачонка, хотя ты только носом вертишь и всем своим видом показываешь, как он тебе безразличен?

— Он мне небезразличен, но никакого права мешать ему у меня нет, — твердо заявила я, стараясь вырвать локоть из цепких рук Франчески. — Мы не обручены и никаких обещаний друг другу не давали.

— Нет, я тебя сейчас ударю! — закатила глаза соседка. — Вот только найду чем и сразу же ударю! Если это из-за умывания снегом у тебя такой ледяной характер, тогда не нужна никакая красота, лучше быть просто живым человеком! Послушай меня хоть один разок: сегодня же дай ему понять, что он тебе нравится. Иначе потеряешь парня!

— И как, по-твоему, я должна это сделать? На шею ему броситься? — заартачилась я.

— Тоже вариант, хотя можно действовать и поизящнее. На мой взгляд, ему и небольшого поощрения будет вполне достаточно! Видела, как Элинор себя ведет? Она дрянь, конечно, но кое-чему ты у нее точно поучиться можешь. Так, все, молчи и иди за мной! — Чеккина решительно оборвала все мои возражения и потащила меня прямиком к той парочке, от которой я стремилась убежать. Не дойдя до них шагов пять, подруга выпустила мою руку и тихо бросила: — Ближе не подходи, но только попробуй смыться! Ой, какая неожиданная встреча! — сладким голосом пропела Франческа, останавливаясь рядом с парнем. — Питер, тебя невозможно не узнать. С такими волосами тебе только выкраситься в белый цвет и попытаться мимикрировать под статую, больше ничто не спасет! Дорогая, — трагическим шепотом, который был прекрасно слышен даже мне, возвестила подруга, склоняясь поближе к Элинор, — не хочется тебя расстраивать, но тебе срочно нужно попудрить носик! У тебя шиньон съехал, вот-вот брильянты повыскакивают!

— Не может быть! — ахнула рыжая, хватаясь за прическу.

— Ну, мне же лучше видно! — нагло заявила Чеккина, глубокомысленно кивая головой в такт словам.

— Ну, если врешь… — чуть слышно прошипела богачка, не забыв одарить Питера такой нежной улыбкой, что мне захотелось ее ударить.

— Да как я могу! — сделала огромные глаза Франческа.

Элинор еще раз подозрительно покосилась на подругу, но все же удалилась.

— Я бы рекомендовала сменить мизансцену, — задумчиво сообщила Чеккина, глядя вслед уходящей красотке. — Кстати, орел, насчет статуй я не шутила.

— Я тоже рад тебя видеть! — спокойно произнес Питер. — А где Фея?

— Вспомнил, наконец! Вон твоя ненаглядная, — мотнула головой в мою сторону подруга. Одновременно она, тайком от парня, продемонстрировала мне кулак. — А я пойду, пожалуй, тоже чего-нибудь попудрю… например, чьи-то мозги…

Питер преодолел разделявшее нас расстояние шага за два.

— Ни за что бы тебя не узнал! Ты сегодня еще красивей, чем обычно! — Он поцеловал мне руку. — Почему сразу не подошла, раз Чеккина меня узнала?

— Не хотела вам мешать.

— Кому? Нам с Чеккиной? — удивился парень.

— Нет, вам с Элинор.

— Это та рыжая? Я ее вообще не знаю.

— А что же она от тебя хотела?

— Мне без разницы. У нас женщин, которые так себя ведут, называют весьма неблагозвучным словом. Может, хватит о ней? Потанцуешь со мной?

— Конечно! — улыбнулась я в ответ.

Этикет не позволяет все время танцевать с одним и тем же партнером, так что с Питером мы в тот вечер танцевали не больше трех раз. Тем не менее он умудрялся постоянно находить меня в бальной суете, приносить напитки, и вообще, кажется, он и правда пытался за мной ухаживать. К середине праздника мне уже было невыносимо душно, и я вознамерилась выйти подышать свежим воздухом.

— Ты точно не замерзнешь? — с сомнением уточнил Питер, оглядывая мое легкое платье.

— Не должна, там тепло.

— Может, накинешь? — Он начал расстегивать пуговицы своего кафтана (все время забываю, как называется эта часть мужского костюма на столичный манер).

— Спасибо, не надо! — воскликнула я, перехватив его руку. — Если хочешь, вообще оставайся тут, я ненадолго.

— Только если ты настаиваешь, что пойдешь одна, — как-то напряженно ответил юноша.

— Да нет, вместе даже веселей, — успокоила его я.

На улице было просто чудесно: вокруг сугробы, над головой

звездное небо, одуряюще пахнут яблони и совершенно не холодно! Как во сне, честное слово! Хотелось петь от восторга! Я не придумала ничего лучше, чем запрокинуть голову, раскинуть руки и закружиться на месте, приговаривая: «Звезды ярки, звезды ярки, народитесь белы ярки!» У нас завсегда на бражник так овец заговаривали. Но долго крутиться не получилось, я обо что-то запнулась и упала бы, если б Питер не подхватил.

Ладони у него были горячие-горячие, это даже через ткань платья чувствовалось, а волосы серебрились в лунном свете, совсем как снег. Это было так странно, но очень красиво! Я даже не удержалась и провела пальцами по этим таинственно мерцающим волосам. На ощупь — совершенно нормальные, мягкие, вовсе на снег не похожи.

— А ты красивый! — задумчиво сообщила я.

Юноша выглядел озадаченным.

— Тебя это удивляет? — хихикнула я.

— Меня удивляет, что вина я тебе вроде не приносил, а ведешь ты себя странно.

— Я и чувствую себя странно, — охотно согласилась я. — Как будто в крови что-то пузырится! И вообще, наклонись!

Питер послушно приблизил ухо к моему лицу, видимо, решив, что я хочу ему что-то шепнуть. Даже я сама удивилась, как спокойно и смело развернула ему голову и прижалась губами к его устам. По-моему, я его здорово ошарашила, он даже вздрогнул в первый момент, а потом просто приподнял меня за талию и продолжал целовать, держа на весу. И это было гораздо приятнее, чем с Семеном!

Губы у Питера тоже оказались горячие, но они были мягкие и нежные. Боли я не чувствовала, только по всему телу разлилась нега и стало так хорошо, как будто именно этого мне и недоставало всю жизнь.

ГЛАВА 27
Громницы

Я и не представляла, что можно быть настолько счастливой! Уже, почитай, месяц прошел с Зимнего маскарада, а я засыпала счастливая, просыпалась счастливая, целыми днями словно на крыльях летала, и по ночам меня никакие кошмары не беспокоили! Чеккина даже начала бурчать, что завидно смотреть на мое сияющее лицо. Я от всей души желала, чтобы у подруги тоже сложились с кем-нибудь такие же отношения, как у нас с Питером.

И почему я раньше не замечала, какой он красивый, надежный, ласковый, нежный и добрый? И сильный, конечно, но это-то как раз было понятно с самого начала. Неужели те глупые сны настолько меня запугали, что я ничего вокруг не видела?

И вот странное дело: я почти все свободное время проводила в компании Питера, но за пару часов в день успевала выучить гораздо больше, нежели раньше за целый вечер упорной зубрежки! Как-то мне все предметы стали легче даваться. Все же правы, видимо, были хуторские девчата, когда говорили, что при поющем сердце любая работа спорится!

А мир полыхал какими-то невероятными красками! Я с изумлением обнаружила, что снег на территории Академии не белый, а светло-лиловый! Когда я подивилась этому вслух при Брианде, она только фыркнула и пояснила, что это отсвет от бордовых стен.

— Неужели ты всегда видишь окружающее таким ярким? — спросила я тогда.

— Я хорошо различаю оттенки, иначе грош бы цена мне была как художнику! А вот твоя эйфория мне не до конца понятна, — поджала губы девушка.

— Только не говори, что тоже завидуешь, как Чеккина, — засмеялась я в ответ. Я вообще теперь гораздо чаще смеялась, нежели смущалась, и мне это очень нравилось!

— Да я бы, может, и позавидовала, только меня всегда настораживают настолько внезапные перемены в людях. Как-то они неестественно выглядят! — Брианда нахмурилась. — Слушай, а твой северянин тебе ничего в последнее время не дарил?

— Он на Новогодье подарил мне вот этот аграф, — немедленно похвасталась я.

— И ты его постоянно носишь?

— Ага.

— Давай его жезлом классификации проверим, а? В лечебнице точно есть, мне Анс даст! — воодушевилась девушка.

— Это такая черная палка, которая меняет цвет, когда ею водят над магическими предметами?

— Да. А откуда ты знаешь?

— Верит декан уже проверял! Эта застежка помогает магу раскрыть свои таланты, — гордо сообщила я.

— Серьезно? — Художница задумчиво уставилась на меня, постукивая кончиком пальца себе по губе. — Неужели у тебя открывается дар Искусства? Никогда бы не подумала!

Я легко сделала пируэт, обняла блондиночку за плечи и звонко чмокнула в щеку:

— Вот будет здорово, если я тоже стану художницей!

— Зашибись вообще! — По-моему, это был неприкрытый скепсис, но я предпочла улыбнуться и показать Брианде язык.

Пожалуй, единственное, что меня огорчало в эти дни, — непонятное выражение, которое я иногда замечала на лице Питера. Иной раз, взглянув на него, я видела печаль или даже боль в глазах, но он всегда говорил, что мне почудилось. Странно, раньше его лицо мне казалось просто каменным. Впрочем, я и снег тогда искренне считала белым. Может, во мне и впрямь проснулся дар Искусства?

На Громницы выпадал один из крупнейших праздников Веритерры — День рождения Верховного правителя. В городе устраивали гулянья, никто не учился и не работал.

По такому случаю мне даже разрешили выйти за пределы Академии, но только в сопровождении друзей и передвигаться только по людным улицам. Я очень обрадовалась, тяжело же постоянно ощущать себя пленницей.

Надо признать, что праздник мало чем отличался от Дня Веритерры: опять выступления артистов, акробатов и жонглеров. Снова игрища. Красиво, конечно, ярко, но как-то без души, что ли… Неужели за такой короткий срок я превратилась в пресыщенную столичную жительницу? Мне же раньше так нравилось на ярмарке!

Народ вокруг толкался оживленный и улыбчивый. В воздухе уже ощутимо пахло весной. Питер держал меня за руку, и мне было с ним легко и хорошо, но по городу нам надоело шататься довольно быстро, и мы улизнули в парк Академии. Здесь об эту пору никого не оказалось, и можно было вволю целоваться, не опасаясь посторонних взглядов.

Правда, тут я опять поймала странное выражение в глазах юноши: загнанное какое-то, словно на него охота идет.

— Ну что с тобой такое? — Я ласково погладила парня по

щеке. — Затравленные зайцы бодрее выглядят, чем ты! Тебе плохо со мной?

— Мне с тобой безумно хорошо! — крепко прижал меня к своей широкой груди Питер. — Просто… я очень боюсь тебя потерять… — прошептал он мне в волосы.

— Ты же раньше ничего не боялся! — откликнулась я.

— Раньше у меня тебя не было. — Он отстранился и заглянул мне в глаза. — Я тебя люблю.

— Я тебя тоже! — Никогда бы не подумала, что смогу так легко это произнести. Я всегда представляла, что обязательно покраснею и засмущаюсь в такой момент, но ничего подобного! Чувствую себя совершенно свободно!

— Ты — самое лучшее, что со мной когда-либо случалось! — выдохнул Питер и приник к моим губам.

ГЛАВА 28
Дорогорушитель

Время летело с невероятной скоростью! Оглянуться не успела, как наступил берзень и принес с собой длинные выходные, предназначенные для проводов зимы и закличек весны. Меня все еще не отпускали домой, зато верит декан дозволил мне на Комоедицы поехать в гости к родне Питера.

Я немного волновалась, собираясь в дальнюю дорогу, но мои переживания не шли ни в какое сравнение с метаниями возлюбленного. Казалось, что с каждым днем он становился все печальнее и печальнее. Я пробовала выпытать, что гнетет милого, но он отговаривался усталостью. Впрямую спрашивала, не боится ли он, что я его родичам по душе не придусь, но дролечка заверял меня в обратном: тебе, мол, все рады будут! Ну, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Со всеми бедами вместе справимся!

Накануне отъезда декан Дорэ велел явиться перед ужином к нему в кабинет. Я так поняла, что он мне даст запасной защитный амулет или что-то вроде того.

Пришла, а декан не один у себя — с магистром Кальдероном.

— Присаживайтесь, неофит Ролло, присаживайтесь, в ногах правды нет! Это вам. — Хозяин кабинета протянул мне небольшой конвертик.

Я приняла его и вопросительно взглянула на декана.

— Читайте, не стесняйтесь!

— Что-то с моими? — тут же испугалась я и рванула тонкую бумагу. Но записка, написанная изящным наклонным почерком, была от Брианды: девушка приглашала меня погостить в выходные.

— Так я же уезжаю к Брантам, — искренне изумилась, поднимая глаза на декана.

— Нет, к Брантам вы не поедете, — спокойно возразил мужчина.

— Как не поеду? — окончательно обалдела я, переводя взгляд с одного мага на другого. Может, у них тут принято перед Комоедицами людей разыгрывать? А что, ничем не хуже обычай, нежели желания в полночь загадывать.

— Альтернативы у вас две, — неспешно продолжил глава врачевателей. — Либо вы отправляетесь в гости к мастеру Азеведо, либо проводите все праздники в лечебнице.

— Но вы же сами разрешили! — воскликнула я.

— А теперь передумал!

— Но… но меня же ждут, как я могу не поехать!

— Абсолютно спокойно: извинитесь перед вашим другом и не поедете.

Я уставилась на магистра Кальдерона, надеясь, что хотя бы он разъяснит эту нелепицу! Зря. Мужчина стоял у окна с отрешенным видом и явно не собирался заговаривать со мной.

— Но что я такого сделала? — Моему возмущению не было предела.

— Это не вы сделали, это вам пытаются что-то сделать. Точнее, убить! — бесстрастно ответствовал декан. — Вот в целях обеспечения вашей безопасности вы и остаетесь под надзором.

— Но вы же и неделю назад об этом знали! — Мой голос сорвался на крик. — Зачем же разрешили мне ехать? Я не хочу опять сидеть взаперти! Мне надоело!

— Успокойся! — странным тоном приказал магистр. И я действительно тут же перестала горячиться. Оказывается, я даже не заметила, как вскочила со стула.

— Извините! — Я опустилась обратно на сиденье. — Это что, шутка? — не хотелось терять надежду.

— Нет, я абсолютно серьезен, — изрек декан. — Вам совершенно не обязательно сидеть взаперти: в гостях у мастера Азеведо вы сможете и гулять, и развлекаться.

— А… а почему Брианда лично меня не пригласила?

— Потому что сегодня она занята на выставке, но завтра она будет дома и с радостью о вас позаботится, — вклинился в беседу верит Филипп.

— Но я все равно ничего не понимаю, — пролепетала я в ответ. — Я хочу к Брантам.

— Это не обсуждается, — отрезал декан. — Либо вы сейчас добровольно отказываетесь от поездки на Север, либо магистр Кальдерон вас заставит.

— Как заставит? — пискнула я.

— При помощи магии, разумеется.

Я поглядела на магистра: его лицо по-прежнему ничего не выражало. Открыла рот, чтобы возмутиться, но декан скучливо произнес:

— Если станете продолжать препирательства, опоздаете на ужин. Соглашайтесь уже на что-нибудь и не тратьте свое и наше время.

— Но я же…

— Ваш выбор!

— Хорошо, поеду к Брианде, — надулась я. Все равно же с ними не справлюсь.

— Вот и чудесно! Поклянитесь, что на все выходные

отправитесь к мастеру Азеведо, и можете идти.

— А клясться-то зачем?

— Предпочитаете внушение?

— Хорошо. Клянусь именем Великой Веритассии, что на Комоедицы поеду в гости к Брианде.

— На кого? — удивился декан.

— Так принято называть праздник весны у коренных народов Веритерры, — любезно пояснил магистр.

— Тогда меня все устраивает. — Глава врачевателей откинулся на спинку кресла.

— Завтра в десять утра я вас встречу около общежития, подойдет такое время? — осведомился верит Филипп.

— Да, — буркнула я.

— Чудесно. Не смею вас больше задерживать, — подвел итог декан Дорэ.

Я встала, нехотя изобразила книксен и побрела к выходу, ломая голову, как объяснить все это Питеру. По коридору успела сделать всего несколько шагов, когда дверь одного из соседних помещений распахнулась. Я хотела обогнуть ее, но ноги сами понесли меня внутрь темной комнаты. Почему я не испугалась — не знаю. Дверь беззвучно затворилась у меня за спиной, а в ушах зазвучал сиплый голос:

— Молчи и слушай!

— Так я жду объяснений, Анс, зачем ты все это затеял?

— Объяснения у меня, конечно, есть, но должен предупредить — тебе они по вкусу не придутся!

— И все-таки…

— Ну, начнем с того, что эта дурочка находится под воздействием приворота.

Тишина.

— И давно ты узнал?

— Еще до начала воздействия.

— Это каким же образом?

— Она притащила мне на проверку подарки от друзей на Новогодье.

— Я из тебя каждое предложение должен клещами вытаскивать?

— Среди всяческих, несомненно, любопытных штук вроде небезызвестного тебе украшения находился и любовный амулет, подаренный неким Питером Брантом. Оцени: я даже посоветовался с Залманом — это типичная для северных умельцев довольно слабая побрякушка. Создать страсть на ровном месте не сумеет, зато раздуть пожар из слабого интереса — запросто, хотя даже на такое воздействие потребуется уйма

времени.

— И ты знал, но не сказал?

— Более того, я соврал, будто артефакт призван раскрыть магический потенциал владельца, чтобы девчонка его гарантированно носила не снимая!

— Анс, а ты в бога не заигрался?

— А ты мозги дома не забыл? Ответь мне на простой вопрос: за каким хаосом северным кланам настолько понадобилась девчонка-неофит с неопределенным даром, чтобы они не погнушались разбавить драгоценную кровь наследника одного из старейших родов?

— Полагаешь, что парень действовал не сам, а по указке свыше?

— Без вариантов. У них слишком слабые артефакторы, чтобы разбрасываться подобными штучками. А вот провидцы у них, наоборот, традиционно самые сильные в Веритерре.

— Так, может, именно они стоят за нападениями?

— Не похоже. По словам Брианды, щенок крутился вокруг девчонки с первого дня. Если бы хотел убить, возможностей мог изыскать предостаточно безо всяких перемен внешности. Он звал ее в гости еще на Новогодье, после отказа в ход пошла любовная магия. Нет, Фил, она нужна им живая.

— Если ты так уверен, почему не отпустил?

— Чтобы обратно она вернулась уже замужней?

— Тогда зачем ты вообще позволил ей носить амулет?

— А чтобы усыпить бдительность. Неизвестно, что и где ей бы подсунули, если бы она не носила свою цацку. А так все уверены, что план сработал. И сорвал я поездку в самый последний момент по той же причине: ради эффекта внезапности. Кто знает, были ли у них запасные варианты.

— Скажи, а о девочке ты подумал?

— Не беспокойся, мой благородный друг, твоя девочка интересует меня только в качестве потенциальной ведьмы. Во всех остальных смыслах можешь заботиться о ней сам: вытирать сопли, склеивать разбитое сердце и все такое прочее.

— Нет, ты все-таки гад…

Тишина обрушилась на меня внезапно. Оказалось, что я сижу на полу и кручу в пальцах отстегнутый от мантии аграф. И когда успела?

— Мне жаль, девочка. Мне правда жаль, — проскрипел голос, и меня легонько погладили по голове.

Странно, но мне совершенно не было больно. Плакать тоже не хотелось. Я молча встала и вышла из комнаты.

Подходя к общежитию, издали заметила маячившего у входа Питера. Он меня тоже углядел, приветственно взмахнул рукой и двинулся навстречу.

— Ты не пришла на ужин, — начал блондин, приближаясь, но вдруг замер, встревоженно вглядываясь мне в лицо. Потом перевел взгляд на мою мантию, и его руки безвольно упали вдоль тела.

— Ты знал, какими свойствами обладает аграф? — спросила я равнодушно и одновременно поймала себя на мысли, что мне следовало бы уже давно биться в истерике.

— Да.

Ответил, словно камень уронил, но глаз не отвел. Я подошла и со всей дури впечатала злосчастную брошку в грудь богатыря. Впрочем, он даже не пошатнулся.

— Больше никогда не подходи ко мне! — сказала я и стремительно направилась к подъезду.

— Фея! — сипло позвал он, но я только прибавила шагу и ворвалась в общежитие. Пронеслась мимо вериты Гурдан, взлетела по лестнице и распахнула дверь своей комнаты.

Собиравшая чемодан Чеккина, увидев мое лицо, выпустила из рук платье.

— Фе…

— Я сейчас не хочу говорить, — сухо бросила в ответ и, не раздеваясь, кинулась на кровать, отвернувшись лицом к стене.

Франческа какое-то время еще возилась у меня за спиной, а потом легла рядом, крепко обхватив меня за плечи. Так мы и лежали, обнявшись, пока у меня не полились, наконец, слезы.

ГЛАВА 29
Огородник

Большой грач старательно расковыривал землю на проталинке крепким клювом, периодически приглядывая за мной умным черным глазом. Наверное, принимал меня за ошалевшего медведя. Нахохлившись и завернувшись в шубу, я сидела на лавочке где-то на задворках поместья. Думаю, что это был огород, больно уж ровные гряды просматривались, цветнички обычно поживее разбивают. На кой тут лавка тогда? А кто их разберет. Тут у них все не как у обычных людей.

Нет, дом был хорош: очень красивый, уютный, простора много, мебель добротная. И везде, везде живые цветы! Мне выделили милую спаленку, всю в голубых тонах, с такой огромной кроватью, что мы на ней, наверное, вчетвером со старшими сестренками разместились бы. Над кроватью зачем-то соорудили крышу, поддерживаемую витыми столбиками, да еще и занавески ко всей этой конструкции прицепили. Одного бархата прорву извели, а для какой практической цели? Спрашивать-то я постеснялась, чего хозяев смущать, еще решат, что мне не по нраву пришлось их гостеприимство, но все равно не могла понять назначения доброй половины предметов в горницах. Да что там, я и назначение самих горниц не всегда понимала!

Вот, к примеру, комната: посредине стоит большой стол с зеленой суконной скатеркой. Стол не ровный, как обычно, а с бортиками. В бортиках проделано несколько дырок. Вдоль стен комнаты расставлены кресла, а между окон сооружен штакетник из тонких дрынов. Как ни прикидывала, так и не смогла сообразить, чем тут заниматься принято. Возможно, это для магических дел.

Наймитов, опять же, полон дом, а садовник нерадив! Нынче обязательно нужно огород возделывать, хоть самую малость, да наработать, а тут еще и конь не валялся. Я бы и сама могла лопатой помахать, да не будешь же в чужом дому свои порядки устанавливать. Вот и сижу — от Брианды прячусь!

Художница как увидела в первый праздничный день мое опухшее от слез лицо, так и кинулась развлекать гостью изо всех сил, а мне хотелось только забиться куда-нибудь в уголок и не вылезать. Впрочем, надо отдать хозяйке должное: она довольно быстро поняла, что собеседник из меня сейчас никакой и вообще лучше всего у меня пока получается смотреть в одну точку, так что усадила в кресло и начала делать какие-то наброски. Все бы

ничего, если бы девушка не пыталась время от времени влезть мне в душу и выпытать, что произошло. Я не знала, как рассказать ей о Питере, чтобы опять не залиться слезами, вот и старалась ускользнуть подальше. Читать я не могла, даже кружева плести не получалось — сбивалась постоянно, вот и сидела бесполезным кулем.

— Вы не замерзнете, верита Феодоссия?

Надо же, не услыхала, как магистр подошел. И как он меня разыскал-то?

— Нет, спасибо за беспокойство, у меня теплая шубка.

— Вижу, вас вдохновили руины декоративного огорода Брианды?

Я пожала плечами:

— Копать пора и от мошки заговаривать.

— Копать? — изумился мужчина. — Да еще же снег лежит.

Равнодушно сообщила:

— Испокон веку завет таков: хотя бы в день Градаря была и зима, начинай пахать огород. Ты только почни в этот день — непременно огород будет добр, и овощу будет много.

— М-да, с народной мудростью не поспоришь. — Кажется, магистр опять издевается. — Только вряд ли наши многоуважаемые предки разводили огороды в декоративных целях.

— Это как?

— Даже не знаю, как объяснить… Это просто для красоты всякая необычная кучерявая капуста и маленькие яркие перчики растут… Ну, как цветы, чтобы глаз радовался.

Капуста… как цветы… Великая Веритассия, верни меня обратно! Это безумный мир, я в нем вообще ничего не понимаю! Да и не хочу понимать, если честно!

— Мужайтесь, верита Феодоссия, сумасшедшие столичные жители и не на такое кощунство способны.

Неужели я вслух говорила?

— Извините.

— Нет, вы ничего не говорили, просто у вас все на лице написано. Но я бесконечно рад уже тому, что на вашем милом личике наконец-то отображаются хоть какие-то человеческие эмоции. — Маг опустился на скамейку рядом со мной. — Вы так сильно расстроились, что не смогли поехать со своим мальчиком?

Вот лучше бы он этого не говорил, лицемер!

— Вы прекрасно знаете, что он никакой не мой! — рявкнула я. — И вообще, я вернула ему этот проклятый аграф! Чего вы от меня еще хотите?

— Успокойся! — Снова этот странный, обволакивающий

голос. И снова всколыхнувшаяся в душе злоба, только что рвавшаяся наружу в яростном крике, куда-то отступила. В тот же момент я пожалела, что вообще открыла рот, да слово не воробей, вылетит — не поймаешь!

— Какой, однако, интересный поворот в нашей беседе о сельскохозяйственных нуждах, — восхищенно заметил магистр. — Но теперь хотя бы понятно, из-за чего у вас такой убитый вид. Не будете ли вы столь любезны просветить меня еще и относительно вашего источника информации?

— Я слышала ваш разговор.

— День однозначно удался, вы не находите? — светским тоном осведомился мужчина. — А как у вас это получилось, позвольте полюбопытствовать?

— Просто слышала, и все.

— А вот тут уж позвольте вам не поверить! Кабинет декана защищен от подслушивания, а также от ряда иных несанкционированных опытов, и я ни за что не поверю, будто неофиту под силу взломать эту защиту. Так что «просто» слышать вы никак не могли.

— Я не знаю, как это объяснить, но я действительно ничего не делала, чтобы услышать…

— Вот теперь верю! А кто делал?

— Не знаю.

— Все-таки жизнь — удивительная штука! Никогда не знаешь, в какой момент она станет нестерпимо интересной! Вот сейчас, например, я совершенно не могу справиться с мучающим меня любопытством. В такие моменты я решительно не в состоянии себя контролировать, знаете ли… Боюсь, что придется приказать вам рассказать все подробно… Но вам же это не понравится! Так что лучше — сами.

— В лечебнице есть кто-то с хрипло-сиплым голосом. Он и делал так, чтобы я могла слышать ваши разговоры.

— А кроме голоса, у этого занимательного существа есть какие-либо приметы?

— Не знаю, он мне не показывался. Свет всегда гас.

— И сколько же разговоров вы слышали?

— Три… или четыре… — Мне уже было все безразлично. Да и какая, в самом деле, разница, будут эти лгуны знать что-то лишнее или не будут? Все одно я у них вроде куклы. — Первый раз, когда только очнулась со сломанными контурами, второй — когда вы мне блок поставили, третий — когда после отравления оклемалась, и четвертый — вот про аграф. И раз уж зашла речь, так я давно хочу вам сказать, что Семен — никакой не валенок.

— Вам, несомненно, виднее, — задумчиво бросил магистр. —

А вы меня приятно удивили: за полгода еще не разболтали об услышанном.

— Откуда вы знаете? Может, я всей Академии растрепала!

— Нет, тогда бы я узнал об этой восхитительной истории намного раньше. А этот ваш таинственный помощник… он хоть мужчина, женщина, старый, молодой? Голос же вы слышали.

— Да не знаю я, он так сипел, что ничего понять было нельзя.

— А что он говорил конкретно?

— Да почти ничего: «молчи и слушай», «ты должна быть сильной», «ты должна осознавать свои поступки», «ты не должна покидать Академию». Никому я ничего не должна!

— Успокойтесь! — опять скомандовал магистр. — В вас говорит озлобленность, и я вас даже понимаю. Но что бы вы себе сейчас ни придумывали и как бы ни относились к происходящему, вас действительно в Академии старались защитить и зла вам не желали.

— Угу. Просто любовный амулет надели и на цепь посадили.

— Декан Дорэ принимал решения, исходя из своей личной парадигмы. Возможно, его методы можно назвать ошибочными, но он хотел сохранить вам жизнь.

— Так вы же вроде не были с ним согласны.

— И сейчас не согласен, но отдаю себе отчет, что он просто недооценил разницу в представлениях взрослого, сложившегося человека и совсем юной неокрепшей души о важности определенных событий.

— Вы специально так мудрено говорите, чтобы я ничего не поняла?

— Нет, это привычка, — белозубо улыбнулся магистр. — Вы скоро тоже научитесь говорить так мудрено, что никто ничего не поймет. Так вернемся к вашему таинственному другу: у вас есть какие-либо предположения о происхождении этого существа?

Опять пожала плечами:

— Я бы сказала, что это домовой, но в Академии, говорят, их нету.

— Да, это правда.

— А почему?

— Да, честно говоря, уже больше по традиции! Во времена войны богов те, кого сейчас принято называть «низшими существами», выступили против воюющих, поскольку увлекшиеся битвой боги разрушали природу и, как следствие, места обитания «низших». Собственно, это вмешательство и позволило закончить войну, потому что враждующие стороны немедленно объединились против третьей силы. Нечистиков разгромили и почти истребили, а оставшиеся сами забились в глушь. В общем-

то, уже давно понятно, что в тот момент «низшие» просто попали под горячую руку, но как-то отголоски застаревшей вражды все еще сидят в умах людей.

— Они хорошие!

— Вполне возможно. Тем не менее ваш знакомец не из их числа.

— А вы знаете, кто он?

— У меня есть крайне смутные догадки, но они базируются на непроверенной информации, и я пока воздержусь от их оглашения, дабы вас не смущать.

— Так и знала, что ничего не скажете. А блок с моей памяти хотя бы снять можете?

— В принципе могу. Но нужно ли?

— Да. Вы даже не представляете, как это противно: знать, что сделал что-то плохое, но не помнить, что именно и почему.

— Да ничего плохого вы не сделали, я вас умоляю! Давайте так: если после возвращения в Академию вы все еще будете желать освежить воспоминания, я уберу блок.

— А почему не сейчас?

— Потому что это требует довольно больших затрат ресурсов, а вас здесь, как вы изволили выразиться, посадили на цепь, чтобы спасти от смерти. Восстанавливаются ресурсы не так быстро, как хотелось бы, а в случае опасности я бы предпочел быть во всеоружии. Надеюсь, понятно объяснил?

— Да. Хорошо, я согласна подождать.

— Вот и прекрасно. Желаете и дальше созерцать запущенные непаханые поля или предпочтете выпить чаю с Бриандой? Она уже наверняка вас обыскалась.

— Пусть будет чай, — обреченно вздохнула я.

ГЛАВА 30
Лошадиный день

С самого утра выглянуло солнышко, обещая спорую и дружную весну. Я сидела у стола, водя пальцем по строчкам в книге, но никак не могла сосредоточиться. С того момента, как вернулась в Академию после Комоедиц, я приложила все усилия, чтобы не встретиться с Питером даже случайно. По улицам пробегала, глядя себе под ноги, в столовой тоже старалась не подымать носа от тарелки, а вчера даже прогуляла танцкласс. Впервые за время учебы я по собственному выбору пропустила занятие! Но я просто не представляла, как можно встать в пару с этим змеем подколодным и делать вид, будто ничего не случилось!

Можно было, конечно, попросить магистра Ришеля поставить меня в пару с какой-нибудь девушкой, думаю, возражений бы ни у кого не возникло, учитывая нехватку молодых людей на занятиях, но стыдно привлекать сторонних людей для решения личных проблем. Да и сплетен не хотелось, если честно. И что теперь делать? Я не могу прогуливать танцы постоянно, значит, когда-то мне придется столкнуться с Питером лицом к лицу. И что произойдет?.. Хватит ли мне выдержки вести себя как ни в чем не бывало? Ох, сомнительно что-то…

Рядом с моим стулом опустилась на колени Франческа:

— Послушай, милая, больно смотреть, как ты себя изводишь! Ты молчишь, конечно, но у тебя такое выразительное лицо, тебе бы в актрисы пойти в самый раз! Я понимаю, такое простить сложно, да и нужно ли, но ты с каждым днем все сильнее ожесточаешь сердечко, а это еще ужаснее! Может, тебе стоит его хотя бы выслушать? Вдруг он не желал тебе зла и у его поступка найдется какая-то очень веская причина, которая позволит тебе хотя бы примириться с произошедшим?

Сама не знаю, почему в душе моментально взметнулась злоба:

— А ты, гляжу, уже выслушала? На здоровьечко! А мне дела нет до его резонов!

— Эй, — Чеккина обвила руками мою талию, — я на твоей стороне! Всегда! Но ты сама себя губишь! Тебе все равно придется встречаться с ним на занятиях, или ты решила бросить Академию?

Я уже и сама устыдилась своего поведения:

— Прости меня, я не хотела на тебя срываться, просто… сама

не понимаю, что со мной… прямо задушить его готова, честное слово!

— Я все понимаю! Вот именно потому, что ты светлый и добрый человечек, мне и не хочется, чтобы эта грязь разъедала твою душу! Ну что тебе стоит просто послушать, а? Не разговаривать, просто выслушать? Мне кажется, что после этого тебе полегчает.

— Я… я боюсь с ним встречаться… В прошлый раз я была спокойна, потому что магистр Кальдерон применил ко мне свою магию, а сейчас я наверняка расплачусь и буду не только обманутой, но еще и жалкой… А я не хочу быть жалкой! Это унизительно! Меня и так все крутят и дергают, как хотят!

— Ч-ш-ш-ш, — Франческа прижалась ко мне щекой, и я тоже обхватила ее за плечи, стараясь согреться в ласковом тепле, — так можно устроить, чтобы ты с ним не говорила и даже не смотрела на него. Просто выслушаешь. Я с него еще и слово возьму, чтоб ушел по первой же просьбе. Ну?

— И что он тебе такого рассказал, раз ты его так защищаешь?

— Не его, а тебя! От злобы и ненависти. А что до его мотивов, поверь, тебе лучше от него самого это услышать. И да, я ему сразу сказала, что он — козел!

— Не козел, а гад ползучий! — шмыгнула носом я.

— Да! И суслик! — с самым серьезным видом кивнула Чеккина, отстраняясь от меня. — И вообще — червяк! Дождевой!

Это было сказано так уверенно, что я против воли прыснула:

— И как же можно устроить, чтоб я его не видела, а только слышала?

После ужина заглянула в мансарду факультета Искусства. В конце концов, магистр Кальдерон обещал вернуть мне воспоминания, когда вернусь в Академию. Может, меня так захватят мысли о собственном проступке, что легче будет не реагировать на присутствие Питера. Как я и надеялась, Брианда оказалась на месте.

— О, выглядишь пободрее, чем в нашу последнюю встречу! — вместо приветствия заявила художница.

— Здравствуй, Брианда, я тоже рада тебя видеть!

— Вот радости пока не замечаю. — Девушка отерла масляно поблескивающие руки тряпицей. — Что привело тебя сюда? Обычно ты из библиотеки в это время не вылазишь.

— А ты откуда знаешь? — изумилась я.

— Ой, это только ты вокруг ничего не замечаешь, у других людей есть глаза, и они используют сей полезнейший орган по его прямому назначению!

— Издеваешься? — нахмурила лоб я.

— Есть немного! — легко согласилась художница. — Отрадно, что ты наконец-то начала различать некоторые оттенки смысла. Есть шанс, что через год-другой станешь похожа на живого человека.

— Да ну тебя! — отмахнулась я от ее подтрунивания. — Скажи, пожалуйста, ты не знаешь, где я могу найти магистра Кальдерона?

— Ой, погоди, я должна занести это событие в календарь и навсегда отметить там красной краской! Ты не только не падаешь в обморок при упоминании имени Фила, но и сама ищешь с ним встречи? Мне не послышалось? Ты ж от него шарахаешься, как от зачумленного!

— Да ну, Брианда, ты все преувеличиваешь!

— Да? — картинно заломила бровь девушка. — Скажи пожалуйста, а ты даже не мямлишь по своему обыкновению! Неужели ты бросила своего северянина ради моего занудливого братца?

У меня не только глаза вытаращились от такого предположения, но даже рот открылся. Слова как-то не шли из горла, так что я просто стояла, глупо хлопая ресницами, ровно телка на выпасе.

— Угу. Будем считать это ответом, — сообщила девушка.

— Откуда ты знаешь, что мы с Питером расстались? — сумела наконец выговорить я.

— Я же говорю: это только ты не умеешь пользоваться глазами! Вы несколько месяцев напоминали попугайчиков-неразлучников, а потом — бах! — и он уже ходит с осунувшейся рожей, а от тебя за десять шагов разит злобой. Вся Академия на ушах стоит от любопытства!

— Ой, мама! — простонала я, доковыляла до ближайшего стула и рухнула на него как подкошенная.

— А ты что думала, никто не заметит? Так смею тебе сообщить, что вы с ним слишком приметная парочка, чтоб вами не интересовались. Уже ведутся споры, кто тот счастливчик, ради которого ты бросила такого видного кавалера.

— Великая Веритассия! — с трудом выдавила я, стараясь как-то уместить в голове слова Брианды.

— Ну, расскажи мне по секрету, что произошло! Я умираю от любопытства!

— А магистр Кальдерон тебе совсем ничего не сказал? — удивилась я.

— Так он все же в курсе? Вот засранец! А молчал, будто немой! Ну, говори скорей, иначе щипать буду! — наступала на

меня художница.

Я с тоской подумала, что она все равно не отстанет, и горестно вздохнула.

— Ну, не тяни кота за хвост! Что он умудрился сделать, чтоб насолить своей зазнобе? Ты же выглядела влюбленной по самые пятки!

— Да не была я влюбленной! — огрызнулась, даже не задумавшись. Ну все, теперь точно не отстанет!

— Да что ты говоришь? А как же это, по-твоему, называлось?

— Приворот, — буркнула я.

— Все-таки приворот! Я так и думала! — Брианда кинулась ко мне, словно ястреб на полевку.

Слово за слово художница вытянула из меня все, что я знала об аграфе. Единственное, о чем я умолчала, это о незнакомце с хриплым голосом. Не знаю почему, но мне очень не хотелось рассказывать о нем Брианде. Просто сказала, что случайно услышала разговор магистра с деканом. Кажется, больше всего девушку заинтересовало именно поведение главы врачевателей: она охала, хваталась за голову и металась по мастерской, приговаривая, что никогда не простит этого подлеца.

— Нет, вот как я не сообразила спросить у тебя раньше, в какой цвет окрасился жезл?

— В красный, — сообщила я.

— Вот негодяй! Это цвет любовных чар.

— Я уже поняла. А желтый? — решила уточнить на всякий случай.

— Бытовая магия. А что давало желтый?

— Бутылка вина от Чеккины, но тогда жезл не весь светился — только кончик.

— Это значит, что чары применялись при изготовлении. Ну, там, магические выжимные прессы или что-то вроде того. Ладно, с этим ясно. А Фил-то тебе зачем вдруг понадобился?

— Он обещал снять блок с моей памяти.

— Какой блок? — удивилась девушка.

— Не знаю, но он его раньше сам же и поставил.

— Зачем?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Как раз хочу вспомнить, что произошло.

— Как интересно живут люди, вы подумайте! — уперла руки в бока Брианда. — А я все узнаю последней! Ладно, так уж и быть, перенесу тебя в поместье.

Пришел мой черед удивляться:

— Зачем в поместье?

— Фил сегодня дома. Ну, по крайней мере, никуда не

собирался.

— Ой, да не надо тогда, спасибо! Не хочу тревожить магистра Кальдерона во время отдыха. В другой раз приду.

— Нет уж! Давай руку! Потом-то я его и возьму за жабры, тепленького! — нехорошо улыбнулась художница.

— За какие жабры? — оторопела я.

— Темнота! — хмыкнула Брианда. — Это идиома такая!

С этими словами девушка крепко вцепилась мне в руку. В следующий миг мы уже стояли в знакомой комнате с изогнутыми окнами. Как я теперь знала, эта горница называлась красивым словом «будуар». Не теряя времени, художница потащила меня в коридор, где мы почти сразу наткнулись на одну из служанок:

— Марта, ты знаешь, где хозяин?

— Был в библиотеке, — присела в реверансе миловидная девушка в синем платье.

Библиотека в поместье, конечно, скромнее, чем в Академии, но все равно столько книг ни в жизнь не прочитаешь. Магистр сидел в кресле и изучал какой-то увесистый том. При нашем появлении он попытался встать, но налетевшая Брианда попросту втолкнула его обратно в кресло:

— Отвечай сейчас же: ты знал про любовный амулет, который подсунули Фее?

— Узнал непосредственно перед праздниками, а что?

— Ладно, тогда живи пока. А что это за история с блоком на ее памяти?

— Полагаю, что тебя это совершенно не касается.

— Ах, так?

— Да, именно так.

— Хорошо же! — Девушка резко развернулась и вылетела за дверь, оставив меня наедине с братом.

— Простите, магистр Кальдерон, я не хотела вам мешать отдыхать, вы просто обещали снять блок, и я зашла к Бриланде узнать, где вас можно найти. Я думала, вы где-то в Академии, — залепетала я.

— А Брианда, по своему обыкновению, выпытала у вас все подробности! Мне уже жаль декана Дорэ, — заметил мужчина, поднявшись на ноги. — Мне вы не помешали, так что не тушуйтесь. Но я все же хочу уточнить: вы действительно хотите убрать блок?

— Да, — уже твердо ответила я.

— Что ж, это ваш выбор, — пожал плечами магистр. — Присаживайтесь!

Он отошел в угол комнаты, где стоял небольшой столик с какими-то графинчиками. Я послушно опустилась в одно из

кресел. Было немножко страшно. Вдруг снимать блок — больно?

Филипп вернулся с коньячным бокалом, наполненным какой-то темной жидкостью.

— Пейте! Так будет проще и быстрее.

Я втянула носом уже знакомый запах спирта и дерева и удивилась:

— Это же бренди!

— Да. Пейте-пейте, лучше всего быстро, одним глотком.

Я послушно проглотила напиток и закашлялась:

— Ой, мама!

— Да, крепкий, — спокойно заметил магистр, забирая у меня из рук опустевший бокал. — А теперь попробуйте просто расслабиться и подумать о чем-нибудь приятном.

Дальше он начал что-то нараспев говорить, но я не разбирала ни слова, зато вдруг, словно со стороны, увидела себя сидящей на берегу реки, потом над головой затеплился махонький шарик, я встала, опираясь на руку верита Филиппа, а затем шагнула прямо к нему и поцеловала в губы. Потом библиотека, больница…

— О-о-о-й, — застонала я, приходя в себя, — что я наделала! Извините…

Щеки полыхнули, я съежилась в кресле, стараясь не смотреть на мужчину.

— За что же здесь извиняться? — невозмутимо произнес магистр. — В моем возрасте, напротив, следует быть благодарным красивой девушке, решившей меня поцеловать. Как видите, ничего ужасного вы не совершили. А память я вам заблокировал именно для того, чтоб вы позднее не сожалели о своем порыве. Кстати, не вздумайте себя винить. Ваш поступок был результатом тяжелого ранения. Как я понял, вы с самого начала знали о применении боевого артефакта и ваших разорванных контурах?

— Да, я слышала ваш разговор с веритом деканом, но почти ничего не поняла.

— Неофитам не преподают магических дисциплин, но кратко пояснить могу. — Мужчина сел в соседнее кресло. — У любого человека есть оболочка, вмещающая душу, — это тело. Мы называем тело физическим контуром. Но это не единственная оболочка. Есть еще ряд контуров, невидимых обычным зрением. Они есть у всех, но простые люди — не маги — привыкают пользоваться только физическим телом. Маги же, наоборот, используют все свои контуры. Поэтому артефакты, нарушающие целостность нефизических оболочек, абсолютно безвредны для обычных людей, зато магу наносят очень серьезные повреждения. Если удастся пробить все нефизические контуры, маг скорее всего

погибнет, а если все же выживет, получит временное помутнение рассудка. Как правило, у мага семь контуров, помимо физического. Но иногда появляются маги с восьмым, невидимым, контуром. Подозреваю, что это ваш случай. Артефакт был рассчитан на обычное количество контуров, но у вас остался один неповрежденный, поэтому с ума вы не сошли, зато оказались во власти навязчивой идеи. Так уж вышло, что в момент нападения я был рядом с вами, вот ваша одержимость и оказалась связана со мной. Никакой вашей вины в произошедшем нет — просто так вот причудливо сложились события.

— А почему у меня лишний контур? — В голове немного шумело, так что я не до конца поняла объяснения магистра, но кое-что уловила.

— Он не лишний, он дополнительный, идет в комплекте со вторым даром.

— Вы хотите сказать, что я — ведунья? — говорила я почему-то очень медленно.

— Весьма вероятно, хотя с полной уверенностью об этом можно будет судить только после Посвящения. А теперь, думаю, вам лучше лечь поспать. Я прикажу постелить вам в той же комнате, где вы ночевали раньше.

— Нет, что вы, не надо, — запротестовала я, но магистр приказал:

— Спать! — и мои глаза сами собой закрылись.

ГЛАВА 31
Скотник

Судя по тому, как грохотал весь день гром, лето должно было выдаться на редкость урожайным и плодородным. Тяжелые раскаты как нельзя лучше подходили к моему душевному настрою. Я с трудом заставляла себя сидеть смирно, очень уж хотелось вскочить и убежать. Но Чеккина, уходя, заперла дверь, так что деваться мне было некуда. Оставалось нервно ерзать да изучать свое отражение в стареньком трельяже. Здесь, в маленькой гримерной комнатке за сценой, подруга предложила мне выслушать Питера. Трельяж отделялся от двери ширмой, которую при желании можно было сложить или разложить, а створки зеркала позволяли видеть стоящего у дверей безо всякой необходимости оборачиваться. Ширму я, правда, отвергла: пусть не думает, что я его боюсь, а вот возможность наблюдать за парнем, не демонстрируя своего лица, была очень кстати (я, если честно, опасалась, что позорнейшим образом расплачусь, так хоть слез моих видно не будет).

В замке заскрежетал ключ, и я вздрогнула, хотя уже давно ждала этого звука. Франческа впустила юношу и грозно прошипела:

— Ты обещал, что уйдешь, как только Фея попросит!

— Я помню.

Ох, мамочки, я еле заставила себя не оборачиваться, настолько безжизненным казался голос Питера. Впрочем, видок тоже был такой, что краше в гроб кладут. Как там намедни сказала Брианда? «Ходит с осунувшейся рожей»? Это она очень мягко выразилась! Северянин выглядел так, словно ничего не ел несколько недель: щеки ввалились, нос заострился, под глазами такие синяки, будто дрался с кем.

Наверное, это должно было меня порадовать, все же, видимо, он переживал не меньше моего, но радости я не испытывала. Даже шевельнулось в глубине души что-то похожее на жалость, но я напомнила себе, что он поступил подло и моего сочувствия точно недостоин.

— Смотри, если обманешь, я не знаю, что с тобой сделаю! Прокляну как минимум! — пригрозила меж тем Чеккина богатырю, ободряюще улыбнулась мне и затворила дверь.

В гримерной повисла напряженная тишина. Питер не выдержал первым:

— Здравствуй, Фея!

Я промолчала. Может, и невежливо, но голосу своему доверять сейчас я не могла. Так и продолжала сидеть вполоборота к двери, глядя в створку трельяжа. Впрочем, парень, кажется, и не удивился.

— Ты злишься, и я тебя понимаю. Не жду, что ты меня простишь, но хочу, чтобы знала: я не собирался причинять тебе боль.

Угу, так я и поверила! А ты думал, мне будет весело, когда пройдут навязанные амулетом чувства? Чуть вслух не спросила, но вовремя прикусила язык.

— Я не мастер говорить длинные речи, но начать придется все равно издалека.

Моя родина — на самом севере, у края земель богов. Там очень красиво: небо переливается разноцветными огнями, искрится снег в свете луны, деревья в лесах напоминают гигантские пряники — по темному фону разлиты белые узоры… Однако природа у нас не только прекрасна, но и сурова: очень мало плодородных земель, очень долгие зимы, а лето, наоборот, совсем короткое. Мы почти не занимаемся земледелием и не разводим крупный скот. Живем охотой, рыбной ловлей и торговлей. Торгуем пушниной, дарами океана и драгоценными камнями, которые добываем в горах. Так было всегда.

Но на моей памяти с каждым годом становится все холоднее и холоднее: промерзает почва, добыча камней затрудняется, плохо растет трава и гибнут немногочисленные стада. Старейшины говорят, что изменились и океанские течения: косяки рыбы уходят все дальше от берега. Многие кланы снялись с насиженных мест и перебрались южнее, дальше от океана, но на новом месте надо обживаться, а на это нужны силы. В последнее время в маленьких общинах все чаще бывают смерти от голода.

Тут Питер замолчал и устало потер глаза. Я же не могла взять в толк, как связан рассказ о природе северного края с любовным амулетом, но решила послушать еще.

— Не знаю уж, по какой причине, но маги в наших краях рождаются довольно слабые. Так тоже было всегда. Единственное исключение — служители. Жрецы — выходцы из северных земель — ценятся по всей Веритерре.

Наша Верховная жрица — Мудрая Хельга. Говорят, что она самая сильная провидица в стране, если не в мире. Этим летом она неожиданно собрала совет старейшин. Я там не был, но с чужих слов знаю, что ей было явлено видение, предрекающее возвращение в мир ведуний. Старейшины говорят, что только благодаря дару ведуний договариваться с природой раньше в наших краях жить было намного легче. Старейшины постановили,

что нам необходимо попытаться заполучить к себе хотя бы одну ведунью. Только даже я понимаю, что мало кому захочется жить в суровых условиях Севера, если рожден где-то в другом месте и в любом уголке Веритерры тебе будут несказанно рады.

Тем не менее в прошлом году Хельга велела прислать к ней тех, кто получит письмо из Академии. Среди всех молодых людей наших кланов я оказался единственным. Меня отправили в Храм, где жрица долго бормотала молитвы, окуривала меня какими-то травами, разглядывала мои руки, а потом рассыпала руны. В итоге сказала, что в Академии я должен записаться на уроки танцев. Девушка, которую поставят со мной в пару на первом занятии, и будет ведуньей.

Вот тут я не выдержала и, обернувшись, посмотрела прямо на Питера. Он выглядел усталым, но непохоже, чтоб пытался издеваться или шутить.

— А дальше мне было велено соблазнить ведунью. Так надежнее всего привязать девушку к нашему народу. — Тут у парня нервно дернулся уголок рта. — Я отказался. Сказал, что богиня не для того признает истинными браки по любви, чтобы из корыстных побуждений принуждать девушку к нежеланному супружеству. Что тут началось! Все эти служители из Храма налетели на меня, как стая воронья на падаль: и ничего-то я не понимаю в заветах богини, и не мне решать, что кому предначертано, и не сын я своего народа, и вообще, как у меня только язык поворачивается оспаривать волю Великой Веритассии! Я стоял на своем: мне богиня своей воли не являла, а раз они такие умные, так пусть сами и едут в Академию. В общем, до самого конца лета все жрецы и соплеменники уламывали меня хотя бы попробовать поухаживать за ведуньей, вдруг мы понравимся друг другу, тогда и волноваться будет не о чем. На это я согласился, хотя вся ситуация мне не нравилась.

На первом уроке танцев я стоял и все пытался угадать, кто из девушек — ведунья. И даже не знаю, чего мне хотелось больше: чтобы ею оказалась ты или не ты? Ты была самой красивой девушкой из всех, кого я видел, и по своей воле я и сам выбрал бы тебя. Но у тебя был такой открытый и наивный взгляд, что мне заранее становилось тошно от необходимости втираться в доверие к сущему ребенку. Ну, дальше ты знаешь: нас поставили в одну пару.

Тогда я подумал, что для начала можно просто познакомиться поближе: в этом-то точно ничего дурного нет. Познакомиться-то мы познакомились, но ты всегда смотрела на меня как на брата и не проявляла ни малейшей заинтересованности в отношениях иного рода. Я же, натыкаясь на

твой искренний и чистый взгляд, каждый раз терялся и немел, а потом чувствовал себя последней сволочью, если пытался проявить инициативу. Это ж все равно что малое дитя обманывать! Так оно все и тянулось безо всякого результата, хотя ты мне очень нравилась.

На День благодарения мы разъехались по домам. Я сообщил своим, что не понравился тебе. Мне тут же предложили воспользоваться каким-нибудь любовным амулетом. Я уже был влюблен в тебя, и мне претила сама мысль, что твои чувства ко мне окажутся не искренними, а наведенными. Короче, я отказался, но пообещал ухаживать за тобой настойчивей и попытаться хотя бы просто залучить тебя в гости. Результат ты знаешь.

На Новогодье я опять приехал без тебя. Меня опять уламывали пустить в ход чары, я опять отказывался… А в самом конце каникул случилась беда: зима была чересчур суровой, и в одной маленькой общине с окраины наших земель начался мор. В общем, когда мы узнали, там уже все были мертвы…

Питер запустил в волосы пятерню, и я заметила, что его пальцы трясутся, словно у старика.

— Мой отец — вождь клана. Меня восемнадцать лет воспитывали как его преемника и защитника нашего народа. Нам действительно нужна была ведунья, и никто, кроме меня, не мог помочь. Если бы можно было разорваться на две части, я бы разорвался… В итоге я согласился на амулет. Единственное, на чем настоял: взять самый легкий по степени воздействия. Наши артефакторы клялись именем богини, что аграф не может создать чувства, только усилить уже имеющиеся. И все равно я еле заставил себя подарить тебе украшение. Мне были омерзительны эти ухищрения, но как еще убедить тебя поехать к нам жить, я не знал.

Когда ты сказала, что декан врачевателей считает аграф раскрывающим таланты, я ушам не поверил. Подумал, что, возможно, Хельга была права и это все — воля богини, скрывшей истинную природу амулета. Только поэтому я не отобрал эту дрянь обратно. Твое отношение ко мне изменилось. Конечно, я был счастлив, что ты наконец-то не думаешь о том брюнете, но при этом сам себе был противен из-за того, что пользовался твоей доверчивостью. И зря не отобрал, похоже. Как я теперь понимаю, декан все знал с самого начала и специально тебе не сказал. Видимо, догадался, что я хочу заманить тебя на Север.

Мне нечего сказать в свое оправдание: я поступил подло по отношению к тебе, хотя и старался изо всех сил ни словом тебе не врать. Я действительно люблю тебя. Если потребуется, я готов

выцедить из себя кровь ради тебя. Но свой народ я тоже люблю, хотя и иначе. И ради них я тоже готов отдать свою кровь. Моя вина в том, что я не сумел найти способ никого не предать. И я не хотел такой судьбы.

Прежде чем прогонишь, хочу, чтоб ты знала: когда я говорил о голоде и тяжелых условиях жизни, я не имел в виду, что готов обречь тебя на полуголодное существование. Людям на Севере настолько нужна ведунья, что ты получила бы все. Тебе построили бы самый богатый дом в самом безопасном месте. Ты при любых обстоятельствах ела бы досыта. Меха, драгоценности — тебе достаточно было бы показать пальцем, и ты получила бы любые. Если бы тебе приглянулся другой мужчина, ты получила бы его. Но даже при этом жить у нас, конечно, тяжелее, чем на юге.

Ты не обязана мне верить, но я клянусь именем Великой Веритассии, что все, сказанное мною, чистая правда!

Я была совершенно огорошена монологом Питера, так что смогла только произнести:

— А ты так осунулся из-за голода?

— Что? — Парень, кажется, не сразу понял мой вопрос, но потом провел ладонью по щеке и горько усмехнулся. — Нет, я живу в большой общине, у нас все не так плохо.

— Я тебя поняла! А сейчас уйди, пожалуйста, мне надо подумать!

Юноша коротко кивнул и исчез за дверью, а я осталась, тупо глядя в зеркало.

Нет, простить его я пока не сумела, да и не уверена, сумею ли когда-нибудь, но Чеккина оказалась права — я перестала испытывать жгучую ненависть. Ведь если так посмотреть: кабы мои сестры умирали от голода и болезней, а жрец из Пеньковского Храма приказал мне ради их спасения подсунуть кому-то любовный амулет, смогла бы я отказаться? У меня не было ответа. Я могла только молить Великую Веритассию, чтобы мне никогда в жизни не довелось делать столь жуткий выбор.

ГЛАВА 32
Тележный день

Вот и пролетел еще один годок. Сегодня мне исполнялось девятнадцать лет. Дома всегда шутили, что я прибыла на заимку на первой телеге и привезла с собой настоящую весну. В этот день было принято пересаживаться из саней в телегу, а погода устанавливалась настолько теплая, что ручьи по улицам бежали, даже если было пасмурно. В столице же снег уже практически стаял, и яркое солнышко с ясно-голубого неба ласково щекотало щеки.

Чеккина преподнесла мне в подарок роскошный набор косметики, и я мстительно подумала, что ни за какие коврижки не потащу его на проверку к декану! Хватит, он уже столько раз меня обманывал, что лучше я буду доверять своим ощущениям, а не его словам. Не будет подруга мне вредить. Вот не будет, и все. Я так думаю. Нет, я так знаю!

А Брианда позвала меня вечером в столичный театр на выступление Шарля Демара. Я очень обрадовалась возможности выйти из Академии, да и настоящих спектаклей мне еще видеть не приходилось. Так что я с нетерпением ждала предстоящего удовольствия.

Но оказалось, что это были далеко не все подарки. Стоило мне после занятий зайти в мастерскую, как на меня налетели художница с Чеккиной и заставили переодеться: в театр, мол, в повседневном не принято ходить. Брианда притащила для меня странное платье цвета бутонов вишни, все в пене кружев, бантиков и розочек. Оно слегка напоминало наряды Элинор Олбанс, так что я поначалу попыталась отказаться идти в нем, но художницу переспорить было невозможно. На пару с Франческой они ловко меня переодели, взбили мне волосы в какую-то сложную куафюру (тут я окончательно уверилась, что буду выглядеть как Элинор) и подкрасили.

К зеркалу я приближалась с опаской, но все оказалось на удивление гармонично: я выглядела вовсе не расфуфыренной куклой, а, скорее, статуэткой пастушки. Я такие видела в продаже: они делались из фарфора и предназначались для украшения каминной полки. Конечно, ни одна настоящая пастушка не отправилась бы пасти коров или овец в подобном платьице, но такими вот представляли сельских девушек столичные жители. Должна признать, что этот розовый цвет был мне очень к лицу: я опять напоминала собственный портрет кисти

Брианды.

— Это мой подарок, — заметила художница, критически оглядывая меня с головы до ног.

— Ой, Брианда, и платье тоже? Я думала, что подарок — это посещение спектакля! — Я тут же заволновалась.

— О нет, — закатила глаза девушка, — я узнаю этот тон! Сейчас начнется: «я не могу принять», «это дорого» и все такое прочее! Давай пропустим эту часть обязательной программы, угу?

— Но…

— Я сказала: пропустим! Не порти всем настроение! Платье — это подарок, а театр — культурная программа, так что все отлично! Лучше вытаскивай из ушей эти блескучки, они мне за полгода все глаза намозолили!

Я непроизвольно схватилась за мочки ушей. Мне их еще в детстве прокололи, а на шестнадцатилетие родители подарили небольшие золотые колечки, которые я и носила постоянно.

— Но у меня нет других, — смутилась я.

— Сейчас поправим! — пообещала Брианда.

— Только не говори, что еще и сережки хочешь подарить! — воскликнула я.

— Не хочу! — спокойно заявила художница, извлекая из маленькой коробочки две небольшие розовые капельки. — Давай-давай, вытаскивай, турмалины в серебре сюда подойдут гораздо больше золота.

— А… как… — забормотала я.

— Это не от меня подарок, а от Фила, — соизволила пояснить девушка.

Я с укоризной на нее посмотрела.

— Что? Не веришь? Сама сейчас у него спросишь! — с самым невинным видом заявила эта хитрюга.

— А магистр Кальдерон что, с нами в театр пойдет? — спохватилась я. После открывшихся воспоминаний мне было как-то неловко встречаться с братом Бриандры.

— Конечно, а ты как думала? — пожала плечами девушка. — Так, я не поняла, мне выдирать серьги у тебя из ушей, или ты уже перестанешь всех задерживать?

Ну, вот и как с ней разговаривать? Еще и повернула все так, будто я виновата! Кое-как справившись с застежками, я отдала свои колечки Чеккине, которая пообещала отнести мою одежду в общежитие. Подруга почему-то в присутствии Бриандры всегда вела себя очень тихо. Впрочем, боюсь, что рядом со странной художницей все казались слегка пришибленными. Сама она, кстати, только заляпанную мантию скинула. Впрочем, под накидкой оказалось очень красивое черное платье с золотой

отделкой.

Магистр ждал нас в холле. Я сразу растерялась и позабыла все заготовленные слова, которыми собиралась поблагодарить его за серьги. Конечно, правильнее было бы отказаться от них, но получилось бы, что я во второй раз пытаюсь вернуть ему подаренное, а это уж совсем невежливо.

— Дамы, вы ослепительны! — мило улыбнулся Филипп, чмокнул сестру в щеку, а потом поцеловал мне руку. Я еще даже покраснеть не успела, как Брианда подхватила меня под локоток, и мы перенеслись в какое-то странное место.

Наверное, это следовало бы назвать улицей, если бы не наличие высоко вверху стеклянной крыши. То есть вот длинная такая улица: под ногами — красивая мозаика из ровненьких плиточек, по бокам — высоченные каменные здания в три этажа, а надо всем этим — прозрачная выгнутая крыша. Тепло. Сухо. Люди гуляют нарядные. Судя по одежде — богатые. Не знаю, что это был за район Веритерры, но он явно располагался очень далеко от Академии.

— Брианда, а мы где? — шепотом спросила я, закончив озираться.

— Это называется «пассаж», — улыбнулась девушка. — Крытая галерея для прогулок, а по бокам — магазины и ресторации. Вообще-то галерей две, они пересекаются под прямым углом, образуя в центре площадь. В конце одной из галерей — вход в театр. Я подумала, что тебе захочется немного пройтись перед началом спектакля. Если тебе здесь не нравится, то можем перенестись сразу к театру, но до начала выступления еще есть время.

— Нет, что ты, спасибо, я с удовольствием прогуляюсь, — вернула я ей улыбку. — Ты такая внимательная!

— Ну, еще бы! — гордо согласилась художница.

Мы неторопливо пошли по этой странной улице. Магистр с Бриандой негромко переговаривались, причем девушка регулярно обращалась и ко мне с вопросами, но с такими, что ответа вовсе не требовали. То есть я вроде как и в разговоре участвовала, но при этом спокойно могла оглядывать огромные стеклянные витрины расположенных на первом этаже лавок, любуясь всякими диковинами. Мне еще учиться и учиться такому искусству светской беседы!

Гуляющих в пассаже было не так уж и много, но, как я поняла, почти все они были знакомы с художницей — чуть ли не каждый встречный с ней раскланивался.

Когда мы добрались до площади, у меня уже в глазах рябило

от обилия впечатлений. Столько странных штук сразу я даже на уездной ярмарке не видывала. А в центре площади бил большой фонтан. Вокруг него тоже прогуливались люди, а сверху все это великолепие было прикрыто огромным стеклянным шатром. Я даже забеспокоилась, как бы эта громада не рухнула с такой высоты. Пока я, рискуя вывихнуть шею, изучала массу стекла над головой, откуда-то сбоку донесся нежный женский голосок:

— Бриандочка!

— Только не это! — чуть слышно простонала в ответ художница.

Разумеется, мне сразу же стало любопытно, кто та удивительная незнакомка, что сумела смутить своим появлением даже бесцеремонную Брианду. К нам неспешно приближалась женщина в пестром струящемся одеянии, состоящем из слоев тонкой ткани разных оттенков. Я даже не взялась бы пересчитывать, сколько цветов использовано в этом странном платье. При этом голова дамы была полностью скрыта густым черным кружевом: ни лица, ни волос невозможно было разглядеть. Судя по голосу, женщина была молода. Что могло заставить ее использовать такой странный головной убор, я не знала, но на всякий случай постаралась поскорее отвести глаза, мало ли что означает такая штука. На почтительном расстоянии за незнакомкой двигались две пожилые женщины в темных платьях, видимо, служанки.

Мои спутники отреагировали на появление дамы как-то странно: если Брианда ждала приближения незнакомки, вытянувшись в струну и еще выше, чем обычно, задрав подбородок, то магистр, напротив, согнулся в таком низком поклоне, какого мне до сих пор и видеть-то никогда не доводилось. Я ничего не понимала, но решила на всякий случай повторять за Бриандой, она хоть точно знает, кто это такая.

— Ваше вы… — начал было разогнувшийся мужчина, но его прервал смех подошедшей:

— Ах, что вы, верит Кальдерон, я здесь инкогнито. Всего лишь частным образом навестила родню.

— Здравствуй, Марьяна! Прекрасно выглядишь! — сообщила Брианда.

— Ты тоже, дорогая, ты тоже!

— Тебя даже беременность не портит, — продолжила художница.

— Ты ошиблась, я не беременна!

— Ох, либерьянская кухня же славится своими сладостями, как же я могла забыть! — сокрушенно покачала головой художница. — А корсет у вас носить не принято. Ты поскорей

вводи в моду веритеррское платье! Тогда сможешь спокойно кушать пирожные, не опасаясь потерять талию.

— Ты, как всегда, весьма любезна, дорогая! — медоточивым голосом ответила женщина. — А это что у нас за цветочек?

— Моя подруга, — спокойно пояснила Брианда, даже не пытаясь меня представить.

— Какая хорошенькая! — хихикнула либерьянка, протягивая ко мне руку.

Я еще не успела толком понять, чего хочет эта Марьяна, а магистр уже шагнул вперед и быстрым движением перехватил ладонь женщины.

— Ты не смеешь до меня дотрагиваться! — тут же зашипела дама, стараясь выдернуть руку из сильных пальцев Филиппа.

— Кто-то тут говорил про инкогнито? — возразил мужчина, продолжая удерживать ладошку собеседницы.

— Я пожалуюсь мужу!

— С нетерпением жду его претензий! Только, прежде чем побежишь жаловаться, вспомни, что мне тоже есть чем с ним поделиться.

— Ты не посмеешь!

— Уверена? — иронично выгнул бровь магистр.

— Мерзавец! — выплюнула женщина.

— Еще какой! — согласился он.

— Между прочим, тебя никто не заставлял уезжать! Вполне мог оставаться на прежнем месте, и все были бы счастливы! — понизив голос, сообщила либерьянка.

— Я не голодаю, так что чужими объедками не интересуюсь.

— Да уж, конечно! Что, Бриандочка уже успела подложить под тебя новую подружку?

— Пф! — фыркнула художница. — Порядочные девушки перед первым встречным ноги не раздвигают, потому и подстилками не оказываются.

— Да как ты… — начала женщина, но ее прервал спокойный голос магистра:

— Тебе не кажется, что ты привлекаешь к себе излишнее внимание? Сцена-то со стороны смотрится двусмысленно. Еще неизвестно, в каком ракурсе ее преподнесут твоему дражайшему супругу. Готов поспорить, что это он приставил к тебе вон тех соглядатаек.

— Ничего ты… — зашипела либерьянка, но Филипп опять не дал ей договорить:

— А учитывая, что ты уже не подданная Веритерры, я ведь могу по старой памяти и усугубить ситуацию.

— Ты не станешь этого делать, ты же все последствия

наперед просчитываешь!

— Намекаешь на дипломатические осложнения? Ай, умная девочка! Только последствия-то могут быть лишь в одном случае: если твой муженек пожелает признать твое легкомысленное поведение. А я знаком с ним куда дольше твоего! Ему проще организовать для тебя несчастный случай, чем продемонстрировать всему миру свои ветвистые рога.

— А за себя не боишься? — слова женщины так и сочились ядом.

— Ко мне твой венценосный супруг уже как-то подсылал убийц. Можешь на досуге поинтересоваться у него, что из этого вышло. Магия Слова — весьма удобная штука, знаешь ли.

— Я тебя ненавижу! — бросила либерьянка.

— Счастлив слышать! А то моя совесть была неспокойна, вдруг ты до сих пор по ночам рыдаешь в подушку из-за моего отъезда.

— Отпусти! — прошипела Марьяна.

— Как скажешь, дорогая! Рад был повидаться!

Женщина молча развернулась и удалилась в сторону боковой галереи.

— Мне жаль, что вы стали свидетельницей этой безобразной сцены, верита Феодоссия, — обратился ко мне магистр. — Надеюсь, что непревзойденное искусство верита Демара сможет изгнать ее из вашей памяти.

— Да пусть знает, какие сучки на белом свете встречаются! — заявила в ответ слегка расслабившаяся Брианда.

— Милая, ты не забыла, что у вериты Феодоссии день рождения и портить ей настроение как минимум невежливо? Кстати, зачем ты начала дразнить ее высочество? — Магистр сделал приглашающий жест, и мы двинулись дальше.

— Не смогла удержаться, — повинилась художница. — Впрочем, пусть скажет спасибо, что я ей морду не набила!

Брат с сестрой умудрялись даже столь напряженный диалог вести с такими лицами, словно беседовали о погоде. Я прислушивалась к их беседе, стараясь тоже удерживать незаинтересованное выражение лица. Боюсь, у меня это получалось плохо: мне не понравилось высказывание либерьянки насчет подкладывания новой подружки под магистра. Может, я ошибаюсь, конечно, но, кажется, она говорила обо мне. Я что, произвожу впечатление распутной женщины?

— Вот это бы точно привело к дипломатическим осложнениям! — продолжал меж тем верит Филипп.

— Да знаю я! А чего ты так задергался, когда эта склизкая гадюка попыталась дотронуться до Феи?

— Потому что еще не забыл, чем были начинены конфеты, присланные верите Феодоссии от твоего имени.

— Димушь? Точно, это ж либерьянская отрава! Ты думаешь, это была Марьяна?

— Я не знаю, что думать, Брианда! Ведь, кроме кастелянши, эту таинственную посетительницу никто не видел. Так что лучше лишний раз проявить бдительность. И, может быть, мы, наконец, уже сменим тему?

— Да, пожалуй! — согласилась художница, глянув на меня. — Впрочем, мы уже практически пришли! Вон вход в театр.

Столичный театр оказался огромным зданием с зеркалами, скульптурами и широкими лестницами. Публика и впрямь блистала нарядами и драгоценностями. Мы не стали задерживаться в холле, а сразу поднялись в какой-то странный, узенький, выгнутый коридорчик, по левой стене которого тянулся ряд дверей, в одну из которых мы и зашли. За дверью скрывалась небольшая комнатка, обитая красным бархатом. По правую руку стоял диван, а напротив него висело большое зеркало в золоченой раме. Брианда немедленно кинулась прихорашиваться, а я все пыталась понять, куда это мы попали.

— Вам что-то не нравится, верита Феодоссия? — вежливо осведомился магистр.

— Нет, что вы, здесь очень красиво! Просто мне казалось, что в театре должен быть зрительный зал, как на факультете Искусства.

— Зрительный зал здесь есть, и намного лучше, нежели в Академии. Он скрывается за той портьерой, — пояснил мужчина.

Я тут же смутилась, осознав, что опять ляпнула глупость.

— Но я тоже никогда не понимал, зачем нужно тратить место на аванложи. Все равно никто не приходит сюда в верхней одежде.

— Не занудствуй! — оторвалась от зеркала Брианда. — Лучше проводи Фею в ложу. Я к вам скоро присоединюсь.

— Как скажешь, милая! — с непонятной ехидцей ответил ей брат.

Ложей оказался небольшой балкончик, так же весь обитый красным бархатом. Здесь стояли изящные креслица, в одно из которых и усадил меня магистр.

— Полагаю, отсюда вам будет удобнее всего наблюдать за представлением, — пояснил он.

Зрительный зал был грандиозный! Мне не хватит слов, чтобы описать это гигантское помещение, все изукрашенное позолотой, с расписным потолком и занавесом, которым, наверное, можно

было полностью укрыть наш терем на заимке. Пока я его разглядывала, заиграла музыка.

— Скоро уже начало, — отметил магистр.

— А Брианду не нужно позвать? — забеспокоилась я, оглянувшись на портьеру, отделяющую нас от аванложи. Мне показалось, или оттуда донесся смех?

— Нет, Брианда никуда не денется, поверьте, — слегка поморщился мужчина.

Художница появилась уже тогда, когда в зале погас свет.

В спектакле рассказывалось о двух бедных сиротках — мальчике и девочке, найденных в лесу и принятых на воспитание добрыми пастухами. Детишки подросли, тоже стали пасти стада и полюбили друг друга. И если поначалу все было вполне мирно, позднее на них начали с незавидной регулярностью нападать пираты, им постоянно приходилось отбиваться от настойчивых поклонников, причем, к моему глубочайшему изумлению, поклонники появились и у девочки, и у мальчика. Думаю, я просто что-то неправильно поняла в сюжете. Заканчивалось все очень трогательно: герои нашли своих настоящих родителей — из двух очень богатых дворянских родов — и смогли пожениться.

Я даже не сразу поняла, что мальчика-пастушка играет как раз Шарль Демар! Он был чудо как хорош, хотя мне с трудом удавалось первое время сдерживать смех, наблюдая, как «пастушок» в кружевной рубашке и панталонах с бантиками размахивает какой-то удочкой, причем каждый раз после взмаха откуда-то раздавался звук щелкающего кнута. А когда этот горе-подпасок погнал коров на клеверное поле, мне даже пришлось прикрыть рот ладошкой. Зато про любовь и пиратов было очень интересно и душещипательно.

К концу представления на душе было уже легко и радостно, даже дышать стало свободней, словно после теплого летнего дождя, и я искренне аплодировала актерам, которых просто завалили цветами.

— Вам понравилось? — спросил магистр, помогая мне подняться.

— Да, очень, — искренне улыбнулась я. — Хотя начало смешное, зато конец просто чудесный!

— Смешное? — удивился верит Филипп. — Странно, я не заметил.

— И что же тебя насмешило? — поинтересовалась художница, вновь охорашиваясь перед зеркалом.

— Бриандочка, боюсь, тебе не понравится, если я начну рассказывать, что происходит с коровами после того, как они наедятся свежего клевера, — потупилась я.

— Ну, теперь я уже просто умру от любопытства! Можно кратко обрисовать?

— Если совсем кратко: вздутие живота.

— Да, пожалуй, лучше без подробностей, — согласилась девушка.

Вечером за чашкой чая мы уютно болтали с Чеккиной. Она посмеялась над моими впечатлениями от спектакля и рассказала, что это очень старая пьеса и весьма известная, но никто пока не предъявлял претензий к коровам на клевере. Я лишь плечами пожала:

— Значит, ее еще ни разу не показывали в сельской местности.

— Нет, ты не романтик! — вздохнула подруга.

— Наверное, — легко согласилась я. — Видимо, поэтому я никак и не могу влюбиться по-настоящему, без амулетов и прочей дребедени.

— Влюбишься! — твердо пообещала Франческа. — Как ты там говорила про кривого суженого на козе?

— Не знаю, я такого не говорила никогда!

— Нет, говорила! Как же там было… вспомнила! Суженого на кривой козе не объедешь!

— Нет, что ты! — засмеялась я. — Это два разных выражения: суженого конем не объедешь — одно, на кривой козе не подъедешь — другое.

— Не важно! — царственно отмахнулась соседка. — К тому же мой вариант звучит смешнее. Дело за малым: осталось найти кривую козу!

— Кстати, о козах! Я тут после спектакля неожиданно вспомнила одну вещь! Помнишь, как во время дня поминовения павших Элинор порвала мне рясны?

— Ну, я не знаю точно, как эта штука называется, но нитку жемчуга она порвала — помню. А что?

— А потом она что-то странное сказала магистру Кальдерону про королевскую вишню в садах Либерьяна или как-то так…

— Не помню! — Подруга смахнула крошки со стола, и мне показалось, что она прячет глаза.

— Чеккина! — требовательно позвала я.

— А?

— Почему от меня все что-то скрывают?

— Да никто от тебя ничего не скрывает, просто ты нашла о ком вспомнить на ночь — об этой дуре! Сплетни это все.

— Так расскажи! Давай посплетничаем!

— Ой, вот пристала! — надула губки подруга. — Ну, хорошо:

магистр Кальдерон много лет был послом Веритерры в Либерьяне. И у него была невеста, которую, говорят, он однажды взял с собой на какой-то тамошний праздник. Вроде чуть ли не сразу после этого должна была состояться их свадьба. Свадьба-то состоялась, только жених был уже другой — сам либерьянский принц.

— Это как? — поразилась я.

— Откуда же мне знать? — развела руками Чеккина. — Только теперь бывшая невеста магистра Кальдерона — принцесса Либерьяна.

— И много у них там принцесс?

— Да вроде одна. Вот на нее и намекала тогда Элинор.

— А яблоки тут при чем?

— Ну… — Франческа тяжко вздохнула, — ладно: это она про тебя.

— То есть? — все еще не до конца понимала я.

— Ну, вроде как она пыталась поддеть магистра Кальдерона, что якобы за неимением раскрасавицы принцессы ему и сельская простушка сойдет. Но это ж бред!

— А что, принцесса очень красивая? — Я сразу вспомнила стройную фигурку в легком платье. Что бы там ни говорила Брианда, а отсутствием талии ту даму попрекнуть было нельзя. И двигалась она очень грациозно. Да и голосок просто волшебный. Жаль, что лица видно не было.

— Говорят, что да, но сама я ее не видела. А с чего вдруг она тебя так заинтересовала?

— Я ее сегодня встретила…

— Да ты что? Где? Когда? Рассказывай сейчас же!

Я кратко пересказала подруге произошедшее в пассаже.

— Похоже, все правда, — удовлетворенно кивнула Чеккина, заваривая новую порцию чая. — А магистр-то рисковый человек!

— Ты о чем?

— Он подозревал, что в руке у этой стервозы может быть что-то опасное, но не побоялся принять удар на себя. С чего бы, кстати, такая забота? Он что, за тобой ухаживает?

— Нет, — покачала головой я. — Он просто, как и Питер, уверен, что я — ведунья, вот и защищает представительницу вымирающего вида. Никому я не нужна сама по себе, только как новый отросток на почти засохшей ветви.

— Да ладно тебе прибедняться! Питер безо всякой выгоды по тебе с ума сходил, да и сейчас сходит. А магистр… Ну, он, конечно, очень интересный мужчина, но и опасный, с такими всегда тяжело. По-моему, Питер тебе больше подходил, — негромко добавила подруга.

— Ладно, давай не будем о грустном! — натянуто улыбнулась я.

ГЛАВА 33
Дери-полоз

Потихоньку-полегоньку, а наступил и кветень.

С Питером я не то чтоб помирилась, просто придерживалась народной мудрости «худой мир лучше доброй ссоры». Все равно мне нужно было ходить на уроки танцев. Но этими занятиями наше общение и ограничивалось. Парень, конечно, уже не напоминал лицом покойника, но до сих пор выглядел помятым. В столовой он теперь садился отдельно, я же старалась его по возможности не замечать. Мне все еще больно было вспоминать, как он вывернул мою душу наизнанку. Хотя, конечно, было очень жалко его соплеменников. Однако помочь этим людям я ничем не могла: если ведуньи и умели договариваться с природой, то я не знала, каким образом они это делали.

Погода установилась теплая, снег окончательно стаял, так что нерадивый хозяин, поленившийся сменить сани на телегу, рисковал уже и впрямь ободрать полозья. После ужина часть учащихся затеяла во дворе прыгать через костер. Вообще-то костер полагалось бы сложить из старых соломенных тюфяков, но в общежитиях таких, конечно, не было, потому ребята просто натаскали веток. Валежник был сыроват, и костерок больше дымил, чем горел, но так даже лучше окуривалась одежда. Считалось, что это убережет от болезней. Чеккина побрезговала такой вульгарной забавой (скорее всего не хотела пропахнуть дымом), а я с радостью присоединилась к игрищам.

Дома на Дери-полоз мы с Дорой прошлые пару лет бодрствовали до самого утра, рассказывая друг дружке страшные сказки. Говорят, если девица не заснет в эту ночь, то муж будет добрый, а кому ж хочется за злого замуж идти? Интересно, как там моя верная подружечка? Письма с заимки добирались до столицы долго. Последнее я получила еще до Комоедиц и надеялась, что вскорости придет новая весточка от родных.

Задумавшись, чуть не пропустила свою очередь прыгать. Костерок был совсем смешной, и я не особо старалась: легко перепрыгнула раз, потом другой, развернулась и подпрыгнула в третий. А вот что произошло дальше, понять не успела.

Вроде только что огонек едва теплился на влажном хворосте, как вдруг пламя взметнулось ввысь ярким столбом, я и моргнуть не успела, как влетела прямо в раскаленную струю. Тут же раздался тошнотворный запах, кто-то завизжал, издалека донесся крик «Фея, падай!», я еще успела подумать, что голос вроде

Питера, а потом пришла боль. Я затрясла руками и заорала, пытаясь сбить жгучие огненные языки, которые, словно живые, сами бегали по одежде и норовили влезть на лицо и голову. Со всех сторон доносились крики и визг, я в панике уже просто выла, а потом все вокруг затопил мертвенно-белый свет.

Запах. Мерзкий запах горящих волос раздирал ноздри. Я закашлялась и распахнула глаза. Кажется, распахнула. Почему ничего не видно? Я что, ослепла? Костер… огонь… боль… Где я? Рукой дотронулась до лица. Нащупала какую-то слизь. Чуть не завопила, но горло перехватило, и раздался лишь слабый вздох.

— Молчи, дурочка, — просипел мне в ухо знакомый голос. — Ты в лечебнице. Намазана снадобьем от ожогов. С тобой все в порядке. Лежи спокойно.

— Вы кто? — чуть слышно прошептала я.

— Скоро узнаешь, — ответил обладатель странного голоса. — Не могу понять, на кой им второй слой защиты. — Удивленных ноток за хрипом я не разобрала, но скорее всего мой незримый собеседник именно удивлялся.

— Я рассказала про вас магистру.

— Глупая девчонка! Хотя это уже не так важно. Тихо!

Значит, опять будем подслушивать…

— Анс, я тебя очень прошу! Ну, ради меня!

— Да пойми ты, чудак-человек, не могу я ей косу отрастить! Не мо-гу! Скажи спасибо, что у нее следов от ожогов не останется! Грэг все силы ухлопал на мазь, теперь неделю в себя приходить будет.

— Если вопрос только в этом, я перелью свой запас в него или в тебя!

— Опять двадцать пять! Можешь поделиться с ним силой просто так, по доброте душевной, но мы тоже не боги и не умеем делать невозможное. Ну нет у нас заклинания или средства, которое позволило бы отрастить волосы за считаные минуты! Есть составы, чтобы ускорить естественный рост, но не настолько же! И вообще, это ерунда на фоне того, что могло бы быть! Она ж не лысой осталась!

— Почти!

— Ничего себе «почти»! У нее волосы до лопаток! Прорва женщин живет с такими!

— Ты не понимаешь!

— Да, не понимаю! Объясни мне, тупице, что ты прицепился к этой косе? Мормышка жива? Жива! И даже красивой останется! Чего ты распереживался из-за ерунды?

— Она уже никогда не сможет вернуться домой!

— С чего вдруг?

— В традиционных общинах косу девушкам отрезают в качестве наказания за непристойное поведение.

— Дичь какая-то! Ну, даже если так, разве она родне не сможет объяснить, что волосы просто сгорели?

— Родне, наверное, сможет, но всем вокруг рот не заткнешь. Пойдут сплетни, а у нее девять младших сестер.

— А они тут при чем?

— Кто в тех местах захочет жениться на девушке из семьи, в которой одну из сестер публично опозорили?

— Ты меня разыгрываешь?

— Я серьезен как никогда!

— Чего только на свете не бывает! Слушай, мне жаль девочку, но правда не могу я вырастить ей косу до пола! Думаю, что вопрос можно решить как-то иначе: парик или что-то в этом духе. Надо у Брианды спросить, она наверняка сможет подсказать подходящее решение. Да не смотри ты на меня так! Ну правда не могу! Мне поклясться?

— Не надо.

— Спасибо за доверие! Лучше скажи, какая гнида умудрилась влить в костер «Жидкую саламандру»?

— Понятия не имею.

— Но ведь во дворе толпа народу стояла, неужели никто ничего не видел?

— Уже всем перетряхнули мозги. Да там и были-то неофиты да пара адептов первого года обучения, откуда у них «Саламандра»?

— И что же получается? Опять никаких концов?

— Я бы поставил на то, что тварь обитает непосредственно в Академии, и даже рискнул бы предположить, что шерстить надо в первую очередь администрацию.

— Ты не слишком высоко замахнулся?

— Сам посуди: костер решили устроить внезапно. Я проверил, идея зародилась спонтанно, во время ужина. Быстро притащили немного веток из рощицы у реки. Во дворе только общаги неофитов и здание администрации. Посторонние там в такое время редко ходят. Все веселье длилось минут пятнадцать, тем не менее кто-то успел не только прознать об этом, но и подойти непосредственно к костру, чтобы вылить эликсир в нужный момент. Таким образом, мы имеем ограниченные время и место, но почти неограниченные ресурсы: редкое зелье наготове, способность либо массово отвести глаза, либо прикрыться невидимостью, возможность быстро исчезнуть.

— Теоретически можно было и не подходить, а только левитировать флакон…

— Еще лучше! На такую точную левитацию мелких предметов способны около десятка магов в стране. Двое из них находятся в этой комнате.

— Ну в целом я согласен, что сам выбор такого редкого и дорогого снадобья говорит о многом, да и про ограниченность во времени ты прав, но насчет конкретизации места я бы поспорил… Кто угодно из неофитов или обслуги общежитий может быть замешан, почему ты их сразу отметаешь? Любой из них мог следить за девчонкой и сообщить кому следует.

— Потеря времени плюс усложнение схемы. Хотя полностью, конечно, этот вариант сбрасывать со счетов нельзя. Но чутье мне подсказывает, что все проще: кто-то увидел происходящее из окна и решил быстро действовать.

— Слушай, вопрос некстати, но он меня мучает весь вечер: а чутье не подсказало тебе, на кого до ужаса похожа мормышка? Я вот только сейчас заметил, когда увидел ее с почерневшими волосами.

Голоса магистра и декана пропали, зато у меня над ухом раздался потрескивающий кашель. Пока я дрожащей рукой ощупывала голову и непривычно короткие концы волос, поняла, что это вовсе и не кашель, а смех.

— Наивные дети! — продолжал потрескивать голос. — Одно название, что маги! Думают, думают, а толку нет! Запомни, девочка, иногда думать надо не головой, а сердцем! А теперь спи! Кхе-кхе!

ГЛАВА 34
Бабий праздник

— И как это прикажете понимать?

Я с трудом разлепила веки. Надо мной с выражением непередаваемой брезгливости на лице нависал декан Дорэ. Смотрел мужчина, правда, не на меня, а куда-то на пол рядом с кроватью. Наверное, там лежала дохлая крыса. Все же столичные жители на редкость изнеженны.

Опершись на локоть, я перегнулась через край койки, но не увидела ничего подозрительного. По полу стелились только мои распущенные волосы, видимо, расплелись во время сна и соскользнули с постели. Я уже хотела уточнить, что, собственно, случилось, но в голове будто молния полыхнула. Волосы? Я изумленно вцепилась в одну из прядей, не веря собственным глазам.

— Ой, а мне ночью показалось…

— Вот ночью вам как раз не показалось, потому я и хочу понять, что здесь, хаос раздери, происходит!

Я подскочила на кровати и начала торопливо подбирать копну волос.

— Да что ж вы вытворяете-то? — вскипел декан, удерживая меня за плечо. — Вам для чего руки обрабатывали, чтоб вы свежую кожу поранили? Бросьте свои патлы немедленно!

— Так расчесать же надо и заплести, иначе потом нипочем не распутать! — обиженно пробубнила я. И ничего у меня не патлы, очень красивые волосы, между прочим! Хотя и непонятно, как это они за ночь обратно успели отрасти. — А тут гребня нет? — с надеждой обратилась я к декану.

Мужчина в ответ закатил глаза и простонал:

— Великая Веритассия, за что это мне? Посидите пять минут спокойно, ничего не трогая руками, хорошо? А я вам за это найду гребень!

Я еще и кивнуть не успела, как декан исчез. Ну, ладно, за пять минут ничего не случится, если головой по подушке не ерзать. Тут я заметила, что на мне надета какая-то странная сорочка: тонюсенькая, из шелка, без рукавов, с вырезом чуть ли не как у бального платья, да к тому же длиной едва до колена. Похожие мне Брианда вместе с платьями дарила, но те хоть подлиннее были! Странно, но одеяла у меня не оказалось, а кровать была застелена такой же тоненькой простыночкой. Я оглядела комнату, но одежды своей не увидела. Это что ж, мне

так и ждать возвращения Дорэ в непотребном виде? Я уже примеривалась, не завернуться ли в простыню, когда в палате возникла художница с какой-то тряпицей в руках.

— С добрым утром! Дивно выглядишь! — бодро пропела она, разглядывая мои новообретенные волосы. — Скажи-ка, и ничуть не хуже прежних!

— С добрым утром, Брианда! А ты случайно не знаешь, где моя одежда?

— Твоя одежда так изъедена «Жидкой саламандрой», что годится теперь только на половые тряпки! «Саламандра» — это такой эликсир… если плеснуть им в огонь, можно сжечь даже камни. — Девушка развернула тряпицу и набросила на меня. Это оказалась практически прозрачная тканюшка зеленоватого оттенка. — Я была уверена, что ты захочешь прикрыться.

— Брианда, да она же еще тоньше сорочки, ничего не скрывает! — воскликнула я.

— А тебе пока нельзя использовать более грубые ткани, чтобы не повредить нежную кожицу. Но если не нравится, давай обратно! Мужчины будут в восторге! — И художница требовательно протянула руку.

— Ка-какие мужчины? — Я с перепугу вцепилась в покрывальце обеими руками. — Я думала, декан Дорэ один вернется.

— Нет, он не может долго выносить твои капризы и потому притащил Фила тебя усмирять! — сообщила художница.

Я сразу почувствовала, как потеплели щеки.

— Чудненько! — Непонятно чему довольно улыбнувшись, Брианда отворила дверь палаты. — Ну-с, займемся пока прической! — радостно сообщила она, вооружаясь гребешком.

Декан вошел в помещение с таким лицом, будто у него зубы ломило, а по виду магистра, как обычно, ничего понять было нельзя, он лишь вежливо поклонился.

— Доброе утро! — поздоровалась я, не зная, куда деть руки. Сидеть было не очень удобно, потому что художница развернула мне голову и старательно расчесывала пряди.

— Вот, полюбуйся! — трагически возвестил декан. — Можно было и не переживать, у вериты Ролло волосы отрастают быстрее, чем хвост у ящерицы!

— Я так понимаю, к вам опять приходил гость? — поинтересовался верит Филипп.

— Ты про неофита Бранта? Его сюда не пустили, — возразил декан, — хотя он и пытался снести дверь лечебницы. Надо отдать парню должное, он единственный не потерял головы в том бардаке.

— Его там вообще не было, — встряла я, стараясь оттянуть неизбежный разговор о таинственном ночном посетителе.

— Он наблюдал за происходящим с крыльца общежития, — спокойно пояснил магистр. — Когда ваша одежда вспыхнула, он бросился к вам, чтобы сбить пламя, но не успел добежать до того, как сработал защитный амулет.

Надо же, значит, крик мне не пригрезился.

— Он все равно бы не сумел механическими методами справиться с магическим воздействием, но хотя бы не растерялся, в отличие от остальных, — кивнул декан. — Ладно, речь не о нем! Верита Ролло, как вы можете объяснить метаморфозу, произошедшую с вашей прической?

Я только пожала плечами.

— Вынужден повторить свой вопрос, — вновь обратился ко мне магистр. — К вам опять приходил гость?

— Да, — выдавила я.

— Что? — вскинулся декан и сделал какой-то мудреный жест. Вдоль всех стен тут же засветились тоненькие голубые нити. — Не было здесь никого!

— Верита Феодоссия утверждает обратное, — заметил магистр. — Более того, с ее слов мне известно, что на территории лечебницы ее регулярно удостаивает визитами некий обладатель очень хриплого голоса, который спокойно взламывает защиту твоего кабинета. При этом сей таинственный незнакомец появляется исключительно в кромешной тьме и, как видишь, не задевая защитных контуров.

— Ты поэтому настоял на установке второго слоя защиты на кабинет? — мрачно поинтересовался декан.

— Да. И теперь мне интересно: прошедшей ночью вам вновь удалось подслушать нашу беседу?

Я потупилась и попыталась поковырять краешек простыни, но тут же была остановлена грозным окриком врачевателя:

— Вам же велено по возможности ни до чего не дотрагиваться!

Я вздрогнула и умоляюще воззрилась на магистра.

— Вы не ответили на мой вопрос, — невозмутимо напомнил мужчина.

— Да, — сдалась я.

— Я впечатлен, — сообщил Филипп.

— Не то слово! — восхитился декан. — Ты представляешь, какая силища, а?

— А что-нибудь интересное он вам поведал? — осведомился у меня магистр Кальдерон.

Очень хотелось рассказать, как их с деканом обозвали

наивными детьми, но я сдержалась.

— Он мало говорит. В этот раз посоветовал иногда думать не головой, а сердцем и пообещал, что скоро я узнаю, кто он такой.

— А насчет узнавания можно поближе к тексту? — тут же насторожился магистр.

— Я спросила: «Кто вы?», а он ответил: «Скоро узнаешь». Потом удивился, зачем нужен второй слой защиты. Тогда я сказала, что вам про него известно. Он в ответ назвал меня глупой и сказал, что это уже не так важно. Все.

— Как тебе это нравится, Анс? — с ударением спросил верит Филипп у друга.

— Мне совершенно не нравится, что по моей лечебнице без моего ведома шныряют посторонние, но я уловил, о чем ты. Это становится уже очень интересным! И волосы, судя по всему, того же автора работа…

— Согласен, — кивнул магистр.

— Мальчики, а нас с Феей просветить не хотите? — подала голос необычно молчаливая Брианда. Судя по всему, ей с непривычки было тяжело управляться с моими волосами.

— Верите Феодоссии вредно волноваться, — холодно обронил ее брат.

— Да, — подхватил декан. — Брианда, пожалуйста, когда закончишь, сообщи мне, я прослежу, чтобы верита Ролло хорошенько намазалась мазью и легла спать.

— Я подумаю! — несколько грубо ответила ему художница.

На этом мужчины удалились, зато за меня тут же взялась девушка. В этот момент я даже искренне порадовалась, что ничего не знаю о своем госте, иначе бы Брианда все из меня вытянула.

ГЛАВА 35
Ольховые смотрины

В лечебнице меня продержали целых пять дней, хотя, на мой взгляд, уже на третий кожа была абсолютно здоровой. Но декан нипочем не желал слушать мои стенания о необходимости учиться и приближающейся сессии. Верита Грэгори я в эти дни не видела. Наверное, он все еще восстанавливал силы, а может, декан из вредности не пускал ко мне доброго лекаря. Меня почти все время заставляли спать, а кормили какой-то безвкусной бурдой вроде очень жидкого картофельного пюре. Мне его приносили прямо в кружке, чтобы можно было пить. На пятые сутки я уже ненавидела эту «еду». Все-таки раньше в лечебнице было намного приятнее находиться.

Обладатель сиплого голоса больше не появлялся, и я боялась, что декан все же нашел способ выгнать моего таинственного друга из здания.

К концу пятых суток явилась Брианда и сладко проворковала:

— Как же тебе повезло: столько поклонников сразу, с ума сойти!

Когда я попросила объяснений, художница лишь отмахнулась. Зато разложила на кровати красивое бархатное платье цвета лесной зелени.

— Нравится?

— Брианда, но у меня же не праздник!

— Праздник! Тебя, между прочим, от смерти спасли! Это, считай, второй день рождения. К тому же твое обожаемое черное платье пало жертвой «Саламандры», а тебе все равно надо в чем-то ходить.

— У меня есть еще наряды, надо попросить Чеккину, она принесет! Уже вполне можно надевать серое, снег сошел — подол сильно не замарается.

— Черный, серый, что ж у тебя в одежде один цвет другого ужаснее-то? Сколько раз тебе объяснять, что не все цвета тебе к лицу?

— Бриандочка, солнышко, я очень благодарна, правда, но не могу я вот так спокойно уже в третий раз взять дорогое платье. Такое впечатление, что я тебя обираю! Мне-то совершенно нечего тебе подарить!

— Ну, летом сделаешь мне еще один чудесный воротничок! А лучше еще разок попозируешь! Еще лучше: и воротничок, и попозировать! Как тебе такой план?

— Я тебе и без платья готова попозировать! — попыталась возразить я.

— Прямо даже без платья? — Девушка окинула меня оценивающим взглядом. — Однако! Что тебе здесь подмешивали в пищу?

Сообразив, на что намекает художница, покраснела до корней волос:

— Я не то имела в виду!

— Было бы удивительно, если б именно то, а так — никаких неожиданностей! — фыркнула Брианда. — Короче, не зли меня, надевай обновку и шагом марш в кабинет Анса. Сама дорогу найдешь?

Я рассеянно кивнула, все еще переживая свой промах, а художницы тут же и след простыл. Так я и осталась в обнимку с новым платьем. Оно вполне подходило для повседневной носки: покроем полностью повторяло мой черный наряд, только здесь вырез был чуть поглубже да рукава с подолом украшались широкой золотой тесьмой. Выбора не было, что-то надеть все равно нужно, чтоб к декану идти, вот и пришлось облачаться в дареное.

Глава врачевателей прочитал мне очередную лекцию о необходимости соблюдения правил безопасности, выдал новый амулет для защиты, а также спросил, захотят ли мои родные весной и летом пособирать травок для Академии. Я с радостью согласилась, ведь меня к ним не отпускали, так что никакой возможности отвезти на заимку нужные для работы материалы я не имела, а потому и подзаработать на продаже рукоделий в модную лавку пока не получалось. Ну, хоть на заготовке трав удастся сколотить немного денежек. Декан вручил мне длиннющий список требуемого и отпустил на все четыре стороны.

На следующий день после завтрака я сама подошла к Питеру и поблагодарила его за попытку спасения.

— Я ничего не успел сделать, — возразил богатырь, — ты так быстро вспыхнула и так ярко!

— Ты и не смог бы ничего сделать: декан врачевателей сказал, что нельзя без магии затушить такое пламя, так что не вини себя!

— А тебя хорошо лечили… следов совсем не осталось. Я рад. — Юноша протянул было руку к моей щеке, но тут же ее отдернул.

У северянина были очень печальные глаза, но я ничего не могла сказать ему в утешение: все еще не забылось, как больно падать после того, как само небо казалось родным домом.

На Ольховые смотрины не только расцвела ольха, но и потянулись с юга журавлиные клинья. Мое сердце рвалось вслед за этими прекрасными птицами, несущими на крыльях настоящую весну на нашу заимку, но я была привязана к Академии. Впрочем, до экзаменов оставалось рукой подать, а там уж меня наверняка отпустят, наконец, домой. Главное, сессию не завалить. Спасибо моему таинственному гостю, хоть к родным могу заявиться спокойно, не страшась нанести урон репутации сестренок. Магистр Кальдерон ведь правду тогда сказал: у нас девке косу обрезать — наказание за бесчестье.

После шумного урока танцев, на котором мы разучивали позвякивающую колокольчиками мореску, я забежала поздороваться с Бриандой. Художница, по своему обыкновению, покусывала кисточку, изучая какие-то штрихи на очередной картине.

— У, живенькая ты сегодня, глазки блестят, хоть на человека похожа! — заметила девушка, окинув меня мимолетным взором и возвращаясь к прерванному занятию.

— Кстати, о сходстве, — тут же вспомнила я. — Бриана, ты случайно не знаешь, на кого я могу быть до ужаса похожа? Мне только известно, что у этого человека темные волосы.

Мне давно было интересно, что ж такое углядел в моих обугленных волосах декан Дорэ, но спрашивать у него — себе дороже, опять глаза закатит, да еще, чего доброго, мормышкой обзовет. Очень мне не нравилось это противное прозвище. А художница умеет подмечать такие детали, которые другим незаметны. Если уж декан разглядел сходство, она и подавно должна. Конечно, есть вероятность, что блондиночка незнакома с моим двойником, но попытка — не пытка.

На Бриану мой вопрос отчего-то произвел невероятное впечатление: девушка выронила кисть, закашлялась и, кажется, едва не свалилась со стула.

— Что с тобой? — кинулась я к ней.

— Кто тебе сказал? — осипшим голосом выдохнула художница, пожирая глазами мое лицо.

— Э-э-э, — реакция Бриандa меня изрядно напугала, — да, в общем-то, никто не говорил.

— Тогда с чего ты взяла? — допытывалась девушка.

— Ну, я слышала, как декан Дорэ спрашивал у магистра Кальдерона, не заметил ли тот, на кого я с почерневшими волосами до ужаса похожа, — старательно припомнила я, сморщив лоб.

— Я ему шею сверну! — взметнулась со своего места девушка. — Вот своими руками, прям сейчас!

— Бриандочка, ты чего?.. — малость опешила я. Нет, ну что я такого спросила-то, а?

— Сволочь! — громко выкрикнула она, задрав голову к потолку. — Ладно, все равно ты бы когда-нибудь узнала, — с тяжким вздохом промолвила художница. Вспышка гнева, видимо, миновала, теперь блондинка выглядела грустной и, как мне показалось, слегка виноватой.

— Да ладно, если это тайна, так я случайно же услышала, — опасливо высказалась я.

— Да какая там тайна, вся Веритерра в курсе! — отмахнулась художница и двинулась в дальний угол мастерской. — Сейчас я тебе покажу!

Девушка довольно долго чем-то гремела, а потом появилась из-за леса мольбертов в обнимку с какой-то картиной.

— Рука не поднялась выкинуть! — сообщила она, швыряя полотно на стол.

Я бочком приблизилась к холсту. Это был портрет очень красивой девушки с большими голубыми глазами и нежным личиком. Точеный носик слегка надменно вздернут. На шее — роскошное ожерелье, рядом с которым даже украшения Элинор Олбанс меркнут. Но самым необычным в этом портрете были длинные вьющиеся локоны девушки. Точнее, их цвет! Волосы незнакомки были глубокого оттенка спелой, почти черной черешни. В воздухе словно бы разлился аромат пряностей и каких-то тонких благовоний. У меня даже в носу зачесалось. Девушка с портрета меж тем, кажется, посмотрела прямо на меня и скривила губки.

— Бриана, она меня что, видит? — шепотом спросила я, на всякий случай отодвигаясь от волшебной картины.

— Нет, конечно, не выдумывай! И как тебе? — выжидающе глядела на меня художница.

— Как живая! — честно сказала я. — Очень красивая! Только я не поняла, при чем тут она.

— Вообще-то, именно на нее ты и похожа…

— Да? — озадаченно переспросила я, вновь подходя к портрету. Лицо девушки за прошедшее время не изменилось. Нет, ну, конечно, все люди между собой слегка похожи: лоб, под ним — глаза, посредине лица — нос, чуть ниже — рот… Но, на мой взгляд, этим наше сходство с девушкой с портрета и ограничивалось. Даже если вспомнить, какой красавицей Бриана изобразила меня саму, и то ничего общего не нахожу. Глаза у незнакомки, конечно, тоже голубые, но куда как ярче моих.

— Ну, не то чтоб прям копия, но типаж в целом тот же, — со странной печалью произнесла художница, тоже рассматривая

портрет.

— Извини, Бриандочка, не нахожу никакого сходства! — покаялась я.

— Ты безнадежна! — фыркнула блондинка. — Даже Анс заметил, а уж он-то известное бревно в плане зрительного восприятия образов.

— А кто она? — заинтересовалась я.

— А ты до сих пор не поняла? — удивилась художница. — Это Марьяна. Красива, как звезда, а вместо души — свинцовая туча.

— Это принцесса, которую мы встретили по пути в театр?

— Она самая.

— А зачем же она такое красивое лицо закрывает кружевами?

— Это называется вуаль. Вроде как чтобы не узнали. Хотя в Веритерре не так уж много женщин ходит в либерьянском платье, так что… Ладно, пес с ней! — Бриана схватила картину и утащила обратно за мольберты. — Давай, говори сразу, что ты обо мне думаешь, — велела она, вернувшись.

— Э-э-э… в каком смысле? — Я опять не поспевала за поворотами нашей беседы, впрочем, так случалось почти каждый раз.

— Ну, что я, мерзавка, использовала твое доверие, и все в таком духе…

— Бриандочка, ты себя хорошо чувствуешь? — заволновалась я.

— Хаос! — воскликнула художница, шлепаясь на ближайшую табуретку. — Нет, я так не могу! Ты же совсем еще ребенок. Я себя чувствую пожирательницей младенцев!

— Объясни толком, что случилось? — Подойдя, я погладила девушку по плечу. Совершенно не могу уразуметь, из-за чего она переживает. — Ну, даже если я взаправду похожа на эту вашу Марьяну, это что, плохо?

— Да нет, наоборот, хорошо, — упавшим голосом произнесла художница. У нее даже плечи поникли. — Ты — совсем другая, очень чистая и честная, не меркантильная, добрая, серьезная… Хорошая, в общем.

— Знаешь, мне очень приятно это все слышать, но ты ошибаешься. — Я присела на соседний стульчик. — В последнее время только и занимаюсь тем, что всех обманываю, а ты говоришь — честная. Не могу найти в себе сил простить Питера, хотя умом и понимаю, что на его месте вполне могла бы поступить так же, а ты говоришь — добрая.

— Ой, вот только не топчись по моей застарелой мозоли, — тут же взъерепенилась девушка. — Этот твой северянин у меня

уже в печенках сидит!

— А что он тебе-то плохого сделал? — в очередной раз подивилась я.

— Да плохого, может, и ничего, надоел просто до изжоги!

Какой-то странный у нас выходит разговор: как будто каждая о чем-то своем говорит… Вроде как я ей — про Фому, а она мне — про Ерему!

— Бриандочка, у меня в голове уже все перепуталось. Ты мне по-простому скажи: что тебя так сильно огорчает?

— Твоя наивность!

И как это следует понимать? Я молчала, пытаясь придумать хоть какой-то ответ, а он почему-то все никак не хотел придумываться.

— Ладно, — сдалась художница, — по-простому так по-простому, раз уж намеков ты не понимаешь. Как правило, мужчине нравится какой-то определенный тип женской внешности. Вот мой братец как раз предпочитает именно девушек такого типа, как Марьяна. И как ты.

И вот тут-то я на собственном опыте поняла значение выражения «глаза на лоб полезли».

— Ты ошибаешься! Магистр Кальдерон ни разу не позволил себе ничего такого, что можно было бы истолковать как проявление интереса! Он всегда был предельно вежлив и сдержан! Даже когда я сама развязала опояску… — Я тут же прикусила язык, но было поздно.

На этот раз глаза на лоб полезли у Брианды:

— Убиться веником! Какая у людей насыщенная жизнь, оказывается! И как же поступил мой ненаглядный братец в этой восхитительно пикантной ситуации?

— Завязал ее обратно, — буркнула я.

— Вот и встретились два барана! — обреченно прикрыла глаза девушка. — У одного принципы скоро из ушей полезут, а другой наивность глаза застит! Нет, я с вами поседею раньше времени!

И тут у меня в голове зазвенел тонкий голосок: «Что, Бриандочка уже успела подложить под тебя новую подружку?»

— Подожди, — вскрикнула я, позабыв о неловкости, — так эта ваша принцесса что, правду сказала?

— Насчет чего?

— Про «подложить новую подружку»?

— Ну, она, конечно, выразилась очень грубо, но суть в целом передала верно. — Кажется, я впервые видела Брианду смущенной.

— И все эти платья, которые ты мне дарила, это попытка

меня… задобрить, что ли? — окончательно ошалела я.

— Нет! — рявкнула художница. — Ты уж из крайности в крайность-то не кидайся! Я просто хотела, чтобы ты выглядела как можно привлекательней. Сама же видела, что в подходящих нарядах становишься просто неотразимой. А эта черная тряпка, в которой ты вечно ходила… да я даже благодарна тому, кто ее сжег наконец-то! Ты же в ней смотрелась совсем невзрачной. Знаешь, как тебя Анс прозвал?

— Мормышкой, — скривилась я.

— А почему, знаешь?

Я только головой мотнула.

— В реке, вон, водится такой мелкий бледненький рачок — мормыш. Так ты такая же бледненькая все время ходила. А я не хотела, чтоб ты была мормышкой! Ты же красавица, а делаешь все, чтобы выглядеть как можно хуже! И да, заодно я была бы не против, чтоб у вас с Филом что-нибудь получилось. Еще скажи, что он тебе совсем не нравится: ты вечно очаровательно розовеешь, стоит только произнести его имя.

Я сперва запнулась, но вовремя вспомнила слова, произнесенные Чеккиной:

— Магистр Кальдерон — очень интересный мужчина. Но, Брианда, я не чувствую к нему ничего такого…

— Такого — это какого?

— Ну, не знаю… Я только под воздействием амулета испытывала любовь, и тогда все было очень ярко, а к магистру Кальдерону я подобного влечения не чувствовала никогда. — И я не соврала: болезненное чувство, которое захлестнуло меня, когда были повреждены магические контуры, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось со мной зимою.

— Так ты с ним и не общалась толком, откуда бы взяться чувствам, — пожала плечами девушка. — Это только в книгах все с первого взгляда влюбляются, а в жизни обычно все совсем иначе.

— Я что-то совсем запуталась, — посетовала я.

— А ты не путайся! Лучше говори: дуешься на меня?

— Нет…

Как ни странно, но я действительно не чувствовала обиды на Брианду. Не знаю, что уж художница там себе придумала насчет магистра и меня, но обманывать она меня не обманывала. А что брату помочь хотела, так я бы, можно подумать, Доре или еще кому из девочек не попыталась помочь, если бы их сосватать нужно было. Мне, правда, все равно казалось, что девушка ошиблась в оценке намерений Филиппа, но поживем — увидим.

— Вот и чудненько, — обрадовалась Брианда. — Тогда

расскажи, что там за история с опояской, иначе я не усну!

Нет, наверное, мне все же стоило рассердиться. Хотя…

— Только в обмен на рассказ о том, как так вышло, что эта ваша Марьяна стала принцессой. Я слышала, что она была невестой магистра Кальдерона.

— Смотри-ка, а ты начинаешь отращивать зубки, — хохотнула художница. — Так даже лучше.

ГЛАВА 36
Урви-берега

На Лисогон, когда лисы покидают свои зимние норы и принимаются рыть себе новые убежища, пришелся первый день недели тишины. Вновь повторилось все то же самое, что было зимой: все с головой погрузились в зубрежку, у меня прорезался неуемный аппетит, а Чеккина почти сутками пропадала на факультете Искусства, появляясь в общежитии только чтобы поспать пару часов.

Я до ужаса боялась сессии, с каждым днем все больше убеждалась, что ничегошеньки не знаю ни по одному предмету, с трудом понимала написанное и ворочалась в кровати чуть ли не до рассвета.

На Урви-берега дома я весь день возилась бы в огороде с рассадой, а здесь просидела до самого вечера над книгами, даже не ходила смотреть, вернулась ли река, протекающая по территории Академии, в привычное русло.

После ужина я занесла в нашу комнату кулек с булочками для подруги, по своему обыкновению пропустившей трапезу. Странно, но прямо посреди горницы, на полу, лежал небольшой конвертик. Имени на нем не было, но я подумала, что это может быть записка от Чеккины, случайно слетевшая с моего стола. Возможно, подруга заходила днем что-нибудь взять, а мне оставила какое-то сообщение. Правда, зачем потребовалось совать записку в конверт? А если это письмо, наоборот, для Франчески, просто она прочитать не успела? И что делать?

Покрутив бумажку и так и этак, решила все же вскрыть послание: если это не для меня, а для подруги, сразу же понятно станет, я и не буду дальше читать. А так: лежит в нашей общей комнате, имени нет, поди разбери, для кого это? Я аккуратненько разорвала конверт по краешку и вытащила бумажку. Прочла написанное и чуть не села прямо на пол.

В записке кривенькими буквицами было выведено:

> «Есле хочишь увидишь девчонку жывой приходи вечером в 11 к храму веритасии одна. Есле кому скажишь — падружку больше не увидишь».

В голове противно зазвенело. Я закрыла глаза, стараясь дышать как можно глубже, потом еще несколько раз перечитала послание. Это что ж получается: меня сжечь не удалось, так

теперь Чеккину вместо меня могут убить? Ой, мамочки! Я судорожно сжала руки, смяв записку в кулаке. Мысли путались, перед глазами поплыли разноцветные круги.

«Тихо! Тихо!» — уговаривала я сама себя, будто нервно прядущую ушами лошадь. А может, это шутка? Злая, грубая, но шутка? Ой, не похоже… И что делать-то? Делать-то что?

По спине побежал противный холодок. Я поежилась и метнулась к будильнику. До назначенного срока оставалось еще четыре часа. Может, побежать в лечебницу? Там декан должен быть или кто-нибудь, кто сможет его найти… Но в записке же велено никому не говорить… А как они узнают?.. А почем я знаю, что может и чего не может магия?.. Может, они за мной следить будут?.. А почему они?.. Может — он?.. Или она?.. Да какая разница!..

Так, стоп, тихо! Я попыталась унять мысли, скакавшие как блохи на сковородке. Голова огнем горела, а грудь, наоборот, словно лед сковал. Мне было так страшно за Чеккину, что хотелось завыть, но времени терять нельзя, надо попытаться хоть что-нибудь придумать.

Перво-наперво нужно понять, а не обман ли это все! В последнее время меня постоянно обманывают… А может, и сейчас Чеккина спокойно занимается своими делами, а я тут чуть ли не в истерике бьюсь?! Я стремительно выскочила из комнаты и со всех ног кинулась к факультету Искусства.

Обежала там все кабинеты, расспрашивая каждого встречного, не видел ли тот Франческу, но люди лишь руками разводили. Наконец, запыхавшись, добралась и до мансарды художников. Брианда, стоявшая перед большим зеркалом, с улыбкой обернулась ко мне, но я только выпалила:

— Ты видела сегодня Чеккину?

— Нет. А что случилось?

— Ничего. Спасибо, — бросила я и, хлопнув дверью, понеслась по коридору обратно к лестнице, ведущей на первый этаж.

«Где, где еще ее можно поискать?» — билось в голове в такт стуку каблучков. Не успев ничего надумать, я вихрем вылетела на улицу и попала прямиком в объятия художницы.

— А как ты… ах да! — вырвалось у меня. Я не сразу сумела осознать, что Брианда, в отличие от неофитов, умеет переноситься с места на место.

— Быстро говори, что стряслось? — потребовала девушка.

— Ничего, правда, просто мне срочно нужна Чеккина, а в здании факультета Искусства ее не было, — рассеянно ответила я, пытаясь сообразить, куда бежать дальше.

— Да-да, конечно, так я тебе и поверила! — Брианда ухватила меня за плечи. — Ну? Я жду!

— Извини, мне правда некогда, — попыталась вырваться, но блондинка никак не желала отпускать. Тут я поняла, что до сих пор сжимаю в руке смятую в комок бумажку. — Записка у меня для нее, срочная! Пусти, пожалуйста!

В качестве доказательства я повертела кулаком перед лицом художницы.

— А ну, дай посмотреть! — Она попыталась разжать мои пальцы.

— Да ты что! Это ж не тебе! — воскликнула я, поспешно пряча руку за спину.

— Тебе уже говорили, что врать ты совершенно не умеешь? — склонив голову набок, полюбопытствовала девушка.

— Мне некогда! Давай потом поговорим, а? — попыталась уйти от ответа я.

— Нет уж! — вынесла вердикт девушка. — Говорить ты будешь прямо сейчас, но уже не со мной!

— Не надо! — взвыла я, но было поздно: мы уже стояли в будуаре Брианды.

— Сядь-ка! — толкнула меня в кресло хозяйка и метнулась к двери. Там она резко дернула пару раз за шнурок сонетки и вернулась ко мне. — Вот сейчас мы все и узнаем! — не спуская с меня настороженного взгляда, уверенно заявила она.

Мне оставалось только вцепиться зубами в костяшку указательного пальца. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что произойдет дальше: сюда придет верит Кальдерон и просто заставит все ему рассказать. И что тогда будет с Чеккиной? Меня обуяло нестерпимое желание вскочить с кресла, разбежаться и треснуться головой о стенку!

В целом я угадала: сперва нас посетила миловидная Марта, которую художница отправила на срочные поиски магистра, а спустя минуту и он сам собственной персоной появился в будуаре. Как ни странно, не через дверь.

— Что за… — начал было мужчина, затем разглядел мое лицо. — Вечер явно перестает быть томным.

— Фея не может найти соседку, при этом прячет в руке какую-то записку. Сразу говорю: врет! — с ходу взяла быка за рога Брианда.

— Верита Феодоссия, посмотрите на меня, пожалуйста, — спокойным тоном обратился ко мне магистр.

Я подчинилась. Толку-то мне в сторону смотреть, если он своими чарами все одно принудит сделать так, как ему нужно.

— Верита Феодоссия, вы прекрасно знаете, что я могу вас

заставить все мне рассказать, но давайте не тратить время и силы на пустяки. Итак, что произошло?

— Мне нельзя говорить! — попыталась выкрутиться я.

— Даю вам еще один шанс. Последний. Скажете сами или мне применить силу? Ваш выбор?

Скрипнув зубами, я ответила:

— В комнате на полу нашла, — и разжала кулак.

Бриана первой схватила бумажный комок, развернула его, пробежала глазами и тут же передала добычу брату. Магистр вчитывался в написанное несколько дольше, после чего холодно бросил:

— Прошу прощения, дамы! — кивнул головой и пропал.

На меня сразу же навалились усталость и апатия. Хотелось закрыть глаза и уснуть. Желательно — навсегда. Как жить, если из-за меня с Чеккиной что-то случится? Возможно, мне было бы легче, если бы я смогла заплакать, но слезы почему-то не текли.

— Фея! — настойчиво позвала Бриана. — Возьми себя в руки!

— Да, конечно, — отозвалась я.

— Попробуй сосредоточиться и понять: в Храме Великой Веритассии круглосуточно находятся жрецы. Их там много! Сотни человек! Вокруг здания — площадь, то есть открытое место! Там негде спрятаться! — медленно, словно ребенку, втолковывала мне художница. — Очевидно же, что тебя просто хотели выманить из общежития и отправить в самое отдаленное от Академии место, к которому ты знаешь дорогу. Где-то по пути тебя бы перехватили. В торговом районе тьма закоулков. Вот там бы тебя и ждали. Надо было не метаться по учебным корпусам, а сразу бежать к Ансу!

— А как же Чеккина?.. Там же написано, никому не говорить, иначе… А я… Что с ней теперь будет?!

— Фея, я не провидец и не знаю, где сейчас твоя подруга, но ты бы ей точно ничем не помогла! Прекрати себя винить, от этого никому легче не станет! Я вообще не уверена, что ей что-то угрожает.

— Почему ты так считаешь?

— Просто, в отличие от тебя, здраво размышляю. Очень уж странная записка, как будто специально пытались написать побезграмотнее. И само требование — как в дешевой пьеске с избитым сюжетом. По-моему, очевидно — тебя просто хотели запугать и запутать, чтобы ты в панике бросилась бегом к Храму.

— Ты такая спокойная, — вяло заметила я. — Неужели совсем не волнуешься?

— Еще как волнуюсь! Но магия — это не только большие

возможности. Это еще и большая ответственность! Если не научишься трезво оценивать свои силы и опыт, таких дел наворотишь, что потом никто не расхлебает! Я не знаю, привлекут ли Фил с Ансом остальных или попытаются разобраться самостоятельно, но совершенно точно могу сказать, что мне нечего противопоставить тем, кто написал эту записку. Я мастер Искусства, у меня узкая специализация. От меня было бы больше вреда, чем пользы. А ты и вовсе еще не маг. Так что наше дело не лезть в драку, а ждать. Понадобимся — позовут!

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему ты говоришь, что пользы от тебя не было бы? Ведь чем больше магов, тем лучше!

— Смотря каких магов. И смотря для чего. В данной ситуации в первую очередь необходимы артефакторы, словесники и защитники. А вот искусники совершенно ни к чему. Я, например, совсем не хочу, чтобы в критический момент мой брат еще и за меня волновался. Это будет отвлекать его внимание и увеличит вероятность ошибки. Ладно, про специализации магов тебе еще расскажут, когда на следующую ступень перейдешь.

— А ты сейчас не такая, как обычно. Серьезная и собранная… — Во мне даже проснулся интерес.

— Это ты меня еще во время лекций не видела! — фыркнула она, сразу же превращаясь в прежнюю Брианду. — Ладно, пошли в библиотеку, а по дороге распорядимся насчет чая.

Пока мы ждали вестей от магистра, девушка успела немного рассказать мне про магию. Оказывается, даже у самых распространенных заклинаний, которыми пользуются все истинники без исключения, есть ряд ограничений. Именно поэтому художница, переносясь в поместье, всегда оказывается в своем будуаре, а вот ее брат предпочитает появляться в библиотеке. Так что в этой комнате мы точно не пропустим возвращение магистра. Я, правда, все равно слишком сильно переживала за Чеккину, потому не смогла понять и половины тех мудреных вещей, о которых толковала собеседница. Но блондиночка, кажется, способна была поддерживать беседу даже с колодезным журавлем, если тот будет изредка кивать и поскрипывать. Так мы и коротали время: Брианда — болтала, а я изображала из себя эту деревянную конструкцию.

Магистр появился ближе к полуночи, сильно уставший и, кажется, недовольный. Брианда отреагировала на появление брата моментально:

— Все живы?

— И даже здоровы, — ответил он.

По его словам выходило, что Чеккину никто и пальцем не трогал, просто днем в столицу по каким-то делам неожиданно нагрянули ее братья. Девушка убежала в город повидаться с родней, а таинственный некто воспользовался ситуацией, чтобы выманить меня из Академии. Где и кто должен был меня ждать — непонятно, потому что ничего подозрительного обнаружить не удалось. Как я поняла, кроме Филиппа, поисками занимались декан Дорэ и еще кто-то с факультета истинного Мастерства.

— У меня такое впечатление, будто отправитель послания хотел просто посмотреть на реакцию вериты Феодоссии. Ну, и на то, во что выльется вся эта кутерьма с запиской, — слегка поморщился магистр Кальдерон.

— Что-то вроде репетиции? — Брианда, кажется, способна была понимать брата с полуслова.

— Похоже на то.

— А с Чеккиной точно все в порядке? — робко подала голос я.

— В полнейшем. Она осталась ночевать у знакомых в городе, но завтра… уже сегодня вы с ней обязательно увидитесь, — заверил меня магистр.

— Полагаю, нам всем тоже пора отдохнуть, — спохватилась Брианда. — Фея, тебя устроит прежняя спальня?

ГЛАВА 37
Пчельник

После завтрака магистр попросил меня уделить ему несколько минут для приватного разговора. Я тут же испугалась, решив, что накануне он меня обманул и с Франческой что-то все же случилось.

Когда Филипп затворил за нами дверь библиотеки, я уже готова была услышать самое худшее.

— Да не смотрите вы на меня так, словно вас на заклание ведут, — вздохнул мужчина. — Что вы себе придумали, пока мы шли от столовой до этого помещения?

— С Чеккиной все хорошо?

— Я же вам уже вчера сказал: ваша подруга жива, здорова и вполне довольна жизнью! Она даже не знает о записке.

— Правда?

— Даю вам слово!

Я перевела дух.

— А теперь, когда мы прояснили жизненно важные вопросы, может, вы присядете и мы поговорим о ерунде? — выгнул бровь магистр.

Ну вот, опять он надо мной издевается.

— Почему бы и нет, — ответила сухо.

— Отрадно слышать, — слегка поклонился Филипп.

Я опустилась в одно из кресел, мужчина же остался стоять, облокотившись о спинку соседнего.

— Верита Феодоссия, я прошу вас внимательно выслушать мои слова, желательно до конца, а только потом начинать возражать. Выслушаете?

— Постараюсь.

Мне показалось, что магистр слегка улыбнулся. Чуть-чуть, одними уголками губ.

— Как я уже вчера говорил, мне непонятна история с запиской. Неясно, чего хотел добиться отправитель, неизвестно, что ждало бы вас, прими вы решение пойти к Храму. Традиционно никаких следов злоумышленника обнаружить не удалось.

— Так, может, это просто чья-то злая шутка была? — рискнула предположить я.

— Все может быть, — уклончиво ответил Филипп. — Но больше всего меня беспокоит то, что записка оказалась в вашей комнате. Общежития неофитов довольно хорошо защищены, и

попасть туда постороннему весьма затруднительно. Я знаю только пять возможных вариантов, как такое могло произойти, и четыре из них требуют участия очень сильного мага.

Магистр замолчал.

— К чему вы клоните? — Я сразу же почувствовала себя неуютно.

— А клоню я, верита Феодоссия, к тому, что вас надо бы изолировать на все время сессии. Но на это вы не согласитесь, я прекрасно понимаю! — Он мне даже рта не дал раскрыть. — Тем не менее вам явно нужна более серьезная защита. И вот теперь мы переходим к самому щекотливому моменту. Я предполагаю, что злоумышленник находится непосредственно в Академии. Это, с одной стороны, сужает круг поисков, но, с другой стороны, сильно ограничивает число лиц, которым можно доверять. Надеюсь, вы верите, что лично я вам зла не желаю?

— Да, конечно, — легко согласилась я. Ведь правда, если так подумать, магистр Кальдерон всегда относился ко мне очень бережно, щадил меня и старался быть рядом, когда мне угрожала опасность. Даже на хутор тайком, изменив личину, поехал, хотя мог бы гораздо интереснее время провести. Ну, а про истории с опояской и поцелуем я вообще молчу.

— Благодарю, — приложил руку к сердцу мужчина. Вот не поймешь его: то ли издевается, то ли просто привык так себя вести. — Я же, в свою очередь, безусловно могу доверять лишь троим: декану Дорэ, магистру Грэгори и Брианде. За любого из них я готов поручиться. Беда в том, что среди этих людей нет ни одного артефактора, а ваш защитный амулет далеко не идеален. Он, разумеется, оберегает вас от многого, но если бы мне потребовалось его уничтожить, я бы с этой задачей справился, а магов моего уровня в Академии не так уж и мало. Таким образом, налицо дилемма: нужно усилить вашу защиту, но при этом не привлекать внимания посторонних. Услугами артефакторов Академии мы воспользоваться не можем, поскольку не знаем, кому из них можно доверять. В обычной лавке амулет сильнее вашего не купить. Остается только применять уже имеющиеся в наличии вещицы.

И тут магистр так странно на меня посмотрел, что мне стало неловко. А он ведь еще ничего такого не сказал, на что мне захотелось бы возразить. Наоборот, пока что все было понятно и правильно. Я нервно заерзала в ожидании того самого, щекотливого. И оно не заставило себя ждать. В пальцах магистра что-то блеснуло.

— Это фамильное кольцо. Очень сильный артефакт. Если вы согласитесь его надеть, я смогу почувствовать грозящую вам

опасность и определить ваше местонахождение. Соответственно, сумею и помощь оказать. Во избежание недоразумений должен сразу предупредить: кольцо — обручальное. Тем не менее я предлагаю его вам в качестве защиты, а не в качестве символа помолвки.

Меня бросило в жар, щеки запылали. Сразу вспомнилась недавняя беседа с Бриандой, в голове промелькнули отрывки из снов, а потом почему-то представился подаренный Питером аграф.

— Магистр Кальдерон, извините, пожалуйста, но я никак не могу принять ваше предложение, мы же с вами едва знакомы, — промямлила я, опустив глаза.

— Верита Феодоссия, кажется, вы не расслышали мои слова! Я предлагаю вам защиту, а не руку и сердце. Как длительность нашего знакомства может повлиять на мою способность вас защитить?

— Я вам очень благодарна, честное слово. — Я все же решилась посмотреть прямо в лицо магистру. — Но это же обручальное кольцо, вы сами сказали. Это нехорошо. Это нарушение заветов Великой Веритассии.

— Чем же мое предложение нарушает заветы богини?

— Обручальные кольца — символ помолвки, а помолвка, как и истинный брак, заключается по любви. И вот так использовать их — кощунство.

Мужчина опустился в соседнее кресло и внимательно посмотрел на меня:

— Вас смущает мнение вашего жениха?

— Вы же знаете, что нет у меня никакого жениха.

— Наличие в вашей комнате обережной птицы говорит об обратном.

— Я же вам уже рассказывала: это подарок! Мы не заключали помолвку с Семеном, он просто хотел меня защитить, вот и подарил заряницу.

— Тогда в чем заключается принципиальная разница между моим предложением и поступком Семена? Я тоже хочу вас просто защитить. Если бы у меня под рукой был другой артефакт, я бы воспользовался им.

Я смотрела на магистра и не находила слов, чтобы возразить. И как у них с Бриандой все время получается меня запутывать? Семейное, что ли? Что ни скажу, все глупо выходит, все они как-то с ног на голову умудряются перевернуть!

— Верита Феодоссия, я вам это кольцо не в качестве предсвадебного подарка предлагаю, а всего лишь даю на время поносить, как оберег. Потом вернете. Что вас так сильно

смущает?

— Не знаю, — честно ответила я. — Мне просто это кажется неправильным. Как будто чужое берешь.

— Несомненно, такой серьезный подход делает вам честь. Тем не менее я очень прошу вас принять мою защиту и согласиться некоторое время поносить кольцо. Поверьте, я не самый никчемный маг на свете и могу принести какую-никакую пользу. Или же вы сомневаетесь в моих возможностях?

— Нет, что вы, магистр Кальдерон, у меня и в мыслях такого не было! — Вот как теперь прикажете ему возражать, чтобы не обидеть?

— Счастлив слышать! Так вы позволите надеть вам кольцо?

— А… а как я это объясню другим людям? Его же видно будет! Не могу же я сказать, что обручена с вами, это ведь неправда! — ухватилась я за спасительную мысль.

— Думаю, что у Брианды найдется какое-нибудь подходящее украшение, чтобы замаскировать это кольцо под обычную драгоценность, — пожал плечами магистр. — Так вы согласны или будут еще возражения?

Я растерянно хлопала ресницами и не знала, что бы еще сказать.

— Прекрасно, будем считать ваши аргументы исчерпанными, — бодро заявил Филипп. — Позвольте вашу руку.

Я нехотя протянула ему кисть, и мужчина ловко надел колечко мне на палец. Ну да, правильно, он же уже не в первый раз это делает! Интересно, а Марьяна была рада их помолвке? «Да какое мне дело-то, в конце концов?!» — разозлилась я сама на себя за непрошеные мысли.

— Однако у вас такой вид, как будто вы не защитный артефакт надели, а камень себе на шею повесили, — заметил магистр. — Боюсь, моему самолюбию был нанесен ощутимый удар. Пойду с горя сделаю что-нибудь необычное. Вот что в ваших краях делают мужчины, когда огорчаются?

— Дрова идут рубить! — ответила я, не задумываясь, полностью поглощенная изучением своего безымянного пальца.

— Да, это и впрямь необычное времяпрепровождение, — светским тоном сообщил Филипп. — Боюсь, однако, что даже не знаю, есть ли в этом доме топор… Не говоря уж о дровах…

— Вы шутите? — пытливо уставилась я на него.

— Пытаюсь, но получается, видимо, из рук вон плохо. Вы даже не улыбнулись.

— Извините, я немного растеряна.

— Это бывает, — согласился магистр. — Мне самому сказать Бриланде насчет украшения или предпочитаете лично с ней

поговорить?

— Спасибо, лучше я сама.

Я неловко вылезла из кресла, сделала книксен и побрела прочь из библиотеки.

Художница, как и ожидалось, обнаружилась в будуаре, где она что-то нервными росчерками изображала на большущем листе бумаги.

— Что тебе поведал мой ненаглядный братец? — осведомилась девушка, сдувая с глаз выбившуюся из прически прядку.

— Даже не знаю, как тебе сказать, — замялась я.

— Фея, что стряслось? На тебе лица нет! — соизволила оторваться от своего занятия Брианда.

— Э-э-э… вот! — Я продемонстрировала ей руку с кольцом. Идея поговорить с девушкой лично уже не казалась мне такой уж хорошей.

Грифель выпал из пальцев блондинки и покатился по полу, пачкая ковер.

— Зашибись! — Даже не знаю, чего было больше в ее голосе: ужаса или восторга.

— Это не то, что ты подумала! — попыталась исправиться я.

— Серьезно? Тогда я, пожалуй, присяду! Даже не знаю, кто из вас лучше делает сюрпризы: ты или Фил!

В общих чертах я пересказала Брианде нашу с магистром беседу.

— Не-е-ет! — простонала она в ответ, закрывая руками лицо.

— Ты против? — испуганно вскрикнула я.

— Мне просто нужно время, чтобы смириться с неизбежным: мой брат — идиот! — продолжала стонать художница. — И это уже не лечится!

— Извини, я не хотела тебя расстраивать! Если ты считаешь, что я поступила недостойно, я сейчас же верну ему кольцо.

— Куда пошла? А ну, сядь сейчас же! — слабым голосом приказала девушка. — Нет, вы меня в гроб вгоните, честное слово! Это ж надо было додуматься! Анс неделю ржать будет!

— Да ты объясни толком, что случилось? — попросила я. — Может, еще все можно поправить.

— Отсутствие мозгов не поправить никак! — тоскливо сообщила блондинка. — Я не про тебя, чудо в перьях! Хотя вы и стоите друг друга, честное слово!

Более понятной реакции я от нее так и не дождалась: девушка еще долго стонала и охала, зато согласилась дать мне то, что сумеет замаскировать обручальное кольцо. Через несколько

минут мой безымянный палец украшала странная золотая завитушка, полностью закрывающая половину перста. Больше всего эта штучка напоминала уменьшенный вариант дверной пружины. Согнуть палец я теперь не могла, зато тоненький ободок обручального колечка настолько сливался со спиралькой, что даже я не сразу могла понять, где заканчивается одно и начинается другое.

ГЛАВА 38
Запашник

Чеккине я про записку так и не сказала, чтобы не пугать. Подруга действительно на Урви-берега убежала повидаться с братьями. Она планировала вернуться до закрытия общежития, но потеряла счет времени и опоздала. Пришлось ночевать в городе.

Я была безмерно рада уже тому, что с девушкой все благополучно, а потому даже не стала ее корить за безалаберность. Просто крепко-крепко обняла и сказала, что волновалась за нее. Франческа легкомысленно отмахнулась и пообещала в следующий раз предупредить. Зато мое новое кольцо вызвало у соседки кучу вопросов. Разумеется, певунья сперва подумала, что это подарок поклонника. Я сказала почти правду: мол, старое кольцо Брианды, которое ей разонравилось, вот она мне его и подарила. Такой прозаический вариант быстро остудил интерес Чеккины.

Оказалось, что такие замысловатые украшения очень популярны в Либерьяне. Чеккина сама высказала предположение, что колечко привез для сестренки магистр. Я происхождением спиральки как-то забыла поинтересоваться, так что легко согласилась с мнением Франчески. Гораздо больше меня волновало, не заметит ли подруга второго кольца, но тут мне повезло: девушка уже не раз видела изделия либерьянских ювелиров, а потому особо не вглядывалась. Как только выяснилось, что никакие таинственные кавалеры в дело не замешаны, золотая пружинка потеряла для моей соседки все очарование. Мне это было только на руку.

Вскоре наступил травень, а с ним пришла и пора экзаменов. Я была уверена, что провалюсь, и уже даже подумывала, как бы мне остаться в столице, но подальше от Академии. Выходило, что проще всего устроиться кружевницей в модную лавку. Жаль, конечно, что место в рядах обслуживающего персонала Академии для меня закрыто до той поры, пока не найдут моего недоброжелателя, но тут уж я ничего поделать не могла.

Эту сессию я запомнила еще хуже зимней. Точно помню лишь то, что на экзамене по танцу нам с Питером выпала гальярда. Худшего варианта, наверное, и быть не могло. Это очень веселый и кокетливый танец, будто специально придуманный для влюбленной пары. Мы, конечно, честно изобразили все движения, но, боюсь, даже траурный марш вызвал бы во мне большее оживление. Как я ни старалась забыть нанесенную обиду, все

равно рана в душе до сих пор кровоточила. Да, я понимала причины поступка Питера, даже в какой-то степени примирилась с мыслью о необходимости такого шага, но вот боль давала о себе знать почти на каждом занятии. Надеюсь, что когда-нибудь я все же смогу излечиться и простить.

Чеккина периодически намекала мне, что вокруг красавца блондина увиваются другие девушки, но меня это совсем не трогало. Он, конечно, неплохой человек и думал не о своей выгоде, а о чужом благе, но доверять ему, как раньше, я все равно не могла.

Вечером в здании администрации должны были вывесить списки счастливчиков, успешно поднявшихся на первую ступень обучения. Во время ужина столовая гудела и едва не ходуном ходила, так все волновались. Наверное, одна я сидела будто пришибленная и ковыряла вилкой в тарелке. Кусок в горло не лез. Когда трапеза закончилась, Чеккина тянула меня скорее бежать смотреть списки, а у меня ноги заплетались и никак не хотели слушаться. Я была абсолютно уверена, что сегодня мне предстоит собирать саквояж.

В итоге подружка унеслась вперед, а я плелась позади всех. В холле административного корпуса было не протолкнуться. Многие плакали. По их словам я поняла, что количество отчисленных в этот раз существенно больше, нежели перешедших на вторую ступень счастливчиков.

Тяжко вздохнув, я решила переждать в сторонке, пока народ немного рассосется, но тут из толпы вырвалась визжащая Франческа и набросилась на меня.

— Мы! Мы! Мы! Мы прошли! Мы сдали! Фе-е-е-ейка! — подпрыгивала Чеккина, умудряясь одновременно трясти меня за плечи.

— Очень рада за тебя! — искренне улыбнулась я подруге. Вот уж кто прирожденный искусник, так это она!

— А за себя почему не радуешься?

— А я что, тоже сдала?

— Конечно! Я же говорю: мы! Мы с тобой умницы и красавицы, каких поискать!

— А вы от скромности не умрете, деточка! — захихикал кто-то сзади.

Обернувшись, я увидела высокого худого старика в мантии с золотой отделкой.

— Верит ректор! — Мы с Франческой одновременно присели в реверансе.

— Полно, милые, полно! Надо прыгать и радоваться, пока

молодые! — Старик слегка потрепал Чеккину по щеке, но обратился почему-то ко мне: — Дитя, это ведь твоя семья заготавливает травы для лечебницы?

— Да, верит ректор.

— Как хорошо, что я тебя встретил! У меня есть одна просьба личного характера. Можем мы пройти в мой кабинет, чтобы обсудить ее?

— Конечно, верит ректор!

— Я тебя в общежитии подожду, — одними губами шепнула Франческа.

Я лишь кивнула и засеменила вслед за ректором. Мы довольно долго шли по коридорам, пока не уперлись в высоченную двустворчатую дверь из мореного дуба. Маг на удивление легко распахнул створку и пропустил меня вперед. В помещении было темно, я сделала лишь пару шагов, когда дверь с глухим стуком закрылась за спиной. Думала, что ректор сейчас хлопнет в ладоши, зажигая магический свет, но он этого не сделал.

Зато я почувствовала прикосновение сухих пальцев к шее, но даже вскрикнуть не успела, как под косой меня словно пчела ужалила. Немножко больно, конечно, но вполне терпимо. Я испуганно хлопнула в ладоши сама, но ничего не произошло.

— Детка, ты здесь свет не включишь! — совершенно спокойно произнес у меня над ухом старческий голос.

Я отпрыгнула в сторону, не зная, чего ждать.

Раздался щелчок, и надо мной завис небольшой зеленоватый шарик, лишь слегка рассеивающий мрак.

Ректор стоял, склонив голову набок, и внимательно осматривал меня.

— Странно, на тебе есть еще один артефакт, — задумчиво произнес он.

Я непроизвольно схватилась рукой за горловину платья, ожидая нащупать защитный амулет, но его там не было. Зато старик с удивительной для его возраста скоростью метнулся ко мне и вцепился крючковатыми пальцами в мою ладонь.

— Поздравляю, деточка, поздравляю, — захихикал он, больно сжав мой безымянный палец, — только вот наш непревзойденный магистр истинного Слова сюда войти не сможет. Но плохо, что он узнает о нашей беседе. Придется обойтись без магии. Жаль.

— Так это вы пытались меня сжечь?.. — сама себе не веря, изумилась я. Что я ректору Академии-то умудрилась плохого сделать? Я и видела-то его только один раз.

— Прости, деточка, это было ужасно, но ты сама виновата: надо было кушать вкусные конфетки и мирно засыпать. А теперь

придется подпортить твою миленькую внешность. Кальдерон очень расстроится. — Самое страшное, что старик говорил ласково и вроде как с сожалением. У меня аж мурашки по позвоночнику побежали от его слов.

Я один лишь раз видела безумца. Это было в Пеньковке. Там у вдовы сапожника родился больной мальчик, и лекари ничего сделать не смогли. Он рос тихий, ласковый, но однажды во время ярмарки вдруг набросился на какого-то малыша и начал душить. Руки сжимал у маленького на горлышке и ласково так улыбался. Взрослые мужики вдвоем разнимали, еле разняли. Хорошо хоть малыша подлечили потом.

Вот ректор сейчас до жути напоминал того вдовьего сына.

Уж не знаю, как так вышло, может, как раз воспоминание о случае на ярмарке помогло, но когда старый маг попытался схватить меня за горло, я умудрилась цапнуть его зубами за руку. Со всех сил. Истинник вскрикнул, я оттолкнула старика и бросилась к двери. Всем телом навалилась на створку, но та даже не дрогнула. Я отчаянно замолотила кулаками по преграде, но лишь пробудила слабое эхо.

— Ты не выйдешь отсюда! — забулькал безумный, приближаясь ко мне. — Не продлевай агонию, дитя, смирись.

Глядя на его печальные козьи глаза и мелко трясущуюся бороденку, я вжалась спиной в дверь и завопила.

Неожиданно вспыхнул свет и почти одновременно раздался звенящий голос магистра Кальдерона:

— Замри!

На миг ослепнув, я непроизвольно зажмурилась, а когда открыла глаза, ректор неподвижно стоял прямо передо мной, тянул ко мне сухенькие ручки, и его шишковатые пальцы меленько подрагивали, словно силясь раздвинуться.

Я судорожно хватала ртом воздух и боялась шевельнуться.

Тут за плечом старика возник верит Дорэ и накинул на запястья ректора толстую цепочку.

— Верита Ролло, вы в порядке? — обеспокоенно спросил декан.

— Д-да… — еле выдавила я, медленно, по стеночке, отползая от застывшего ректора.

Оказывается, мы находились вовсе не в кабинете, а в почти пустой комнате с голыми стенами. Здесь не было ничего, кроме нескольких кресел с высокими спинками, составленных в круг в самом центре. На подлокотнике одного из кресел сидел ссутулившийся магистр. Мне показалось, что он выглядит бледным и осунувшимся. Я уже хотела спросить Филиппа, хорошо ли он себя чувствует, но меня опередил декан:

— Я потрясен, знаешь ли! Вот так, с одного пинка, пробить защиту Дайлера… Если бы мне кто рассказал, не поверил бы!

— Да иди ты знаешь куда? — беззлобно откликнулся магистр.

— Ну, в общих чертах — догадываюсь! Мне вот интересно, что б ты делал, герой, если бы Дайлер ее не в зал Совета затащил, а к себе в кабинет? Туда бы я не вошел!

— Честно? Понятия не имею!

— Кстати, а почему, действительно, не в кабинет? — задумчиво заметил декан, поглядывая на постепенно отмирающего ректора. Старик уже смог сжать руки в кулаки.

— В приемной сидит старая грымза! — подсказал магистр.

— Ты прав! — легко согласился врачеватель. — Вы хоть в себя-то пришли, верита Ролло? — переключился он на меня.

— Да, — уверенно ответила я и отрицательно помотала головой.

— Я вижу! — усмехнулся декан.

И тут раздался надтреснутый голос ректора, все еще стоявшего лицом к двери:

— Глупец! Ты решил, будто ты рыцарь на белом коне? Спас невинную деву, убил огнедышащего дракона? Да ты даже не представляешь, какое зло хочешь впустить в этот мир! Сверни ей шею сам, пока не поздно! Тьма сестер, тьма! Твоя невеста — сестра Тьмы! Сестра Тьмы! Убей ее! Убей сестру Тьмы! — И старик захлебнулся лающим смехом.

— Какой занимательный бред, однако, — заметил глава врачевателей, покосившись на меня. — Верита Ролло, вам лучше вернуться в общежитие! Пойдемте со мной!

Я еще и шагу сделать не успела, как магистр выпрямился и предостерегающе произнес:

— Анс!

— Что ты дергаешься? — развел руками декан. — Я ей просто портал поставлю, только и всего! Или предпочитаешь, чтобы она по улице добиралась?

Филипп промолчал.

— Идемте, верита Ролло, идемте! — потянул меня за руку декан.

Мужчина легко обошел загородившего одну из створок ректора, толкнул вторую половинку двери, и она легко распахнулась. Я покорно плелась следом, хотя и обвела настороженным взглядом старого мага.

В коридоре декан вдруг быстро схватил меня за запястье и поднес мою ладошку к своим глазам.

— Вот дурак! — простонал он, злобно зыркнув на меня.

Впрочем, в следующий миг передо мной уже возник высокий овал, переливающийся всеми цветами радуги. — Прошу вас, верита Ролло, здесь сейчас и без вас забот хватит!

Я неуверенно покосилась на дубовую дверь, но все же шагнула в портал.

ГЛАВА 39
Зеленые щи

Лишь спустя два дня я сумела разыскать на факультете Искусства Брианду. Девушка была всклокоченной и злой, но я все же робко поинтересовалась здоровьем магистра.

— Здоров как бык, что ему сделается! — фыркнула художница.

— Просто в последний раз, когда я его видела, он выглядел изможденным, — пояснила я.

— Еще бы! Он же полностью выложился, пробивая защиту старого пердуна! Или ты думаешь, что любой дурак запросто остановил бы нашего ректора?

Я не знала, что на это ответить.

— Брианда, ты извини меня, пожалуйста, я, видимо, не вовремя, но очень хочу вернуть тебе драгоценности, а то нехорошо как-то!

— Что еще за драгоценности?

— Вот эти. — Я стянула с пальца золотую спиральку и оберег магистра.

— Либерьянскую цацку можешь оставить себе, она мне все равно не нравится, — махнула рукой девушка. — А обручальное — не мое, а Фила. С ним и разбирайся.

— Я бы с радостью вернула кольцо самому вериту Кальдерону, но не знаю, где его найти. А твое — очень красивое, спасибо тебе большое, но ты же знаешь, что мне совестно принимать такие подарки. Забери его, пожалуйста!

— До чего ты все же приторной бываешь, аж противно! — вызверилась на меня Брианда. — Вот не стоишь ты Фила, неблагодарная девчонка!

— Я безгранично благодарна магистру Кальдерону за спасение, честное слово! Я ему руки целовать готова! Но я же тебе уже объясняла, что это кольцо мне только на время было предложено. Сейчас, как я понимаю, опасность миновала, и я хочу поскорее его вернуть. Вдруг оно понадобится магистру!

— Для чего? — прищурилась девушка.

— Ну, как для чего… — удивилась я.

— Нет, Анс прав, ты — наказание! — прикрыв глаза ладонью, простонала Брианда. — Тебя надо в музее выставлять! В качестве эталона наивной овцы!

— Вот, теперь и ты меня обзываешь! — возмутилась я. — Что я тебе плохого сделала?

— Это не обзывательство, а констатация факта! — уверенно произнесла блондиночка. — Но мне понравилось твое предложение!

— Какое?

— Предыдущее, — как-то непонятно объяснила она. — Давай руку!

Как я и думала, мы перенеслись в будуар Брианды.

— Значит, так! Мой братец сидит в библиотеке, — бодро начала художница. — Ты идешь туда… хотя нет, лучше я тебя до двери доведу, чтоб не сбежала… вы там с ним сами, как хотите, разбираетесь со своим кольцом, но запомни одно: ты обещала, что будешь ему руки целовать!

— Как? — оторопела я.

— Как хочешь! Подробности меня не интересуют! — отрезала блондинка.

— Брианда, да ты что такое говоришь? Ничего подобного я не обещала!

— Так, я не поняла, ты что, все-таки неблагодарная? — топнула она ногой.

— Я… ну… как же… а если магистр Кальдерон будет против? И вообще, вдруг ему не понравится? — попыталась защититься я.

Мои слова почему-то произвели на девушку поразительное действие: она закрыла лицо руками и задрожала всем телом.

— Бриандочка, ты что, плачешь? — кинулась я к ней.

— Я сама не знаю, плачу или смеюсь, — с трудом ответила задыхающаяся художница, — но это феерично! Феерично! Это… нет, так не бывает! Все же двух таких упертых баранов захочешь специально найти — и не отыщешь! Повторяю еще раз, — отняв ладони от лица, скомандовала собеседница, — ты обещала, что за свое спасение будешь моему брату руки целовать! И имей в виду: я проверю!

— Как? — пискнула я.

— Молча! А теперь: шагом марш!

Девушка буквально волоком дотащила меня до двери библиотеки и втолкнула внутрь.

Я робко сделала несколько шагов. Сидевший в кресле магистр поднял голову от книги, при виде меня отложил томик, а затем встал со своего места:

— Верита Феодоссия! Вы ко мне?

— Да. — Я вежливо сделала книксен. — Здравствуйте, магистр Кальдерон! Я пришла справиться о вашем здоровье.

— Благодарю за заботу, с ним все благополучно. Желаете присесть?

Я поспешно опустилась в кресло. Просто мне показалось, что

Филиппу еще тяжело стоять, а садиться прежде дамы не положено по этикету.

— Очень рада, что вы себя хорошо чувствуете. Я волновалась за вас.

— Правда? — Ну вот, опять выгнутая бровь.

— Конечно. Вы же сумели сделать невозможное: одним словом остановить верита ректора.

— Чего только на свете не бывает, — спокойно заметил мужчина.

Я так и не поняла, к чему конкретно относилось его замечание, но уточнять не стала.

— Только мне никто так и не объяснил, почему, собственно, верит Дайлер покушался на мою жизнь.

— Да, это непростительное упущение. Как вы, должно быть, заметили, ректор соизволил несколько повредиться рассудком. Он много лет изучал фольклор коренных народов Веритерры, и его внимание привлекла одна сказка. Вероятно, она вам даже известна: про сестру Тьмы.

— Эту сказку у нас все дети знают. В ней говорится о том, как сестра Тьмы единым порывом сумела бросить вызов богам и перевернуть устоявшийся миропорядок.

— Совершенно верно. Так вот, помраченное сознание ректора начало воспринимать эту побасенку как пророчество, дошедшее до нас из глубины веков. Будто бы «единый порыв», о котором говорится в сказке, — это порыв тьмы сестер, объединившихся в желании создать новое мироустройство. Он, видите ли, посчитал, что до сих пор сказку понимали неверно и что слово «тьма» следует рассматривать не как аналог слова «темнота», а как числительное. У вас же, как известно, сестер и в самом деле почти что тьма, вот Дайлер и попытался избавить мир от угрозы. К концу нашего общения он уже только повторял на все лады: «Тьма сестер — сестра Тьмы». Это стало его навязчивой идеей.

— Ох! А что с ним теперь будет?

— Остаток жизни он проведет в специализированной лечебнице. Не волнуйтесь, верита Феодоссия, там за ним будут очень хорошо следить, так что ни вам, ни вашим сестрам решительно ничего не угрожает.

— Так что же, в Академии теперь нет ректора?

— Отчего же. Насколько мне известно, вчера Совет Академии избрал нового ректора. Им стал небезызвестный вам Ансельм Дорэ.

— Декан Дорэ теперь ректор? — удивилась я. — А кто же стал деканом вместо него?

— Магистр Грэгори.

— А лечебницей теперь станет заведовать кто-то другой?

— Да, но — увы! — я как-то забыл поинтересоваться личностью нового заведующего.

— Магистр Кальдерон, раз мне теперь ничто не угрожает, я хочу поскорее вернуть вам ваше фамильное кольцо. — Я торопливо стянула с пальца ободок и вложила в руку мужчины. — Оно вам и самому в любой момент может понадобиться.

— Вы правы, обручальное кольцо — это такая штука, которая может понадобиться порой совершенно неожиданно.

— Конечно, — радостно согласилась я. — Вот вам же оно неожиданно понадобилось для моей защиты.

— Резонно, — признал Филипп.

— Кроме того, я хочу от всей души поблагодарить вас за мое спасение! Вы самый смелый человек на свете! Я вам бесконечно признательна! — Произнеся положенные слова, я соскользнула с кресла на ковер, встав на колени, и прижалась губами к длани магистра.

— Это вас Брианда надоумила? — холодно спросил мужчина.

— Да… нет… не совсем, — моментально запуталась я. — Я знала, что вам не понравится!

Тут магистр закашлялся.

— Вам нехорошо? — Я вскочила, порываясь бежать за художницей.

— Сядьте, будьте так любезны, — распорядился магистр.

Я послушно уселась обратно в кресло.

— В следующий раз, когда моя невероятная сестрица станет навязывать вам свою точку зрения, просто скажите ей, что она лезет не в свое дело.

— Но это же грубо! — не согласилась я.

— Это — не грубо, это — правда! — возразил Филипп. — Грубо будет, если я ее выпорю.

— А разве она вам позволит?

— А разве я буду ее спрашивать? — в тон мне ответил мужчина.

— Хорошо, я так и сделаю, — поспешила согласиться я.

Когда я вернулась в будуар, художница раскладывала на столе какие-то коробки.

— Как все прошло? — поинтересовалась она.

— Как я и предполагала: магистру Кальдерону не понравилось.

— Правда? — Брианда умела выгибать бровь точь-в-точь как брат.

— Он сразу же понял, что это ты меня подучила.

— Идиот, но умный.

— И обещал тебя выпороть! — мстительно сообщила я.

— Отлично! — не пойми чему обрадовалась девушка.

— А еще магистр Кальдерон научил меня, как тебе в следующий раз отвечать!

— И как же?

— Не скажу! — гордо ответила я.

— Смотри-ка, Фил — прирожденный педагог, за полчаса сумел наставить тебя на путь Истины! — восхитилась художница. — Ладно, раз уж ты такая способная ученица — та-дам! — принимай подарки!

— Брианда, нет! — заартачилась я. — Ты и так завалила меня подарками безо всякого повода!

— Как это без повода? — возмутилась девушка. — Ты перешла на вторую ступень обучения! Скоро Посвящение, и мы наконец точно узнаем, какой у тебя дар! А после Посвящения, если ты не забыла, будет Весенний бал, на котором чествуют новых адептов! И ты будешь на этом балу королевой, поверь мне!

ГЛАВА 40
Комарник

Аккурат в день Посвящения вернулись из южных краев комары. Хорошо, что в Храме их не было, видимо, курящиеся благовония распугивали.

Сегодня на ступенях Храма Великой Веритассии собрались все преподаватели Академии, а нас, без пяти минут адептов, выстроили в проходе. В центре храма стоял длинный стол, на котором были расставлены какие-то замысловатые предметы — ровно восемь. Позади стола находились семеро деканов. Мне особенно радостно было видеть среди них верита Грэгори в новенькой мантии с серебряным кантом. Добрый лекарь наверняка будет хорошо относиться к учащимся. А вот возвышающаяся справа от стола фигура декана… то есть уже ректора Дорэ внушала мне ужас. Я еще не забыла злобного взгляда, брошенного на меня, когда он думал, будто я — невеста магистра Кальдерона.

По левую сторону стола стоял высокий осанистый мужчина с благообразными чертами лица. Чеккина шепотом пояснила мне, что это — Верховный жрец Веритерры.

Ректор развернул длинный свиток и начал по одному вызывать бывших неофитов к столу.

Каждый, подходя, преклонял колено, Верховный жрец снимал с испытуемого мантию и что-то произносил, водя руками у того над головой. Предметы на столе оказались светильниками. После действий жреца один из них испускал луч света.

— Так богиня являет свою волю — через свет Истины, — объяснила мне шепотом Франческа. — Цвета указывают на факультеты, а высота пламени — на потенциальную силу будущего мага.

Вскоре я поняла, что оранжевый свет обозначал факультет истинного Искусства, зеленый — истинного Врачевания, белый — истинного Служения, фиолетовый — истинного Знания, синий — истинного Слова, голубой — истинной Защиты, а желтый — истинного Мастерства. Лишь самый ближний к ректору светильник не загорелся ни разу. Видимо, это был атрибут факультета истинного Чувства.

Высота пламени в основном была примерно одинаковой — в локоть, но несколько раз луч света взлетал на аршин, если не выше.

После того как богиня указывала, на какой факультет следует

зачислить учащегося, декан этого отделения Академии собственноручно накидывал на плечи адепта черно-бордовую мантию.

Питер был вызван к столу одним из первых. Его зачислили на факультет истинного Мастерства. Я порадовалась за юношу: он очень хотел стать артефактором. Видимо, его мечта сбылась.

Моя очередь подошла, когда большая часть новоиспеченных адептов уже стояли на ступенях в окружении своих товарищей и преподавателей.

С замирающим сердцем я опустилась на колено перед столом. Декан Грэгори ободряюще улыбнулся мне, а потом я склонила голову. Верховный жрец певуче произнес какую-то непонятную фразу, и почти сразу я услышала знакомый скрипучий голос:

— Свершилось!

Под сводами Храма раздался дружный вздох. Я подняла глаза. Чуть правее меня перед столом со светильниками стояла полупрозрачная женщина. Нет, не стояла! Ее крохотные ножки не касались пола. Она была удивительно миниатюрной, словно девочка-подросток, а ее одежда была не похожа ни на одно из виденных мною ранее платьев. Яркое, красиво стекающее вдоль тела расписное одеяние с мешкообразными рукавами и широченным поясом казалось великоватым для этой хрупкой дамы. Черные волосы были собраны в гладкую высокую прическу и украшены цветами и вычурными заколками. Вокруг незнакомки переливалось радужное сияние, а откуда-то из-за ее спины в потолок Храма бил столб ярко-красного света.

Как ни странно, ректор Дорэ низко поклонился женщине и с благоговением произнес:

— Рад видеть вас наяву, декан Окуни!

Все остальные деканы и преподаватели повторили это приветствие. В свою очередь она сложила ладошки перед грудью и отвесила три поклона: ректору, деканам и остальным собравшимся. После чего подплыла ко мне.

— Девочка, — прохрипела она, — путь ведуний тяжел и тернист, наш дар требует обязательного воплощения в этом мире, потому никто из нас не может уйти за грань бытия, не передав свою часть благодати преемнице. Ждать преемницу можно очень долго, поверь, я знаю это как никто другой! Но у тебя еще есть возможность отказаться от этого проклятья. Ты можешь сейчас встать, уйти из Храма, и никто не посмеет тебя остановить. Решать только тебе.

Я слышала много сказок о привидениях, но вот видела призрака впервые. Мне всегда казалось, что это выдумки, однако

ж вот оно, привидение, парит в воздухе прямо передо мной. Страшно ли стать призраком в ожидании неведомой преемницы? Не знаю. И надеюсь, что мне не доведется этого узнать.

— Если такова воля богини, я готова стать ведуньей! — неожиданно звонко раздался в наступившей тишине мой голос.

— Ты сделала свой выбор! — ответила декан Окуни. — В моем лице все наши ушедшие за грань сестры приветствуют тебя!

Женщина взмахнула рукой, и на мои плечи опустилась мантия адепта.

— Вставай рядом с ректором, девочка. Я приду к тебе, когда наступит время, — с этими словами призрак растворился в воздухе.

Я поднялась и заняла место рядом с ректором Дорэ.

— Поздравляю вас, адепт Ролло, — негромко произнес мужчина.

— Благодарю вас, верит ректор.

Странное чувство охватило меня, словно бы что-то неуловимо изменилось внутри, как только новая мантия коснулась моих плеч. Я чувствовала себя… цельной! Будто какая-то частичка души все девятнадцать лет спала и только сегодня проснулась. Я наконец-то обрела покой и гармонию, которых так не хватало мне весь последний год. Даже колючий взгляд ректора, то и дело останавливающийся на мне, уже не тревожил.

Я спокойно наблюдала за посвящением остальных учащихся и радостно улыбнулась Чеккине, вызвавшей луч оранжевого света в аршин высотой.

После окончания Посвящения мы размеренно потянулись к выходу из Храма. В толпе меня нашла оживленная Брианда в черно-золотом платье. Девушка часто носила наряды, выполненные в этой цветовой гамме. Художница порывисто обняла меня и застрекотала о том, как она рада и как теперь станет весело в Академии, когда откроется давно забытый факультет. Уже у дверей к нам присоединился магистр Кальдерон. Он так же вежливо поздравил меня, но выглядел при этом несколько озабоченным.

На площади перед Храмом я сразу увидела беловолосую голову Питера. Извинившись перед своими спутниками, я подошла к одиноко стоящему юноше.

— Питер, я хочу тебе сказать, что, когда выучусь, согласна поехать к вам на Север!

Наверное, даже появление самой Великой Веритассии не вызвало бы такой бури эмоций на вечно каменном лице северянина. Юноша расхохотался, схватил меня в охапку и

закружил.

— Спасибо тебе, Фея! Я буду твоим вечным должником! — искренне произнес он, опуская меня на землю.

У меня слегка закружилась голова, так что пришлось опереться на сильную руку парня. Краем глаза я заметила, что стоящая неподалеку Брианда тихо охнула и прикрыла рот ладошкой.

ГЛАВА 41
Свистун

Как и обещала художница, на Весеннем балу я была настоящей королевой. И тому немало способствовало роскошное платье из золотой парчи, переливающееся на свету бордовыми искрами. Я честно хотела отказаться от этого подарка, но, когда Брианда продемонстрировала мне волшебный наряд, не сумела устоять. Я никогда еще не выглядела такой яркой, как сегодня. Именно такими представали в моих грезах героини любовных романов. Хоть раз в жизни, но мне хотелось быть похожей на прекрасную принцессу. Хотелось кружить головы, смеяться, веселиться и даже флиртовать. Делать этого я совершенно не умела, но хотеть хотела.

Примирение с Питером прошло на удивление спокойно. Наверное, и впрямь в Храме мне передалась какая-то частичка мудрости древних ведуний. Мы даже несколько раз потанцевали с юношей. Впрочем, сегодня я танцевала почти со всеми мужчинами в зале.

В самый разгар вечера я заметила выходящую из зала Брианду и пошла за ней. Я надеялась, что девушка подскажет, где найти брата, которого мне очень хотелось поблагодарить за преподнесенный в подарок золотой браслет в виде змейки, прекрасно подходивший к платью. Раньше как-то не представилось случая это сделать, а на балу я магистра не заметила.

— Я передам, что тебе понравился браслет, — холодно сообщила блондинка, присаживаясь на лавочку во дворе. Несколько месяцев назад именно здесь я отводила взгляд от звездного неба, чтобы не вспоминать глаза верита Филиппа.

— Странно, что я до сих пор не видела магистра Кальдерона, бал в самом разгаре.

— А его здесь нет, — бросила она, отворачиваясь.

— Жаль, — искренне ответила я. — Надеюсь, с ним все благополучно?

— Лучше не бывает, — ядовито заметила девушка.

— Бриандочка, что случилось? — Я тоже опустилась на скамью и сжала руку собеседницы.

— А ты правда не понимаешь? — Взглядом художницы можно было речку замораживать.

— Нет. — Мне стало неловко. — Ты же знаешь, до меня редко доходят даже самые общеизвестные факты. Что произошло?

— Да ничего особенного, просто решил человек надраться в одиночестве.

— Надраться? — переспросила я.

— Ну, напиться с горя или как это у вас называется.

— Прости, я не знала, что у вас горе! Я могу чем-нибудь помочь?

— Можешь, — резко заявила художница, — уезжай скорее со своим женихом в тьму и хаос!

— Ты о чем? Какой опять жених?

— Да все тот же, — устало произнесла девушка. — Я, конечно, не имею права на тебя злиться, ты же с самого начала честно говорила, что не любишь Фила, но все равно злюсь. Это, конечно, пройдет, но сейчас ты меня бесишь!

— Слушай, Брианда, — на удивление спокойно произнесла я, — а давай ты не будешь в очередной раз пытаться меня запутать и просто расскажешь внятно и подробно, что за жених, почему ты злишься и из-за чего горюет твой брат?

— Поразительно! Я впервые не слышу из твоих уст этого блеющего «магистр Кальдерон», — фыркнула художница.

— Тебе стало легче?

— Да!

— Тогда рассказывай.

Она пристально посмотрела на меня.

— Странно. То ли у меня начались проблемы со зрением, то ли ты и впрямь ничего не понимаешь…

— Второе, — пояснила я. — Так что произошло?

— Да ничего особенного, просто ты вдруг решила выйти замуж за своего преданного сына Севера.

— Это тебе кто такую чушь сказал?

— Это я своими ушами слышала! Скажешь, что не обещала после Посвящения поехать с ним на Север?

— Обещала. А замужество тут при чем?

— А ты что, в качестве его любовницы туда ехать собралась? — воззрилась на меня Брианда.

— Нет. В качестве ведуньи. А что тут необычного?

— Подожди, а зачем ему ведунья? — проявила интерес девушка.

— Не ему лично, а северянам вообще…

Я, как могла кратко, пересказала художнице подоплеку истории с аграфом.

— Так ты что, вообще не с ним туда едешь?

— Ну, наверное, он меня проводит или как-то поможет добраться, но я пока об этом не задумывалась. А что тебя так смущает?

— Да я уже и сама не знаю, — оживилась девушка. — Просто эти твои слова выглядели совсем иначе со стороны, и он так искренне радовался…

— Я бы на его месте тоже радовалась! А ты что, услышала мое обещание и решила, будто я туда из любви к Питеру еду?

— Да, в общем-то, и не только я…

— Ну и глупо. Можно было у меня уточнить.

— Так и есть, но все казалось таким однозначным… А хочешь после бала ко мне в гости заглянуть?

— Я уже перестала тебя бесить?

— Пожалуй, что так, — пихнула меня локтем в бок художница.

Я обернулась к зданию администрации, откуда доносилась бравурная музыка, потом поглядела в темнеющее небо и даже для самой себя неожиданно предложила:

— Да можно и не дожидаться конца бала…

Второй раз повторять не пришлось. Девушка схватила меня за руку, и мы оказались в ее будуаре.

Откуда-то доносился звук ударов, но какой-то странный, будто очень крупный град горстями сыплют на крышу.

— О, все еще хуже, чем я думала, — простонала хозяйка и потащила меня в коридор.

Звук доносился из той самой таинственной комнаты, назначение которой я так и не смогла определить весной. Брианда шепнула, что пойдет распорядится насчет чая и тут же убежала, а я робко переступила порог магического помещения.

Верит Филипп при помощи тонкого дрына что-то непонятное отмерял, склонившись над столом с бортиками. Через пару мгновений раздался все тот же перестук, и мужчина распрямился. Заметив меня, он первым делом закрыл глаза и потряс головой. Странно, раньше он просто здоровался.

— Либо я выпил существенно больше, чем предполагал, — сказал он, вновь взглянув на меня, — либо бал закончился на удивление рано. Я смотрю, Брианда примирилась с вашим отъездом?

— Да, мы прояснили возникшее недоразумение.

— Даже так? — удивился мужчина. — Серьезные перемены в жизни теперь принято именовать «недоразумением»? Видимо, я безнадежно постарел.

— Перемены оказались не столь серьезными, как считала Брианда, — улыбнулась я. — Давно хотела спросить: это комната для медитаций?

— Можно и так сказать, но обычно ее называют бильярдной. Здесь, видите ли, играют в бильярд. При помощи кия загоняют

шары в лузы.

Я подошла ближе и увидела рассыпанные по зеленому сукну мячики.

— Никогда не слышала о такой игре. Я, собственно, искала вас, чтобы поблагодарить за чудесный браслет. Он очень красивый. Спасибо.

— Рад, что мой подарок пришелся вам по вкусу! Если уведомите меня заранее о дате бракосочетания, пришлю вам такой же в пару.

— На все воля Великой Веритассии, но в обозримом будущем я замуж не собираюсь. Я ведь уже сказала, что перемены оказались не столь значительными, как казалось Брианде.

— Любопытно, — заметил мужчина, убирая дрын в штакетник к остальным. — Может, вы и уезжать не собираетесь?

— Собираюсь, но только после окончания учебы. Туда, где нужнее всего ведунья. А покамест я здесь.

Магистр, до сих пор стоявший неподвижно, вдруг быстро развернулся и за пару шагов преодолел разделявшее нас расстояние. Он очень бережно, подушечками пальцев, провел по моей щеке. Было приятно, и я улыбнулась в ответ. Медленно-медленно, видимо, давая мне возможность передумать и отвернуться, мужчина наклонился к моему лицу. А мне совсем не хотелось думать. Потому что в глазах цвета ночного неба сияли искры силы, но меня они уже не пугали.